Э. М. Загорульский

ВИЩИНСКИЙ ЗАМОК XII–XIII вв.

Э. М. Загорульский

ВИЩИНСКИЙ ЗАМОК XII–XIII вв.

Студентам исторического факультета
Белорусского государственного университета,
участникам археологических раскопок Вищинского городища, —
тем, кто в числе первых ощутил радость великолепных открытий,
посвящает автор эту книгу

Э. М. Загорульский

ВИЩИНСКИЙ ЗАМОК XII–XIII вв.

МИНСК
БГУ
2004

УДК 930.2.6(476)
ББК 63.4(4БЕИ)
З-14

Р е ц е н з е н т ы:
доктор исторических наук, профессор *П. Ф. Лысенко*;
кандидат исторических наук *Т. Н. Коробушкина*

Загорульский Э. М.
З-14 Вищинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Мн.: БГУ, 2004. – 159 с.: ил.
ISBN 985-485-053-6.

Книга рассказывает об уникальном историческом памятнике на территории Беларуси – боярском дворце-замке XII–XIII вв., раскопки которого велись в течение десяти лет археологической экспедицией Белорусского государственного университета.

Автор дает реконструкцию укреплений и застройки поселения, подробно описывает находки, позволяющие составить представление о хозяйственной жизни и быте обитателей замка, состоянии военного дела и др. Отдельная глава посвящена найденному на месте раскопок кладу серебряных денежных слитков и украшений – шедевров древнерусского ювелирного искусства.

Издание рассчитано на археологов, историков, искусствоведов и всех тех, кто интересуется историей и культурой нашей страны.

УДК 930.2.6(476)
ББК 63.4(4БЕИ)

ISBN 985-485-053-6

ВВЕДЕНИЕ

В течение десяти лет, с 1976 по 1985 г., экспедиция исторического факультета Белорусского государственного университета проводила археологические исследования на Вищинском городище в Рогачевском районе Гомельской области. Результаты раскопок превзошли все ожидания. Был получен великолепный материал по одному из владельческих феодальных поселений Западной Руси. Экспедиция исследовала около $^2/_3$ всей площади поселения, и не случись трагедии в Чернобыле, оно было бы раскопано полностью.

О существовании городища известно давно. В 1873 г. по инициативе профессора Д. А. Самоквасова Центральный статистический комитет через губернские статистические комитеты собрал сведения о городищах и курганах различных регионов Российской империи. Эти материалы были обработаны и в 1903 г. опубликованы археологом А. Спицыным в «Известиях императорской археологической комиссии». В разделе, посвященном Могилевской губернии и Рогачевскому уезду, говорится, что городище расположено «в одной версте от Вищина, по направлению к Кистеням, четырехугольной формы (длиною 31 саж., шириной 20 саж., в окружн. 113 саж.), поверхность площади распахивается, с С., З. и Ю. – рвы и валы» [1].

В начале 30-х гг. XX в. городище было осмотрено белорусским археологом А. Н. Лявданским, опубликовавшим краткую информацию о результатах разведочных работ, проведенных им в Жлобинском и Рогачевском районах. Исследователь писал: «В районе д. Вищин обследовано городище («городок») на левом (правильно – на правом. – *Э. З.*) берегу Днепра. Значительная часть площадки обвалилась в реку, укреплено валами и рвами. Распахивается, рядом с ним – селище. На городище и селище найдены обломки посуды, сделанной на гончарном круге» [2].

В послевоенный период на городище побывали Ю. В. Кухаренко, О. Н. Мельниковская, Л. Д. Поболь и другие археологи. В научной литературе распространилось мнение, что поселение возникло и приобрело основные внешние топографические черты, которые мы наблюдаем и ныне, в железном веке. Именно как городище железного века оно упомянуто в третьем томе «Белорусской Советской Энциклопедии», где помещен и фотоснимок городища [3]. Конкретизируя место Вищинского городища в ряду памятников железного века, Л. Д. Поболь, ссылаясь на собранную им во время посещения городища лепную керамику, отнес поселение к раннему этапу зарубинецкой культуры. Городище функционировало и в эпоху Киевской Руси. Исследователь отмечает найденные им на городище стеклянный браслет и железную шпору XI–XII вв. [4].

В «Очерках по археологии Белоруссии» в разделе, посвященном раннему этапу зарубинецкой культуры железного века, Л. Д. Поболь поместил план и снимок Вищинского городища [5]. Позже графический рисунок Вищинского

городища как классического поселения железного века был воспроизведен в книге В. А. Чантурия по истории архитектуры Белоруссии [6].

В 1976 г. нами были проведены небольшие рекогносцировочные работы на городище. Был исследован шурф 4×4 м, который дал только древнерусский материал: керамику и обломки стеклянных браслетов. Памятник показался однослойным, не осложненным культурами других эпох. Предметы Киевской Руси встречались уже в дерновом слое, и казалось, что поселение только что было оставлено его далекими обитателями. Культурный слой показался довольно бедным, и трудно было представить, чем сможет вознаградить это городище, оставившее безразличными многих археологов, соприкоснувшихся с ним раньше. Признаться, мы не очень надеялись на интересные открытия, памятник представлялся автору этой монографии ординарным, похожим на рядовое сельское поселение. За исследование таких памятников археологи берутся не очень охотно. Затраченное время часто не компенсируется найденными материалами. Но все оказалось иначе.

Вищинское городище было выбрано в качестве объекта полевых работ кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин Белгосуниверситета и места проведения археологической практики студентов исторического факультета. В разное время кроме студентов в раскопках принимали участие А. Н. Ваганова, В. С. Космылев, А. Н. Плавинский, В. Н. Рябцевич. Руководителем работ посчастливилось быть автору этой монографии.

Пользуюсь случаем выразить благодарность всем, кто участвовал в археологических раскопках Вищинского замка, а также Ректорату и сотрудникам Управления редакционно-издательской работы БГУ за помощь в подготовке этой книги.

1. Сведения 1873 г. о городищах и курганах // ИАК. Вып. 5. СПб., 1903. С. 51.

2. *Ляўданскі А.* Кароткае паведамленне аб доследах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930–1931 гг. // Працы кафедры археалогіі БАН. Т. 3. 1933. С. 233.

3. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 3. Мн., 1971. С. 347.

4. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Мн., 1974. С. 172.

5. Очерки по археологии Белоруссии: В 2 ч. Ч. 1. Мн., 1970. С. 153. Рис. 54.

6. *Чантурия В. А.* История архитектуры Белоруссии (дооктябрьский период). Мн., 1985. С. 17.

ГЛАВА 1

ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТОПОГРАФИЯ И СТРАТИГРАФИЯ ГОРОДИЩА

Вищинское городище находится на окраине деревни Кистени Рогачевского района Гомельской области. В науку же оно вошло по имени соседней деревни Вищин, расположенной к югу в километре от Кистеней. Это объясняется тем, что в самих Кистенях, в центре поселка, имеется еще одно городище, которое носит имя этой деревни.

Вищинское городище устроено на правой стороне Днепра, на высокой надпойменной террасе. Его восточная сторона представляет собой обращенный к Днепру высокий и крутой обрыв. Никаких внешних признаков существования здесь вала не прослеживается, хотя со временем край обрыва мог частично обрушиться и несколько сократить общую площадь городища. Не выявлено никаких намеков на вал и в раскопах юго-восточной части городища недалеко от берегового обрыва. Зато с напольной стороны городище было укреплено тремя полукольцами земляных валов, придававших ему форму вытянутого вдоль берега неправильного полукруга. С юга городище ограничено выходящим к реке глубоким оврагом с крутыми склонами. Небольшой овраг имеется также и с северной стороны (цв. вклейка – рис. 1, 2).

По своей форме поселение приближается к типу полукруглых городищ, характерных для владельческих замков эпохи Древней Руси (рис. 1).

Общая площадь ограниченной валом территории составляет 0,63 га. Толщина культурного слоя колеблется от 0,4 м в центре площадки до 1,5 м по краям. Хотя в культурном слое попадается кремень со следами обработки, а также каменные полированные топоры, ранний слой, связанный с неолитической эпохой, стратиграфически не выделяется, и вся толща культурных наслоений, от материка до поверхности, насыщена материалами древнерусского периода.

К сожалению, городище долгое время распахивалось. До сих пор заметны глубокие борозды, пересекающие его с севера на юг. Это привело к значительному перемещению культурного слоя и, как выяснилось в процессе раскопок, разрушению большей части остатков сооружений, относящихся к заключительному этапу существования поселения. Во время войны в центре городища немцы соорудили блиндаж, а вдоль берегового края и с южной стороны были вырыты соединенные с блиндажом окопы, остатки которых сохранились до начала археологических раскопок. В ходе полевых исследований они были засыпаны землей из раскопов.

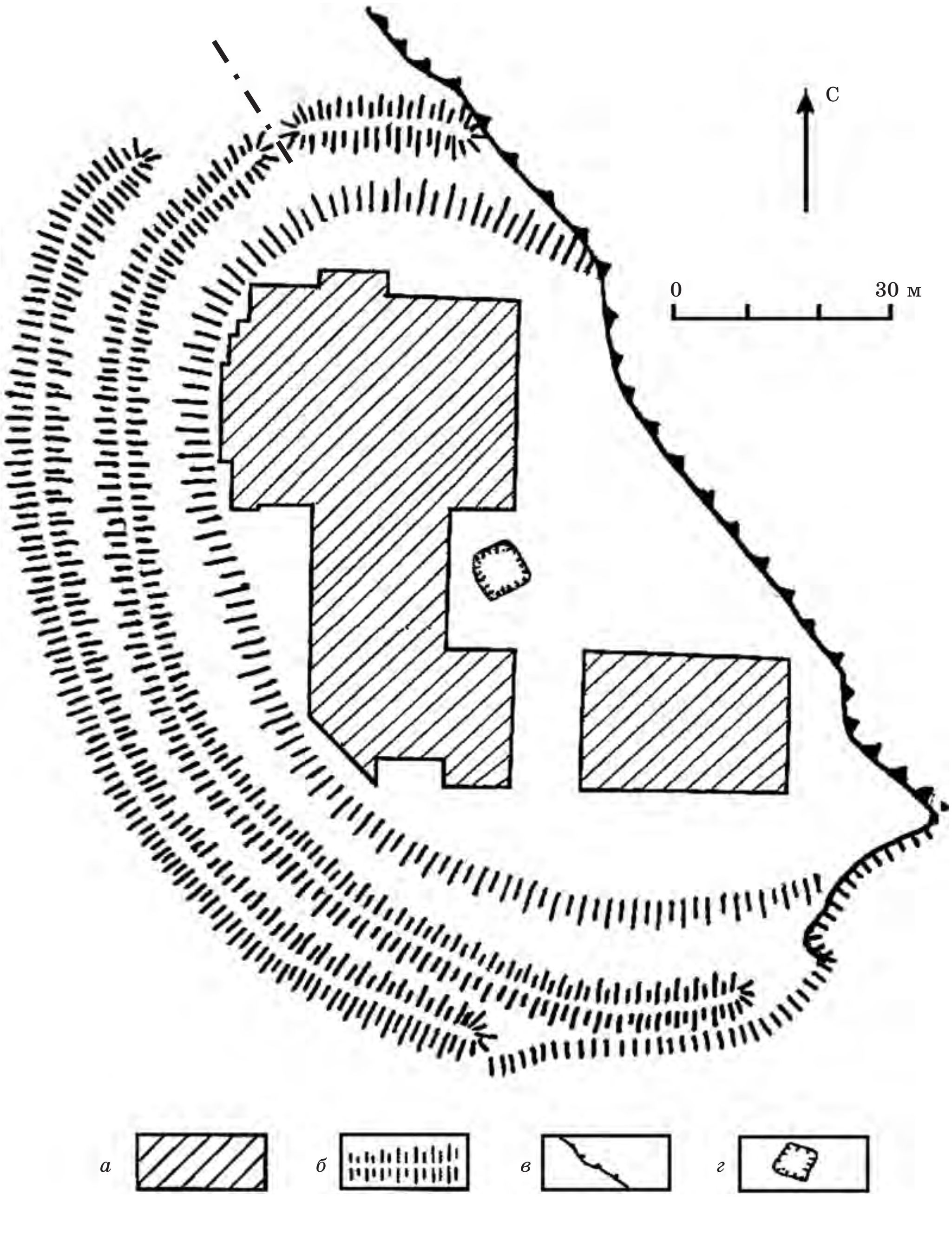

Рис. 1. План городища:
а – оборонительные валы; *б* – береговой обрыв; *в* – исследованная площадь;
г – блиндаж периода Великой Отечественной войны

Как уже отмечалось, в 1976 г. в западной части городища автором этой книги был заложен и исследован шурф 4×4 м, позволивший получить начальное представление о мощности и содержании культурного слоя. Стационарные же раскопки начались в 1977 г.

Прежде чем приступить к раскопкам, всю площадку городища разделили на участки по 100 кв. м. Получилось 54 полных участка и приблизительно 20 неполных. Каждому из них был присвоен порядковый номер, с тем чтобы каждый участок в будущем мог стать потенциальным раскопом с соответствующим номером (рис. 2). Это облегчало планирование полевых исследований на перспективу, упорядочивало раскопки и облегчало увязку раскопов между собой, где бы они ни находились.

Разбивку на участки производили таким образом, чтобы шурф 1976 г. оказался в юго-восточном углу одного из участков (№ 5). Сетка участков была сориентирована строго по сторонам света. Все последующие раскопы с самого начала имели такую же ориентацию. На всех участках во все годы раскопок применялась одинаковая квадратная сетка: каждый полный раскоп имел по

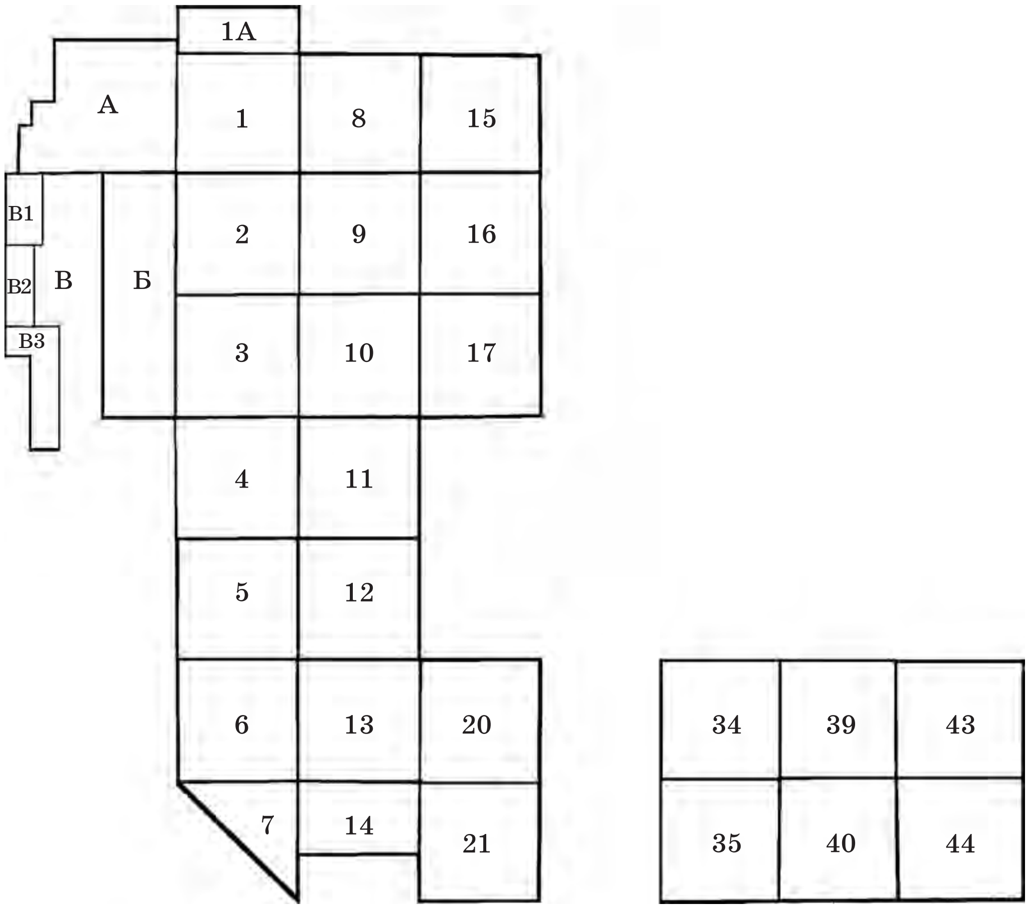

Рис. 2. План расположения исследованных участков

25 квадратов размером 2×2 м с автономной нумерацией. Нумерация квадратов была порядковой: квадрат 1 всегда находился в северо-западном углу раскопа. К югу от него шли квадраты 2, 3 и т. д.

Замеры глубин производились оптическим нивелиром, установленным над юго-восточным углом участка 3 на высоте 1,33 м от поверхности. Горизонт нивелира был принят за условный репер, от которого делались все глубинные замеры в сантиметровом масштабе. Нивелировка показала, что площадка городища имеет уклон в юго-восточном направлении (рис. 3).

Учитывая небольшую мощность культурных напластований, а также то обстоятельство, что находки древнерусского периода, как показали разведочные работы, встречаются на самой поверхности, было решено тщательно перебирать и исследовать и дерновый слой.

Помимо данных о глубине залегания находок, фиксировалось точное место их расположения в раскопе. При этом, естественно, отмечался не только квадрат раскопа, но и место находки в квадрате или раскопе в целом по системе x/y,

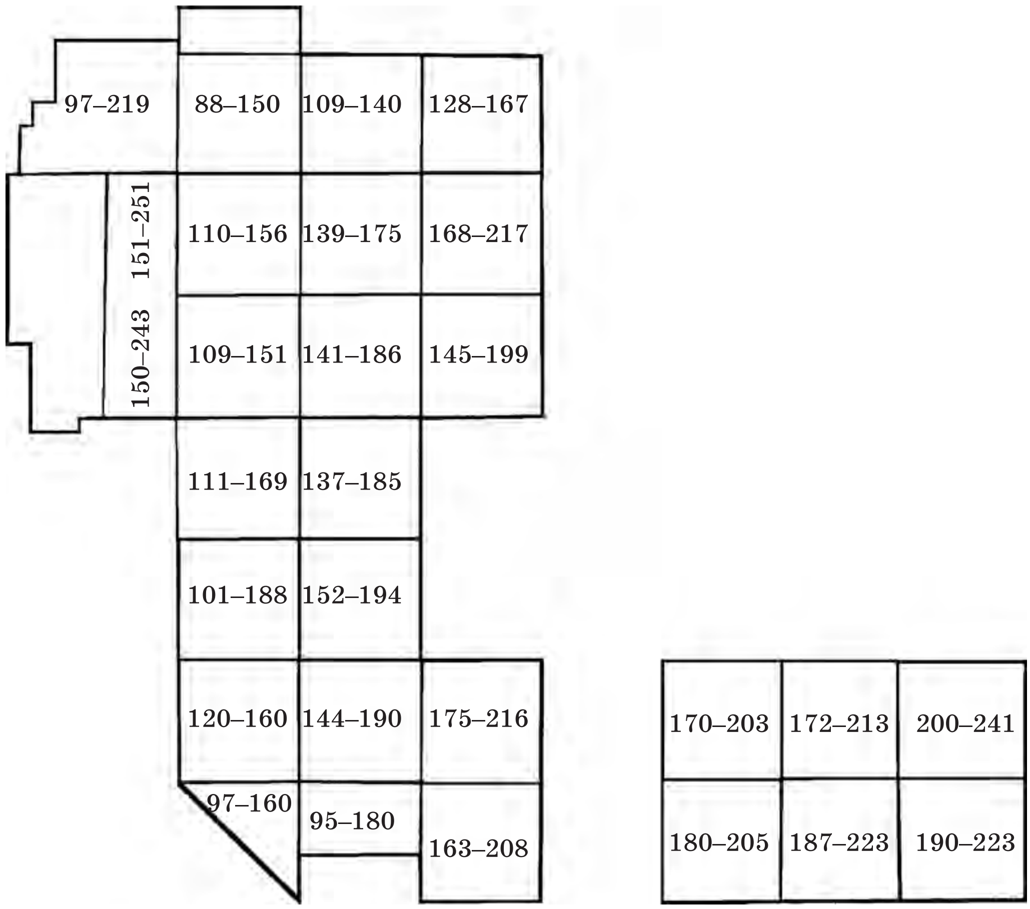

Рис. 3. Начальные и конечные глубинные замеры культурного слоя от репера по центру участков

где x – расстояние от находки до северной стороны квадрата в сантиметрах, а y – расстояние до западной стороны того же квадрата. В 1978 г. применялась иная система горизонтальной фиксации индивидуальных находок: измерялось расстояние от находки до северо-западного (точка a) и северо-восточного (точка b) углов участка. Но такая система, при некоторых ее преимуществах (постоянство точек отсчета), менее оперативна при большом количестве находок и соответственно замеров, и в последующие годы было решено вернуться к первоначальной системе. Все данные x/y и a/b обязательно указывались в коллекционных описях.

Раскопки велись пластами толщиной около 20 см. Толщина пласта по всем квадратам отмечалась в нивелировочных планах соответствующих раскопов. Толщина культурного слоя определяла число пластов в раскопах. В среднем на раскоп приходилось по 2–3 пласта. Массовые находки фиксировались по пластам и раскопам. Все находки из Вищинского городища получили шифр: Вщ + + год раскопок + порядковый номер находки в коллекционной описи соответствующего года раскопок.

В первый год раскопок просмотренная земля сносилась в яму от блиндажа и в траншеи. В последующие годы просмотренной землей засыпались котлованы от раскопов предыдущего года.

Рассмотрим коротко хронологию изучения памятника по годам и основные стратиграфические наблюдения, сделанные в процессе раскопок.

В 1977 г. исследовались участки (раскопы) 1, 2 и 5. Таким образом, была вскрыта площадь в 300 кв. м. Между раскопами 1 и 2 оставалась перемычка шириной 0,5 м, вошедшая в площадь раскопа 2. После исследования участка до материка она была разобрана.

В 1978 г. раскопки велись на четырех участках (3, 4, А и Б) и охватили площадь в 436 кв. м. Новые участки, как и предыдущие, раскапывались в западной и северо-западной частях городища. Они были прирезаны к старым раскопам, составив с ними единый массив. Раскоп 3 располагался к югу от раскопа 2. Раскоп 4 примыкал с юга к раскопу 3. Оба раскопа соответствовали стандарту участков, т. е. имели по 100 кв. м каждый.

Одной из задач раскопок 1978 г. было изучение внутренних оборонительных сооружений городища, на наличие которых указывал рельеф площадки, имеющей заметное повышение вдоль западного и северного краев. С этой целью от квадрата 1 участка 1 к западу была проложена траншея (Тр. 1) 10×1 м, позже расширенная с севера до 2 м. К югу от нее был заложен раскоп А. Поскольку траншея являлась как бы продолжением с севера раскопа А, она была включена в общую квадратную сетку этого раскопа.

Со стороны вала к участкам 2 и 3 с запада был прирезан раскоп Б. Из-за своего расположения на краю городища раскопы А и Б отличались по конфигурации и квадратной сетке от принятого для остальных раскопов стандарта.

В 1979 г. на городище разрабатывались три участка – 6, 1А и В. Раскоп 6 был заложен в юго-западной части городища и прирезан с юга к раскопу 5. Форма раскопа квадратная: 10×10 м. Юго-западный угол раскопа пришелся на вал городища, который в этом месте поворачивал к реке. Раскоп 1А был прирезан с севера к раскопу 1. Его размеры 10×4 м. Этот раскоп примыкал к валу в северной части городища. Основанием для прирезки раскопа было намерение вскрыть продолжение сгоревшей постройки, часть которой обнаружилась в 1977 г. в раскопе 1. Раскоп В размером 3×6 м был разбит на гребне

внутреннего вала в северо-западной части городища вплотную к южной стенке раскопа А. Цель раскопок на этом участке – продолжение исследования оборонительных сооружений. Таким образом, общая площадь раскопов 1979 г. составила 200 кв. м.

В 1980 г. исследовались раскопы 7, 8, 9 и 14, а также небольшой раскоп В2 на валу. Всего было охвачено 374 кв. м. Раскоп 7 был прирезан с юга к раскопу 6 и имел нестандартную форму треугольника, поскольку с юго-запада он наложился на внутренний вал городища. Площадь раскопа составила 50 кв. м. Раскопы 8 и 9 открыли новую полосу участков с севера на юг, которая примыкала с востока к полосе уже исследованных раскопов 1–7. Их форма стандартная – квадрат 10×10 м.

Раскоп 14 занимал место на той же полосе в крайней южной части городища, примыкая с востока к раскопу 7. Он имел необычную форму прямоугольника размером 10×6 м, поскольку к югу от него начинался внутренний вал.

Небольшой раскоп В2 размером 7×2 м с юга примыкал к раскопу В и был заложен с целью дальнейшего изучения оборонительных сооружений городища.

В 1981 г. были разработаны три раскопа – 10, 12 и 13 по 100 кв. м каждый. Все они располагались на одной полосе раскопов 8–14.

В 1982 г. было изучено три стандартных раскопа – 11, 15 и 44, расположенных в разных местах городища. Раскоп 11 находился в центре площадки городища и был последним изученным участком в полосе участков 8–14. Раскоп 15, примыкая с востока к раскопу 8, открывал новую полосу раскопов, пересекавших городище с севера на юг по средней вертикали. В северной части раскоп пришелся на насыпь внутреннего вала городища. Раскоп 44 разрабатывался в юго-восточном углу городища.

В 1983 г. на Вищинском городище было раскопано 400 кв. м, исследованы участки 16, 17, 20 и 21, расположенные на одной полосе, пересекавшей площадку городища с севера на юг почти строго по центру. Поскольку на участки 18 и 19 пришлись немецкий блиндаж и часть подходивших к нему с юга и севера траншей, разрушивших культурный слой этих участков, было решено их не исследовать и оставить в качестве контрольных.

В 1984 г. были раскопаны три стандартных участка – 39, 40 и 43. Все они расположены в юго-восточной части городища рядом с раскопом 44, исследованным в 1982 г.

В 1985 г., как и в предыдущем, работы велись в юго-восточной части поселения. Были вскрыты два раскопа – 34 и 35 по 100 кв. м каждый. Оба они примыкали с западной стороны к исследованным в 1984 г. раскопам 39 и 40 [1].

Таким образом, за все годы раскопок, с 1976 по 1985 г., была изучена площадь, равная 2794 кв. м. Из 54 полных участков раскопано 23. Остались неисследованными приблизительно 15 полных участков по 100 кв. м, которые не приходятся на насыпь вала или не разрушены перекопами. Поэтому можно говорить, что изучено почти $^2/_3$ культурного слоя городища.

Как уже отмечалось, поверхность площадки городища имеет общий уклон в юго-восточном направлении. По уровню поверхности, например, участки Б и 16 различаются приблизительно на 0,2 м, участки 1 и 44 – на 1,25 м. Поскольку городище имело внутренний вал, то разница в уровнях между примыкающими к валу участками и участками в центральной части городища еще более заметна. Перепад глубин наблюдается и в пределах отдельных раскопов, особенно тех, которые расположены возле вала.

Толщина культурного слоя составила в среднем 0,4–0,5 м. Однако возле внутреннего вала она, как правило, больше. Так, в раскопе 1А и в северной части раскопа 1 культурный слой достигает 1,5–1,7 м, но уже в средней части раскопа 1 его толщина уменьшается до 0,4 м. Таким он остается практически на всей полосе участков 1–7, хотя в южной части городища, в раскопах 6 и 7, снова увеличивается до 1 м. В центре городища и ближе к береговому краю он тоньше.

Культурный слой плохо сохраняет органические вещества. В Вищине уцелели только фрагменты обгоревшего дерева. К сожалению, остатки деревянных сооружений, сгоревших на заключительном этапе существования замка, были почти полностью разрушены многолетней распашкой городища.

Небольшой по толщине культурный слой на большинстве участков исследовался в три приема, при этом условно выделялись три пласта: верхний (включавший дерн, который также тщательно просматривался, что и позволило обнаружить в нем несколько замечательных находок), средний и нижний (предматериковый).

По всем участкам (раскопам) были составлены профили всех стенок, которые дают полное представление о стратиграфии памятника, толщине и характере культурного слоя. В процессе изучения замка было зарисовано 78 профилей [2]. Расположение всех профилей можно легко установить по плану расположения участков на городище (см. рис. 2).

Познакомимся со стратиграфическими наблюдениями, сделанными во время раскопок и последующего анализа материалов. Свой обзор начнем с участков, расположенных в западной части городища около внутреннего вала, и постепенно будем продвигаться от них в восточном направлении в сторону берегового обрыва.

Вплоть до участка 21 все раскопы в западной половине городища составили единый раскоп площадью 2194 кв. м. Второй сводный раскоп общей площадью 600 кв. м включал участки 34, 35, 39, 40, 43 и 44 в юго-восточной части городища.

В траншее 1, раскопах 1А, В, В2, 6 и 7, пришедшихся на вал, были обнаружены остатки деревянных укреплений, которые подробно рассматриваются в отдельной главе. Здесь же мы ограничимся только некоторыми общими замечаниями, представляющими стратиграфический интерес. Как мы уже говорили, вся площадка городища была поделена на отдельные участки по 100 кв. м каждый, кроме тех, которые пришлись на края площадки. Эти участки стали основой большинства раскопов, которые получили их номера. Поэтому названия участков и отдельных раскопов совпадают. Дальнейшее описание материалов раскопок для лучшей ориентации мы будем давать по участкам.

Опуская здесь характеристику остатков оборонительных сооружений замка, выявленных в раскопах В, В2 и других, отметим уникальную находку – клад дорогих украшений и серебряных слитков, спрятанный около крепостной стены на участке В. Этому кладу в книге посвящена отдельная глава.

Участок 1А. Небольшой раскоп 1А представляет самую северную часть раскопанных участков. Как уже отмечалось, он был прирезан с севера к участку 1, чтобы продолжить изучение постройки, частично вскрытой в этом раскопе. В раскоп попала также часть вала, окружавшего городище с севера. В третьем пласте (100–120 см от репера) были выявлены остатки сгоревших построек и часть ограды к северу от них. Одна из них, расположенная в восточной части

раскопа, была частично вскрыта раньше на участке 1 и получила название П-1-1 [3]. Она, по-видимому, была жилой. Сохранилась часть обгоревшего пола, по которому разбросаны головешки и, возможно, бревна от западной и северной стен. К востоку от сохранившегося участка пола обнаружен завал глины, в котором имелись крупные обожженные куски. Вероятно, это развал основания печи (рис. 4).

С западной стороны от описанного сооружения находилась легкая хозяйственная постройка (П-1-2), в которой найдено рассыпанное обгоревшее зерно. Постройка сохранилась плохо. На фоне желтого материкового песка заметны темные параллельные полосы, идущие с северо-запада на юго-восток, вероятно, следы досок от сгоревшего пола. Севернее имелись одиночные куски сгоревшего дерева, возможно, остатки северной стены постройки. Восточная стена не сохранилась. На ее месте проходит широкая полоса темной земли, напоминающая перекоп, который, вероятно, и разрушил эту часть сооружения.

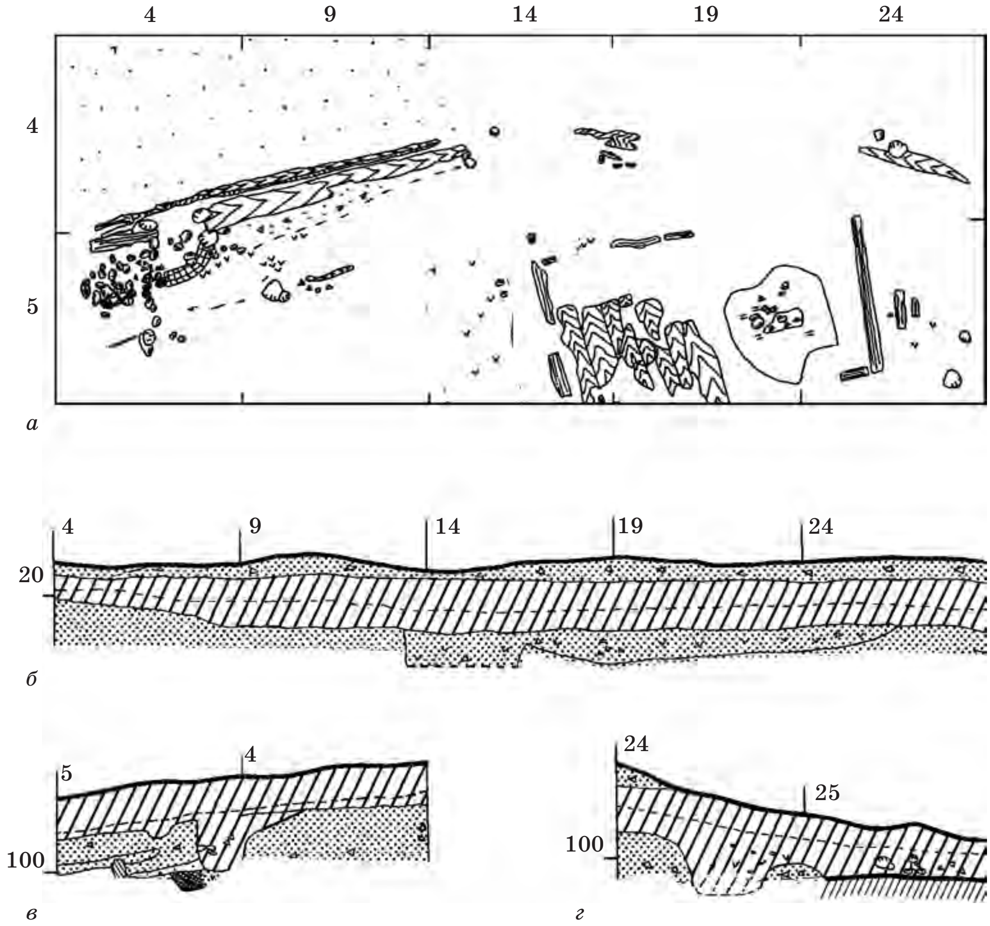

Рис. 4. Участок 1А:
а – план участка; *б* – профиль северной стенки; *в* – профиль западной стенки; *г* – профиль восточной стенки

В самой западной части раскопа имеется большое скопление обгоревших головешек, а также камней и глины. Камни образуют небольшой полукруг. Среди них встречается обожженная глина.

Обе постройки с севера ограничивались сгоревшим деревом, возможно, от какого-то ограждения, располагавшегося между постройками и валом. Дерево представлено досками, лежащими горизонтально вдоль вала. Одна из досок, похоже, лежит на ребре. К ней примыкает широкая (до 35 см) доска. Осталось неясным, как доски крепились между собой. Ни столбов, ни ямок от них обнаружено не было. В западной стенке раскопа 1А хорошо заметно различие в грунте к югу от остатков досок и к северу от них (см. рис. 4, *в*). Так, к северу идет светлый песок вала, к югу – гумусированный культурный слой. Оградка была своего рода подпоркой вала с внутренней стороны. Впрочем, не исключено, что доски относились к деревянному настилу между валом и постройками.

В восточной части раскопа имелось скопление камней. Некоторые крупные камни образовывали как бы одну линию с севера на юг. Связать это скопление камней с каким-то конкретным объектом не удалось.

Важно отметить, что остатки построек лежали почти на материке. Возможно, возле самого вала культурный слой рос медленнее, чем на остальном пространстве, или это следы начального горизонта, тоже пострадавшего от пожара, что представляется менее вероятным.

Обнаруженные в раскопе постройки решено было не разбирать, так как они находились, по существу, непосредственно на материке и не препятствовали дальнейшим исследованиям.

Участок А. Расположение раскопа на краю городища определило его форму: западная стенка участка оказалась ломаной.

Уже после снятия дерна в западной части раскопа стали заметны следы сгоревшей деревянной крепостной стены. Ее остатки прослеживаются на всей площади участка. Поскольку значительная часть раскопа А занята насыпью вала, находок здесь обнаружено относительно немного. Тем не менее даже на небольшой территории, примыкавшей к валу, были найдены стеклянные браслеты, полоски от медной посуды, ключи и замки, две шпоры, втулка (или втульчатый наконечник) копья, ножи, игла и др.

Исследование навальной деревянной стены было продолжено в раскопе В и траншее В2, заложенных на самом гребне внутреннего вала. Подробно о результатах изучения оборонительных сооружений Вищинского замка рассказывается в главе 2.

Участок Б, как и раскоп В, продолжил с юга раскоп А и пришелся на привальную часть городища (рис. 5). После снятия дерна стали заметны некоторые различия в грунте. В западной части раскопа он имел более светлую окраску, что объяснялось близостью вала. Первый и частично второй пласты были нарушены распашкой. Местами встречались угольки и кусочки обожженной глины. Мощность культурного слоя в раскопе составила 0,75–1,1 м.

Как и повсюду, в дерновом слое (первый пласт) находились вещи домонгольского времени (стеклянные браслеты, шиферные пряслица, керамика и т. д.). Характер грунта во втором пласте был почти тот же, лишь с менее заметными следами нарушения культурного слоя распашкой. В пласте найдено около 20 стеклянных браслетов, два пряслица, обломок серпа, несколько ножей, ключи, свинцовые пластины, точильные бруски и др.

В третьем пласте культурный слой в целом однородный. Только в квадратах, расположенных ближе к валу, больше песка. В отдельных местах встречались небольшие скопления угольков и обожженной глины. Около северной стенки раскопа в квадратах 1 и 11 было обнаружено сгоревшее дерево, представленное двумя расположенными под прямым углом друг к другу бревнами. Возможно, они составляли северо-западный угол деревянной постройки срубного типа. Много угля имелось на границе квадратов 4 и 14, а в квадратах 16 и I7 – скопление глины. В квадрате 18 найдено обгоревшее дерево. В пласте обнаружено много керамики и костей животных. Из индивидуальных находок – стеклянные браслеты, пряслице, точильный брусок, корпус цилиндрического замка, ключ, наконечник железного дротика, обломок медного сосуда.

Пласт четвертый сохранял черты предыдущего. Повсюду встречались отдельные скопления глины, мелких камней, песка. Возможно, скопление обожженной глины и камней в квадратах 7, 6, 17 и 18 связано с развалом печи. Однако количество находок в пласте резко уменьшилось. Можно отметить бронзовый пластинчатый браслет, украшенный точечным орнаментом, несколько пластин от медных сосудов, медное кольцо.

В предматериковом слое и при зачистке материка найдено немного вещей. Наибольший интерес представляют фрагмент сплющенного медного сосуда, ключ, игла, нож, пряслица, бронзовый плетеный браслет, обломки жерновов. В квадратах 9, 10 выявлено обгоревшее бревно, расположенное параллельно западной стенке раскопа.

В квадратах 1 и 21 в материке имелись две ямы. В одной (квадрат 1) были найдены интересные предметы: шпора, ключ, фрагменты медного сосуда. В другой (квадрат 21) – стеклянная желтая бусина.

В южной половине раскопа около восточной стенки в материке обнаружена яма, уходящая в участок 3. При снятии перемычки в квадрате 27 были найде-

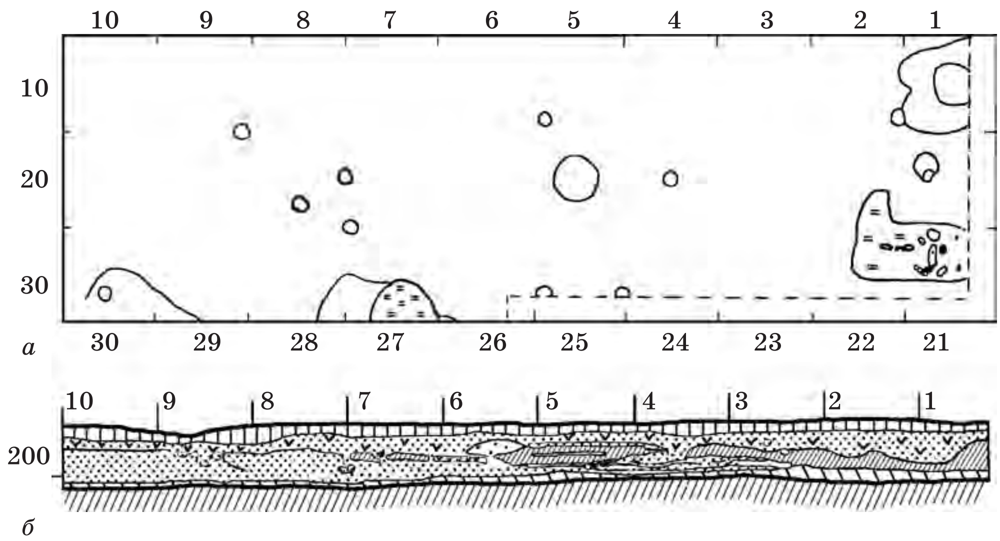

Рис. 5. Участок Б:
а – план участка на уровне материка; *б* – профиль западной стенки

ны два глиняных грузика и куски от медного сосуда. Как видим, участок в целом дал серию разнообразных бытовых находок.

В южной части городища к валу примыкали раскопы 6 и 7, и хотя они располагались на второй линии участков (1–7), целесообразно рассмотреть их теперь, поскольку юго-западный угол раскопа пришелся на вал.

Участок 6. Уже после снятия дерна выявились заметные различия в грунте. Вся юго-западная половина раскопа оказалась связанной с насыпью вала, поэтому грунт здесь был представлен песком и глиной. Внизу первого пласта в квадратах 5, 11 имелись остатки сгоревшего дерева, связанного с крепостной стеной. Стена находилась на расстоянии 1 м от края площадки. Бревна располагались по трассе вала (рис. 6). По мере удаления от вала грунт становился все более темным и рыхлым. Отдельные куски обожженной глины и угольки, вероятнее всего, относились к пожарищу в соседнем участке 5.

В квадрате 10 под слоем глины на дне пласта обнаружилось скопление камней среднего размера. Возможно, эти камни, как и в раскопе А, имели какое-то отношение к системе укреплений. Различия в грунте между южной и северной частями участка прослеживались и во втором пласте.

В восточной части раскопа уже во втором пласте ощущалась близость материка. Грунт становился все более светлым, еще более рыхлым и менее насыщенным находками.

В материке выявилось несколько ям. Одна из них, неглубокая и заполненная темным грунтом с примесью песка, располагалась в квадратах 22, 23. В самом центре раскопа имелась яма, видимо, позднего происхождения. В ней было обнаружено подгоревшее сено.

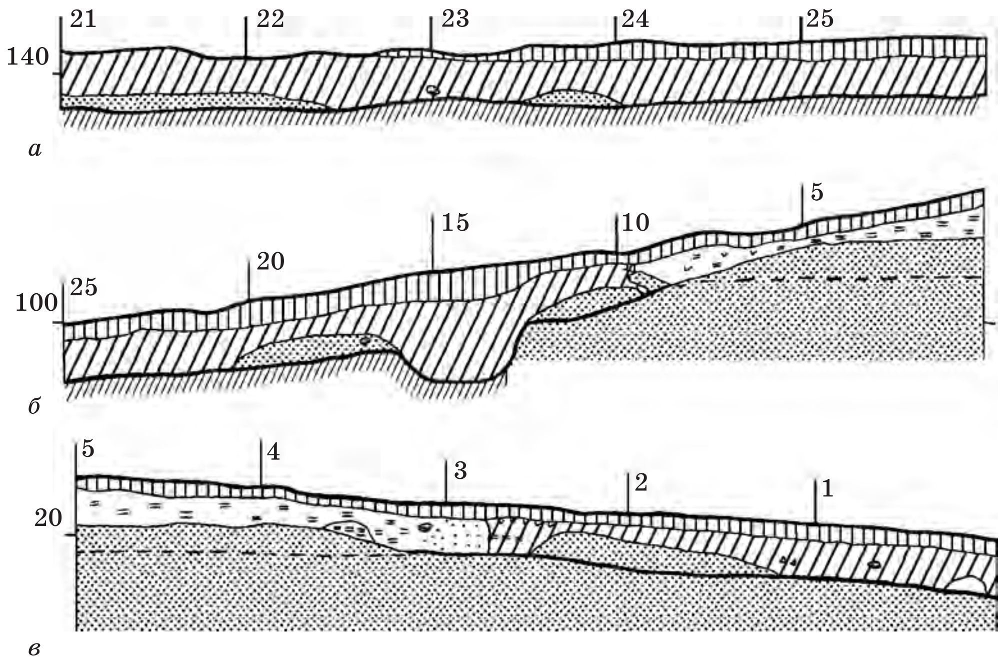

Рис. 6. Профили стенок участков 6 и 7:
а – профиль восточной стенки участка 6; *б* – профиль южной стенки участка 6;
в – профиль западной стенки участка 6

Участок 7. Примыкавший с юга к участку 6 раскоп 7 имел форму треугольника, поскольку половина участка пришлась на вал. Толщина культурного слоя постепенно увеличивалась с юго-запада на северо-восток. Наибольшая толщина наблюдалась в квадрате 21 (0,9 м). Культурный слой в целом однородный. В верхней части он несколько более светлый по тону и перемешан в результате многолетней распашки городища. Близость вала придала культурному слою желтоватый оттенок. По мере удаления от вала грунт становился все темнее. На валу в разных местах прослеживались остатки сгоревшего дерева от крепостной стены.

В раскопе были найдены два интересных предмета: глиняная льячка с застывшей в ней бронзой и массивный железный предмет кирпичеобразной формы, возможно, небольшая наковальня.

Перейдем к рассмотрению соседней линии участков 1–5.

Участок 1. Культурный слой участка оказался наиболее интересным и заслуживает более подробного описания. Его толщина у северной стенки достигала 1,5 м, а к югу постепенно убывала до 0,4 м.

Верхний дерновый слой на участке по своей структуре и содержанию в целом однородный: темно-серая земля, которая по мере приближения к валу становится светлее. Находки представлены в основном обломками древнерусской керамики. В квадрате 11 отмечены находки глиняной обмазки. Встречались также шлаки и мелкие куски обожженного дерева. Были найдены 11 фрагментов стеклянных браслетов, свернутая в трубочку свинцовая полоска, железный наконечник втульчатой двушипной стрелы. Редкой находкой представляется обрывок кольчуги.

Во втором пласте характер грунта, по существу, оставался тем же. В нем также заметна перемешанность культурного слоя. Только в северной части участка слой более разнородный. В квадрате 21 были обнаружены скопления глины и извести, попадалось обгоревшее дерево. Найдены куски глиняной обмазки и обгоревшие кости животных.

Второй пласт дал значительное количество находок: 48 фрагментов стеклянных браслетов, обломок стеклянного перстня, три фрагмента от корпусов трубчатых замков, дужка от замка, два ключа, железный двушипный наконечник стрелы, пять ножей, два обломка железных игл, ушко от ведра. Изделия из меди и бронзы представлены обломками пластинчатого браслета и перстня, обрывком цепочки. Редким для этого памятника, практически не сохранившего органические материалы, является обломок накладного гребня. Изделия из камня представлены двумя пряслицами, каменным нательным крестиком и точильным бруском.

Третий пласт был самым интересным, поскольку он меньше других пострадал от распашки, хотя ее следы местами заметны и в нем. Именно поэтому в пласте удалось обнаружить остатки сгоревших построек (рис. 7). Они были представлены, прежде всего, завалами песка, глины, угля, крупными и мелкими камнями, обгоревшими досками и бревнами. Остатки постройки хорошо просматривались в северной стенке раскопа [4].

В профиле можно выделить три стратиграфических горизонта. Самый верхний – темно-серая земля с коричневатым оттенком у поверхности. Затем идет песок, в котором встречаются куски обожженной глины. Под песком заметны следы предматерикового пожара. Можно констатировать, что в этом месте находилась наземная деревянная постройка, скорее всего жилое сооружение, так как большое скопление глины в северо-восточной части участка, ее обожженные куски над остатками дерева указывают, по всей видимости, на наличие в постройке печи. Следует добавить, что весь район был насыщен бытовыми находками.

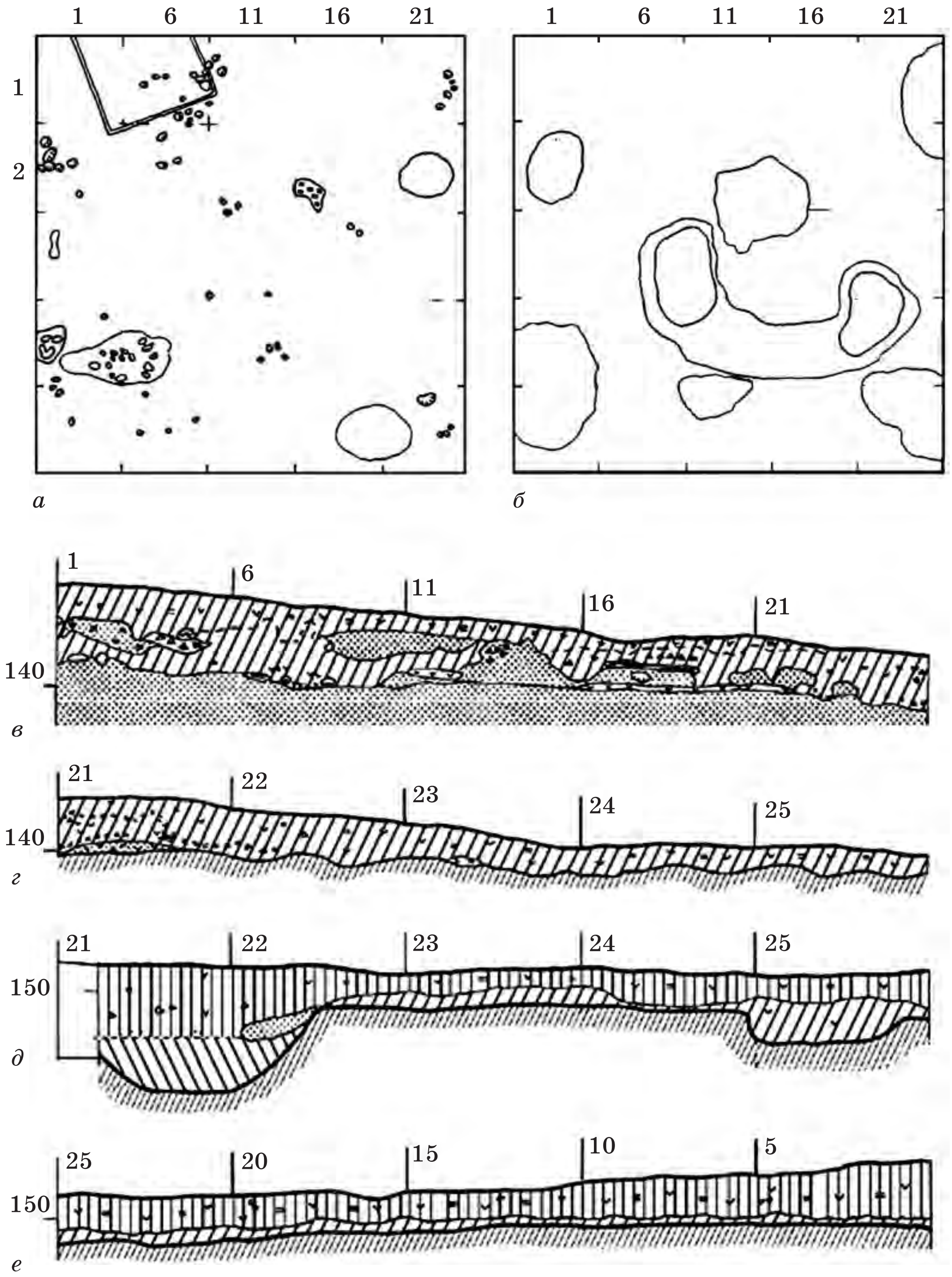

Рис. 7. Участки 1 и 2:
а – план участка 1; *б* – план участка 2; *в* – профиль северной стенки участка 1;
г – профиль восточной стенки участка 1; *д* – профиль восточной стенки участка 2;
е – профиль южной стенки участка 2

В третьем пласте и при зачистке материка были найдены 69 фрагментов стеклянных браслетов, два пряслица, 16 ножей, шесть корпусов трубчатых замков или их фрагментов, пять дужек от замков, ключ от трубчатого замка, шило, порхлица, обломок сошника (?), два лезвия от топоров, пластина от доспеха, две пряжки, обломки амфор.

Уникальная находка была сделана в квадрате 14. В верхней части слоя была найдена глиняная фигурка всадника на коне со следами поливы (цв. вклейка – рис. 25). Поднятая клинком вверх сабля в правой руке всадника тыльной стороной касается плеча. Левая рука всадника и голова коня обломаны.

При зачистке материка выявилось несколько небольших и неглубоких ям, заполненных древнерусским материалом. На фоне песка хорошо заметны следы узких темноватых полос, образующих часть прямоугольника, уходящего в северную стенку участка. В полосках имелись включения угольков. Вполне возможно, что это следы легкой деревянной постройки. К сожалению, в профиле северной стенки участка она не прослеживалась. Не удалось выявить и ее продолжения на участке 1А.

Участок 2. Стратиграфия участка 2 намного проще. Толщина культурного слоя в среднем составила 0,4 м, верхняя его часть была перепахана, и, вероятно, поэтому довольно однородна: темно-серая земля с включениями угольков и обожженной глины. Перед материком – тонкий слой предматерикового гумуса, не затронутого распашкой, хотя встречались участки с примесью материкового песка. В материке местами заметны следы борозд от плуга шириной до 40 см. По всей площадке участка попадались угольки. На границе квадратов 3 и 4 была прослежена коричневатая полоска длиной около 1 м, ориентированная с запада на восток, возможно, от истлевшего дерева.

В северо-западном углу раскопа наблюдалось скопление глины. Попадались отдельные куски обгоревшего дерева и камни. В квадрате 23 найдена обожженная глина и известь. Значительно чаще, чем на первом участке, в культурном слое встречались кости животных. В дерновом слое было найдено 12 фрагментов стеклянных браслетов, одно пряслице, две бусины, нож, железное кольцо, бронзовая привеска, глиняная трубка. При изучении третьего пласта (он же предматериковый) в северо-западном углу участка были выявлены остатки сгоревшей деревянной постройки, сохранившейся крайне фрагментарно.

Несмотря на небольшой и сильно поврежденный культурный слой, участок 2 дал очень интересный вещевой материал. Были найдены 81 фрагмент стеклянных браслетов (из них три при выборке материковых ям), 10 шиферных пряслиц (одно в яме), 11 ножей, замок, четыре ключа, долото, две иглы, рыболовный крючок, две бусины (одна из них инкрустирована желтой эмалью), пластинчатый браслет, пять медных или бронзовых перстней. Из наиболее интересных находок следует отметить бронзовый кистень. При разборке перемычки в квадрате 1 было найдено два стремени.

В квадрате 17 было обнаружено скопление бронзовых и железных изделий, скрепленных окисью и плохо сохранившихся. Похоже, среди вещей были бронзовая пряжка и изделие из медных пластин. Все располагалось компактной массой вместе с разбросанными черепками, на некоторых из них сохранились следы медной окиси. Не исключено, что вещи были сложены в глиняный сосуд, но количество черепков оказалось ничтожно малым. Возможно, горшок был разрушен плугом при вспашке участка. Здесь же в очень черной от угля массе найдены зерна ячменя и ржи, шелуха от проса и обгоревшие бобы. Чуть к северу от этого скопления (в квадрате 11) обнаружены обломки жернового камня.

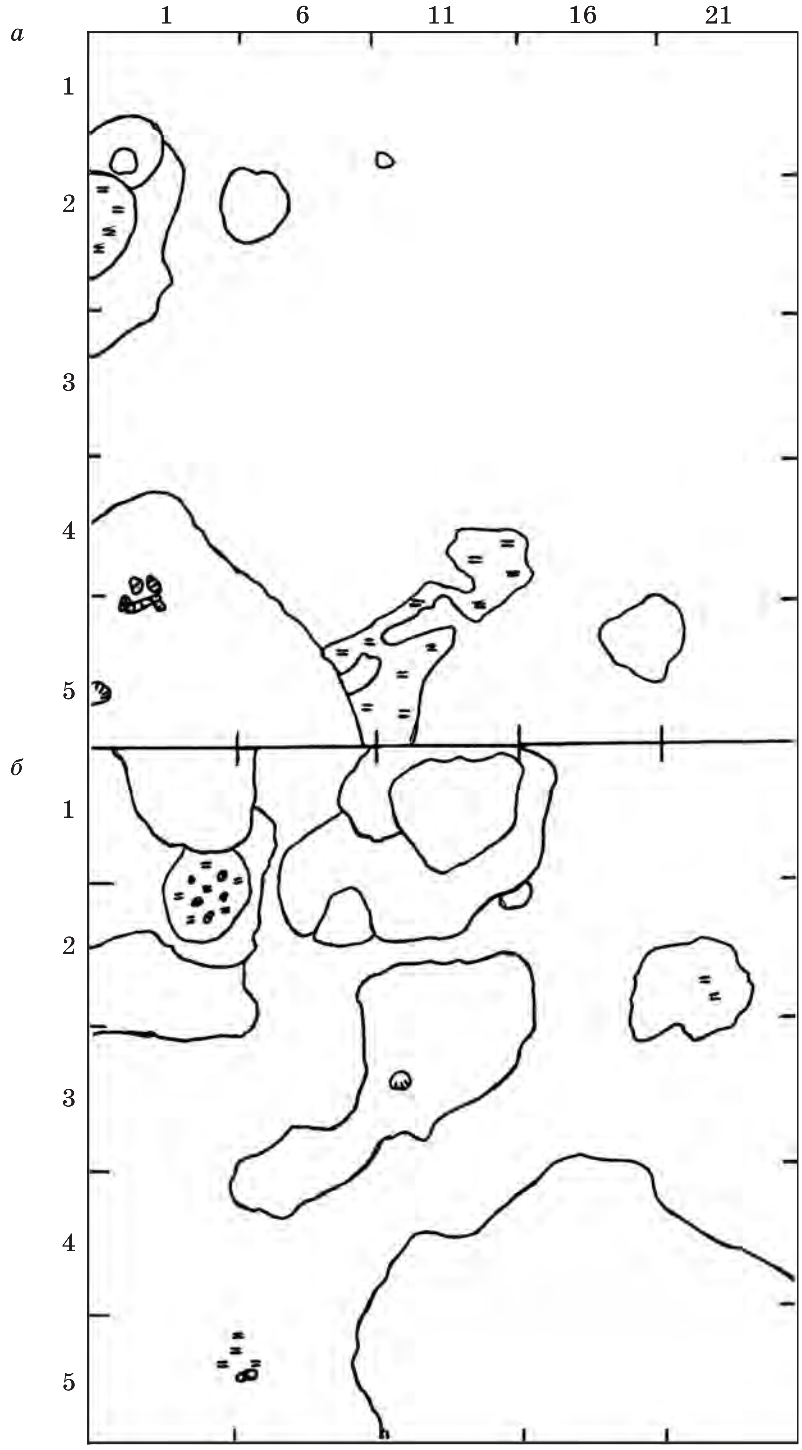

Рис. 8. План участков 3 (*а*) и 4 (*б*)

Участок 3 примыкает с юга к участку 2, а с востока – к участку Б (рис. 8, 9). Культурный слой на нем по мощности такой же, как и на соседних. Сходна и стратиграфия. В раскопе было снято три пласта. Верхняя половина культурного слоя разрушена и перемешана распашкой. При снятии дерна (первый пласт) были обнаружены размельченная древнерусская керамика, шлак, обломок глиняной трубки. Попадались мелкие осколки снарядов.

Во втором пласте культурный слой имел темно-серый цвет. Встречались участки песка, обожженная глина (квадраты 19, 20), шлаки почти на всей площади раскопа. Заметны признаки пожара. В квадрате 14 – большое скопление глины. Найдено значительное количество различных предметов: стеклянные браслеты, пряслица, керамика и т. д. Из наиболее интересных следует отметить шиферное пряслице с процарапанным на нем крестом и знаком, напоминающим букву «Л», перстень, обломок тонкого стеклянного сосуда, пластинку от медной посуды, дужку от замка, ключ, железный нож и др.

Насыщенность находками третьего (предматерикового) пласта была незначительной. Местами попадались участки с углем (квадраты 20, 15). В квадратах 13, 14, 15, 19, 20 – скопление глины. Вокруг него в слое много мелких угольков, керамики, костей. После зачистки материка было выявлено несколько ям. Самая крупная из них занимала квадраты 4, 5, 10. В заполнении было найдено несколько стеклянных браслетов. Вторая крупная яма находилась в квадратах 1 и 2, в ней имелось много костей. Большая яма в юго-западной части раскопа распространялась на соседние участки Б и 4. Ее стенки были относительно пологими, но дно – плоским. В яме обнаружено несколько обгоревших деревянных плашек, часть которых ориентирована с юго-запада на северо-восток.

В этой части раскопа на небольшой культурной прослойке имелось скопление глины. Большая яма была расчищена в квадратах 1 и 2. Она состояла как бы из двух ям, одна из которых была глубже другой. Создавалось впечатление, что дно ямы обмазано глиной. В заполнении было много керамики, попадались кости животных. Несколько небольших ямок выявлено в других местах раскопа.

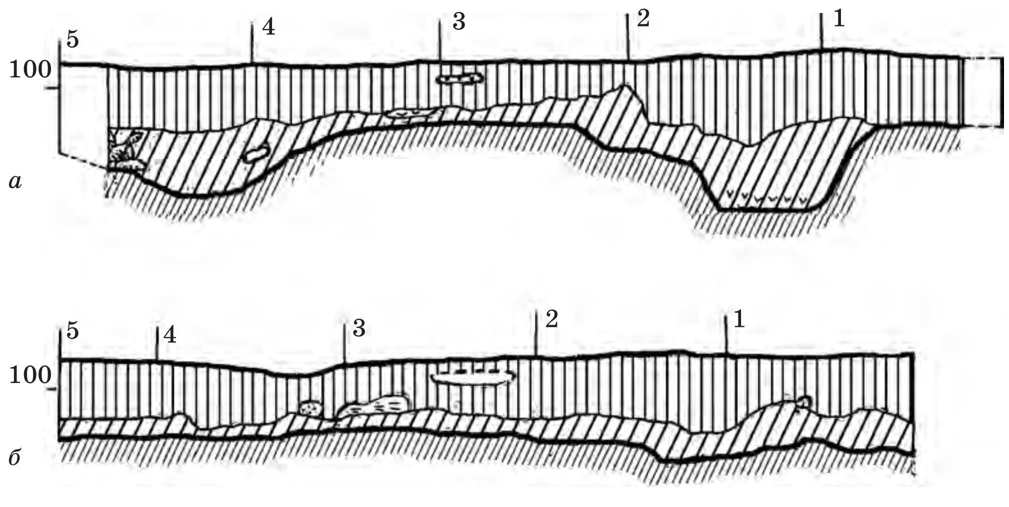

Рис. 9. Профили западных стенок участков 3 (*а*) и 4 (*б*)

Участок 4. С юга к описанному участку примыкает раскоп 4. По своим стратиграфическим характеристикам он тождествен соседним раскопам. Выделяются два слоя: верхний, сильно перепаханный, и нижний, предматериковый. Как и в раскопе 3, в дерновом слое (первый пласт) встречались древнерусская керамика, шлаки. В нем же были найдены стеклянные браслеты, ножи, свернутая в трубочку свинцовая пластина, железная игла, обломок железной оковки.

Во втором пласте попадались глиняная обмазка, шлаки. В квадратах 11, 18 – обгоревшее дерево. В нижней части пласта слой приобрел более темную окраску, стали заметны признаки пожара. Кроме обычных стеклянных браслетов и керамики в пласте были найдены обломки ножей, две свинцовые пластины, медная монетообразная привеска, две пряжки, наконечник стрелы, точильные бруски. Интересен бронзовый перстень со щитком.

Третий пласт был предматериковым. В квадратах 11 и 16 было выявлено небольшое зольное пятно, в котором попадались куски обожженной глины. В квадрате 15 прослежено сгнившее дерево. В квадратах 15, 20, 25 грунт имел более темную окраску. В квадрате 10 встречалось обгоревшее дерево. В пласте было найдено значительное количество предметов. Среди них шпора, фрагмент удила, часть ножниц, фрагмент бронзового браслета, колечко с заходящими концами, железное острие с кольцом, ножи, фрагменты керамики с поливой.

В материке было выявлено несколько ям. Самая крупная располагалась в юго-восточном углу раскопа. В ней имелось много крупных фрагментов гончарной посуды и костей животных. В одной из ям был обнаружен почти целый глиняный горшок, на дне которого очень четко отпечатан двузубец. В другой яме в квадратах 12, 13 был найден обломок от жернова. В следующей яме, расположенной в северной части раскопа, в квадрате 11, – обломок сошника, два цилиндра от замков и до 50 кусков шлака.

В яме, расположенной в северо-западном углу раскопа, выявлена прослойка глины, а под ней – скопление глины и камней, напоминающее развал печи. Следует отметить, что эта яма являлась продолжением ямы, частично расположенной на участке 3. Учитывая, что и там встречались обгоревшие доски, а также принимая во внимание форму ямы, можно предположить, что она была связана с какой-то постройкой. Что касается остальных ям, то их назначение неясно.

Участок 5 близко подходил к валу, и это сказалось на его стратиграфии. Культурный слой в нем был мощнее, чем на участке 4. Около вала он достигал 1,2 м. Однако значительная его часть была представлена гумусированным песком, связанным с насыпью вала. Основная часть находок происходит из второго и третьего пластов. Поскольку распашка поверхности привела к значительному перемещению культурного слоя, рассмотрение находок по пластам во многом утрачивает свою ценность. Можно определенно говорить, что основная часть находок связана с остатками сгоревшего горизонта.

Представляется вероятным, что в раскопе просматривается два строительных горизонта. Ранний, видимо, следует связывать с остатками деревянной конструкции, оказавшейся под насыпью вала. Второй – с основным строительным горизонтом, прекратившим свое существование в результате пожара в середине XIII в. Этот верхний горизонт представлен остатками сгоревшей деревянной постройки в южной части раскопа (рис. 10). От нее сохранились части западной стены и деревянного пола. Возможно, с этой постройкой связаны бревно и доска в квадратах 5 и 8, имевшие такую же ориентацию.

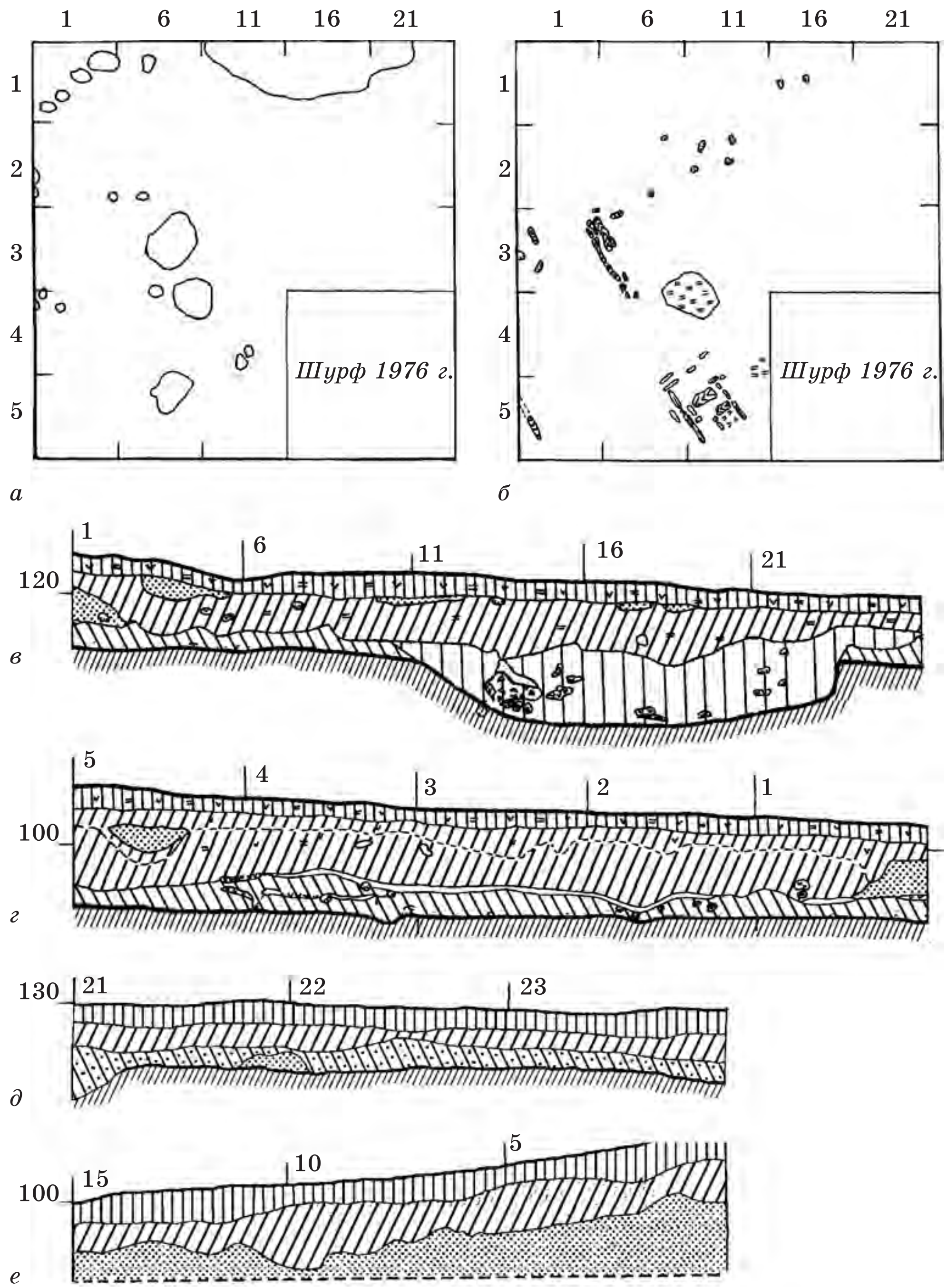

Рис. 10. Участок 5:
а – план после снятия второго пласта; *б* – план расположения материковых ям;
в – профиль северной стенки; *г* – профиль западной стенки;
д – профиль восточной стенки; *е* – профиль южной стенки

В материке выявлено несколько ям (рис. 10, *б*). Одна из них, в северной части раскопа, была продолжением обширной ямы, обнаруженной в южной части раскопа 4. Судя по профилю северной стенки, эта яма очень древняя (рис. 10, *в*).

Раскопки участка 5 предоставили серию блестящих хозяйственно-бытовых и связанных с вооружением находок, которые будут подробно проанализированы при характеристике выявленной здесь постройки.

Два последних участка в этой линии (6 и 7) мы уже рассмотрели выше. Перейдем к описанию новой полосы участков 8–14.

Участок 8 (рис. 11). Мощность культурного слоя на участке 8 составила около 0,6 м. Несколько больше – в северной части раскопа, что объясняется близостью вала. Культурный слой представлял собой темно-серую землю. В нижней части напластований он имел более темную окраску. Встречались тонкие прослойки угля. Из-за близости вала поверхность раскопа имела уклон в южном направлении. После снятия дернового слоя площадка раскопа была постепенно приведена к единому горизонту.

В первом пласте попадались куски обожженной глины. Возможные остатки наземных сооружений сохранились плохо. В квадрате 21 грунт заметно выделялся своей насыщенностью глиной. Однако четких контуров каких-либо сооружений выявить не удалось. В квадрате 1 были обнаружены куски обгоревших досок. Одна из них ориентирована с северо-запада на юго-восток, вокруг нее – глина. Встречались куски обожженной глины, которые располагались на одном горизонте. В профиле северной стенки раскопа в квадратах 6, 11 и 16 хорошо видна врезка в вал на глубину до 0,6 м какого-то котлована (цв. вклейка – рис. 3). Куски обмазки стратиграфически приходятся на слой, оставленный пожарищем. Зачистка материка не обнаружила в пределах участка следов каких-либо построек.

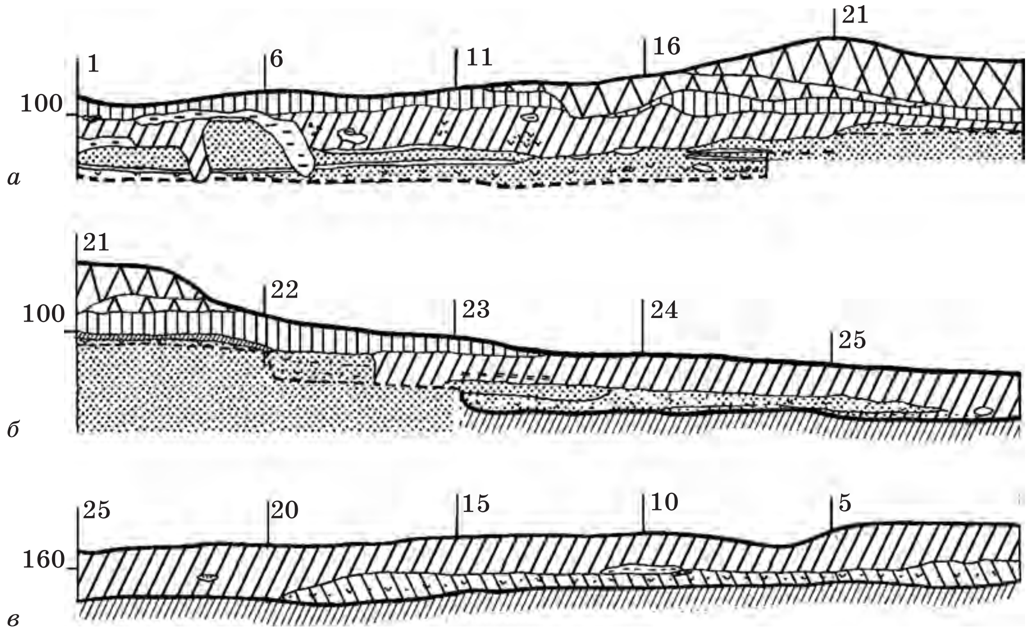

Рис. 11. Профили стенок участка 8:
а – северная стенка; *б* – восточная стенка; *в* – южная стенка

Находок во время раскопок участка было сделано относительно немного. Кроме обычных материалов – керамики и стеклянных браслетов – найден зуб от остроги, ключ, пряслице, украшенное орнаментом. Замечательной находкой является бронзовое перекрестье меча, украшенное гравированными колесиками. Заслуживает упоминания небольшой фрагмент лепной керамики с отпечатками гребенки.

Участок 9. Мощность культурных наслоений на участке 9 составила 0,5–0,6 м. Грунт однородный (темно-серая земля). У самой поверхности выделялся слой более светлой окраски. В ряде мест были обнаружены остатки обгоревшего дерева. Они настолько фрагментарны, что наметить по ним контуры какого-либо сооружения не представляется возможным.

В материке выявлена серия ям. Возле некоторых из них имелось обгоревшее дерево (рис. 12). В квадрате 11 сохранились две плашки. Материковые ямы неглубокие, в плане овальные или круглые. В заполнении некоторых из них имелись кости животных и древнерусская керамика. В яме на границе квадратов 6 и 7 найден целый горшок черного цвета, в котором сохранились растительные волокна. Самой интересной находкой на участке стала свинцовая булава.

Участки 10 и 11 располагались в центре городища и имели сходную стратиграфию (рис. 13). Толщина культурного слоя в этом месте составила в среднем 0,5 м.

Культурный слой в верхней части оказался полностью перемешан, а имевшиеся там остатки сооружений были разрушены плугом. По цвету культурный слой почти не различался и представлял собой темно-серую землю с отдельными включениями глины и угольков. Нижняя часть слоя была более плотная.

В материке было выявлено несколько ям, возможно, связанных с постройками, о чем свидетельствовали остатки сгоревшего дерева и камни около некоторых из них. В одной яме на участке 10 был найден раздавленный сосуд.

На участке 11 кроме дернового слоя было снято три пласта. Наиболее насыщенными находками оказались первый и второй пласты. До линии квадратов 21–25 грунт был заметно светлее, чем на остальной площади раскопа. Попадались куски глиняной обмазки.

При снятии первого пласта были сделаны следующие стратиграфические наблюдения. В квадрате 20, а также в полосе квадратов 21–25 отмечены включения песка. Более темный грунт наблюдался в квадратах 4–5, 9–10. Почти повсеместно встречались угольки. В южной части раскопа попадался шлак. В квадратах 9, 13, 14, 19, 25 встречалась глиняная обмазка, обгоревшая керамика. В первом пласте обнаружено значительное количество находок. Наиболее интересные из них: долото, серебряная криновидная подвеска, монетовидная привеска, бронзовый нательный крестик, фрагмент бронзового пластинчатого перстня, два ножа, свернутая в трубочку свинцовая пластина, несколько пряслиц, обломок янтарного украшения в виде усеченной пирамидки, несколько железных гвоздей, стержней, стеклянных браслетов.

Во втором пласте небольшое скопление светлого песка имелось в южной части раскопа. Почти по всему раскопу попадались куски обгоревшей глины, особенно много в квадратах 1, 2, 6. Крупные угли и обгоревшие кости животных отмечены в квадратах 5, 10, 11. Скопление обгоревшего дерева, несомненно связанного с каким-то деревянным сооружением, обнаружено в квадрате 21 (рис. 14). Обращает на себя внимание расположение обгоревших головешек,

скорее всего досок, ориентированных в одном направлении – с севера на юг. Отдельные обгоревшие плашки выявлены также в квадрате 12. Некоторые из них расположены под прямым углом друг к другу.

Большое количество кусков глиняной обмазки с отпечатками плоского дерева обнаружено в квадратах 4 и 5 (рис. 15). Аморфное скопление глины имелось в квадратах 7 и 12.

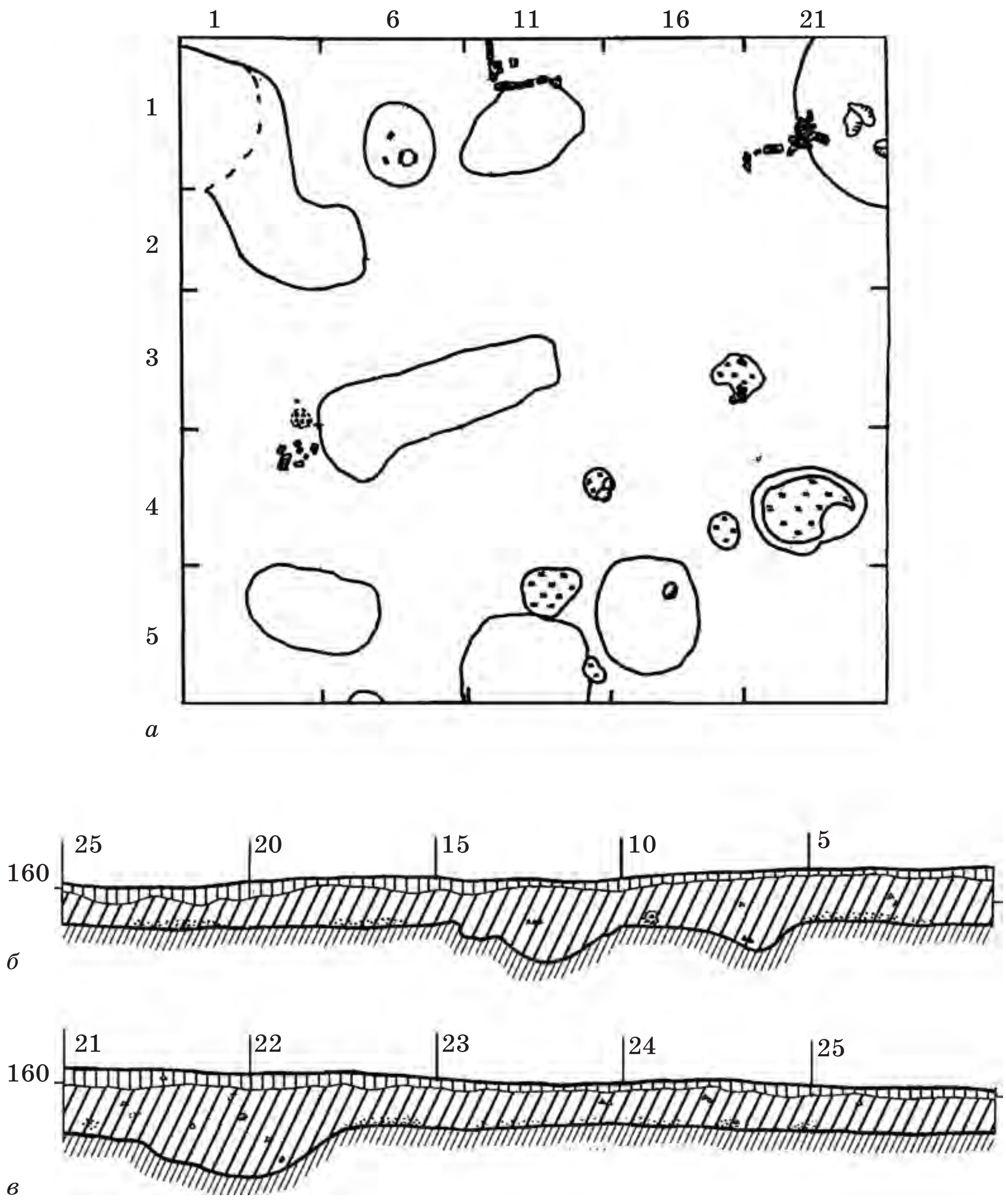

Рис. 12. Участок 9:
а – план участка на уровне материка; *б* – профиль южной стенки; *в* – профиль восточной стенки

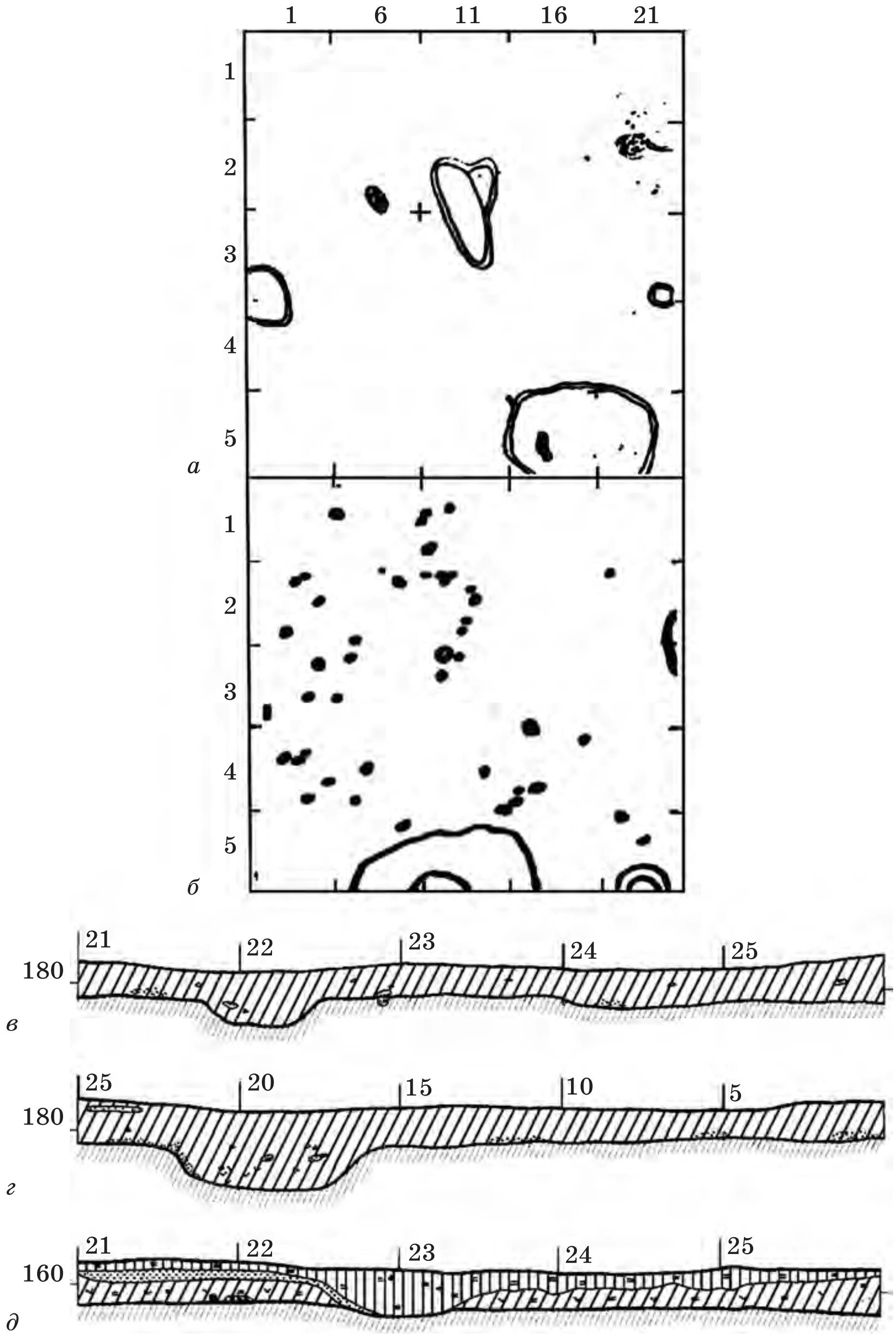

Рис. 13. Участки 10 и 11:
а – план участка 10; *б* – план участка 11; *в* – профиль восточной стенки участка 10; *г* – профиль южной стенки участка 10; *д* – профиль восточной стенки участка 11

Рис. 14. Остатки сгоревшей постройки

Рис. 15. Скопление глины в квадрате 5 раскопа 11. Вид с юга

В третьем, не затронутом распашкой пласте грунт отличался темной окраской. На его фоне в разных местах резко выделялись пятна песка и светлой глины. Почти по всей площади раскопа по-прежнему встречалась глиняная обмазка.

После зачистки материка выявились контуры трех ям. Одна занимала значительную площадь в южной части раскопа в квадратах 10, 15, частично 20 и имела конусовидную форму. Она была углублена в материк на 0,56 м. Кроме отдельных обломков древнерусской керамики, в ней ничего не было найдено. Другая яма занимала 25-й квадрат. Ее глубина составила около 0,6 м. В ней были обнаружены два шиферных пряслица. Третья яма располагалась в квадратах 21, 22 и уходила в восточную стенку раскопа. Судя по профилю, эта яма относительно поздняя.

Во втором и третьем пластах на участке сделано несколько интересных находок, среди которых пряслице из розового шифера с процарапанными на нем буквами «И А Б В Г Д», зернистая металлическая бусина «минского» типа, витой перстень из четырех проволок, фрагмент трубчатого замка, фрагмент венчика медного сосуда, стеклянная шарообразная бусина, ручка от амфоры.

Участки 12 и 13 имеют схожий стратиграфический рисунок. Культурный слой в верхней части перекопан, только у самого материка он более плотный и темный. В материке выявлено несколько ям (рис. 16).

Находки, как и везде, достаточно разнообразны, но следует отметить значительное количество предметов, связанных с хозяйственной деятельностью. Среди них зубило и долото, обух от железного топора, шило, перовидное сверло, ножи, точильные бруски. Украшения из цветных металлов представлены бронзовым грушевидным бубенчиком, фрагментом бронзовой монетообразной привески, перстнями, пластинчатыми браслетами. Кроме стеклянных браслетов найдены бусины, один обломок стеклянного перстня, замки и ключи. Оружие и снаряжение всадника представлены наконечником стрелы, дротиком, обломком стремени и колечком от кольчуги.

Особенно интересна находка вислой свинцовой печати Мстислава Ростиславича (цв. вклейка – рис. 5).

Участок 14 расположен в юго-западной части городища и замыкает рассмотренную полосу участков 8–14. Он частично наложился на вал, поэтому исследованная площадь раскопа сократилась до трех полос квадратов и составила 60 кв. м. Мощность культурных наслоений здесь оказалась несколько большей, чем на участках, раскопанных в средней части городища (рис. 17). В центре участка были обнаружены остатки сгоревшей деревянной постройки П-14-1, вероятно, производственного назначения. С ней следует связать находки глиняных трубок и медной матрицы для изготовления колтов. На участке были найдены нижняя часть сошника, фрагменты амфор. Попадалась обожженная обмазка из глины. Подробно постройка рассматривается в следующей главе.

Сходная стратиграфическая картина наблюдалась и в следующей линии участков 15–21. Нивелировочные измерения их поверхности показали, что и здесь имеется небольшой уклон в сторону центральной части городища. Культурный слой на всех раскопах уменьшился и в среднем составил 0,4 м. Некоторое уменьшение мощности напластований наблюдается в центральной части площадки городища. Но даже при небольшой мощности культурного слоя выделяются два приблизительно одинаковых по толщине слоя:

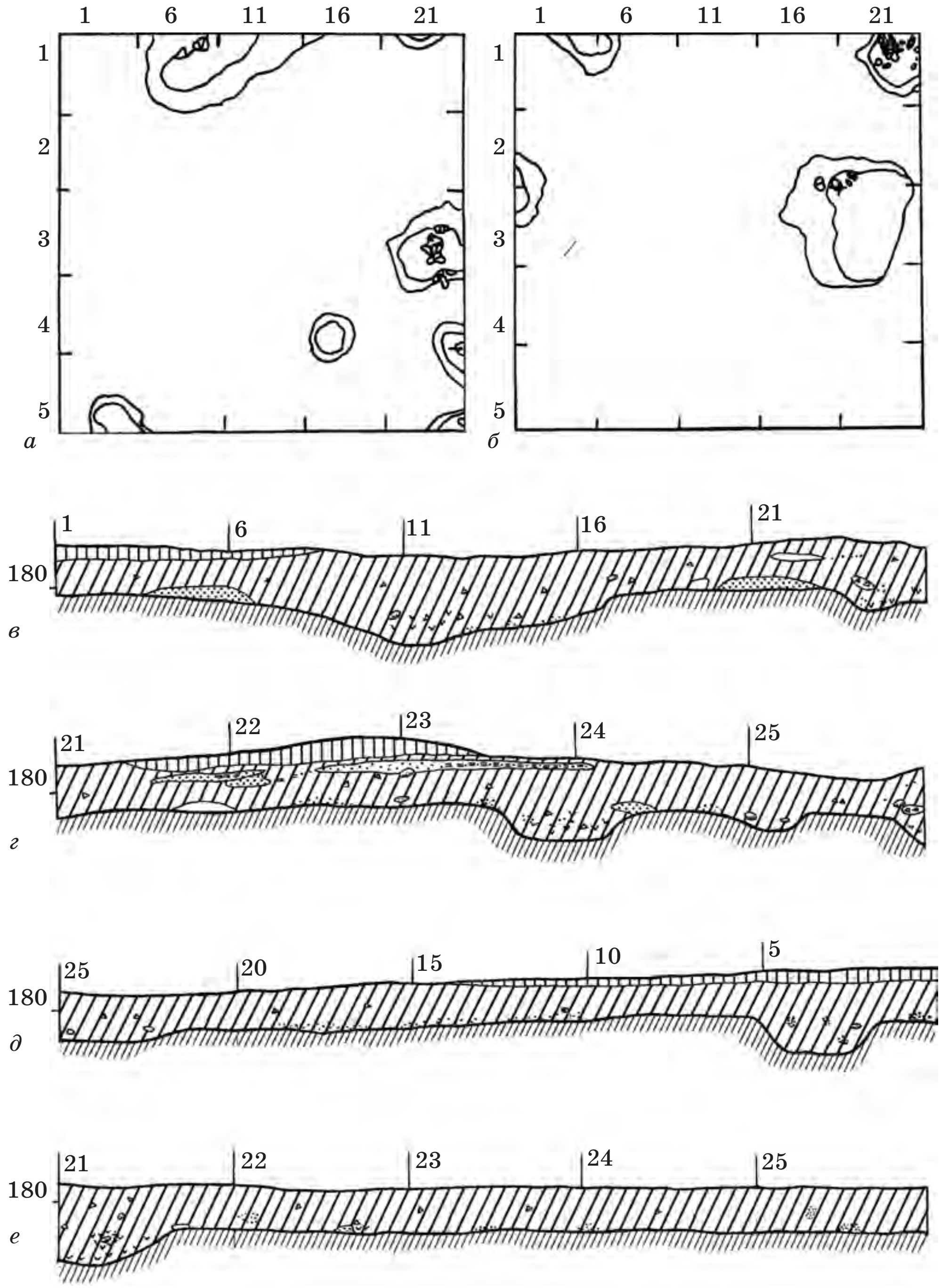

Рис. 16. Участки 12 и 13:
а – план участка 12; *б* – план участка 13; *в* – профиль северной стенки участка 12; *г* – профиль восточной стенки участка 12; *д* – профиль южной стенки участка 12; *е* – профиль восточной стенки участка 13

верхний перепаханный, достаточно однородный по цвету и плотности, и нижний предматериковый, имеющий более темную окраску, насыщенный угольками, глиняной обмазкой, более плотный и не нарушенный распашкой. Рассмотрим участки подробнее.

Участок 15. В культурном слое участка, как и везде, заметно включение угля, глины, реже – обмазки и шлаков. Скопления угля и зольных линз зарегистрированы почти во всех квадратах. Особенно заметны следы пожарища в центральной части раскопа. Здесь же попадались куски обожженной глины. В квадратах 10, 17, 19, 24 найдены шлаки. Деформированная в огне керамика выявлена в квадрате 19.

Из отдельных находок первого пласта следует отметить зуб от остроги или медной блесны, фрагмент медного сосуда, кусок свинца, два обломка ножей, шиферное пряслице, свыше десяти обломков стеклянных браслетов.

Еще отчетливее следы пожара представлены во втором пласте, который менее пострадал от распашки. Обгоревшее дерево вместе с обожженной глиной концентрировалось в центральной части раскопа, главным образом в квадратах 3, 6, 13, 17, 18, 22 (рис. 18). Уголь, зола, куски обожженной глины зарегистрированы также в квадратах 1, 2, 4, 5, 10, 12, 14–16, 19, 23. Небольшое скопление мелкого камня имелось в квадрате 2.

Участок 16. Этот участок, как и соседний 17-й, поврежден траншеями военного времени. Одна, начиная с квадратов 24 и 25, прошла через участок с севера на юг к 15-му квадрату участка 17. Рядом с траншеей образовался слой выброса из нее. Следы и место траншеи хорошо видны в профилях и на планах раскопов 16 и 17 (рис. 19).

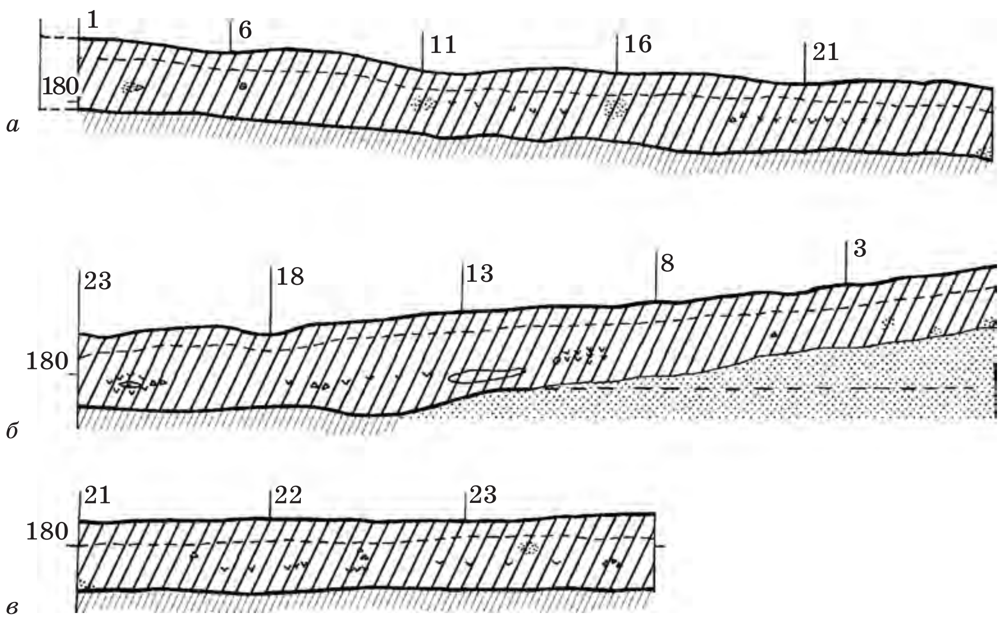

Рис. 17. Профили участка 14:
а – северная стенка; *б* – южная стенка; *в* – восточная стенка

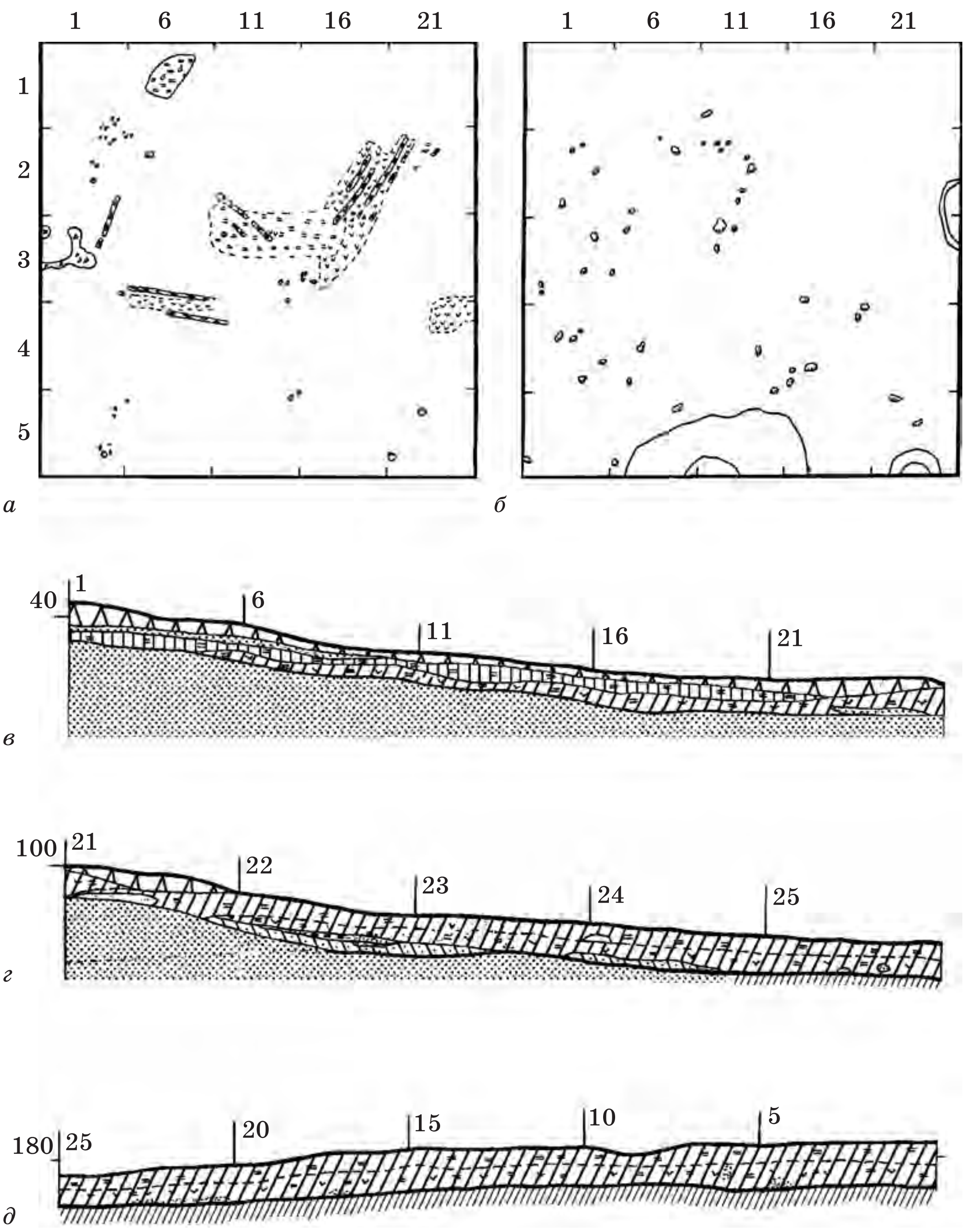

Рис. 18. Участок 15:
а – план с остатками дерева; *б* – план участка на уровне материка; *в* – профиль северной стенки; *г* – профиль восточной стенки; *д* – профиль южной стенки

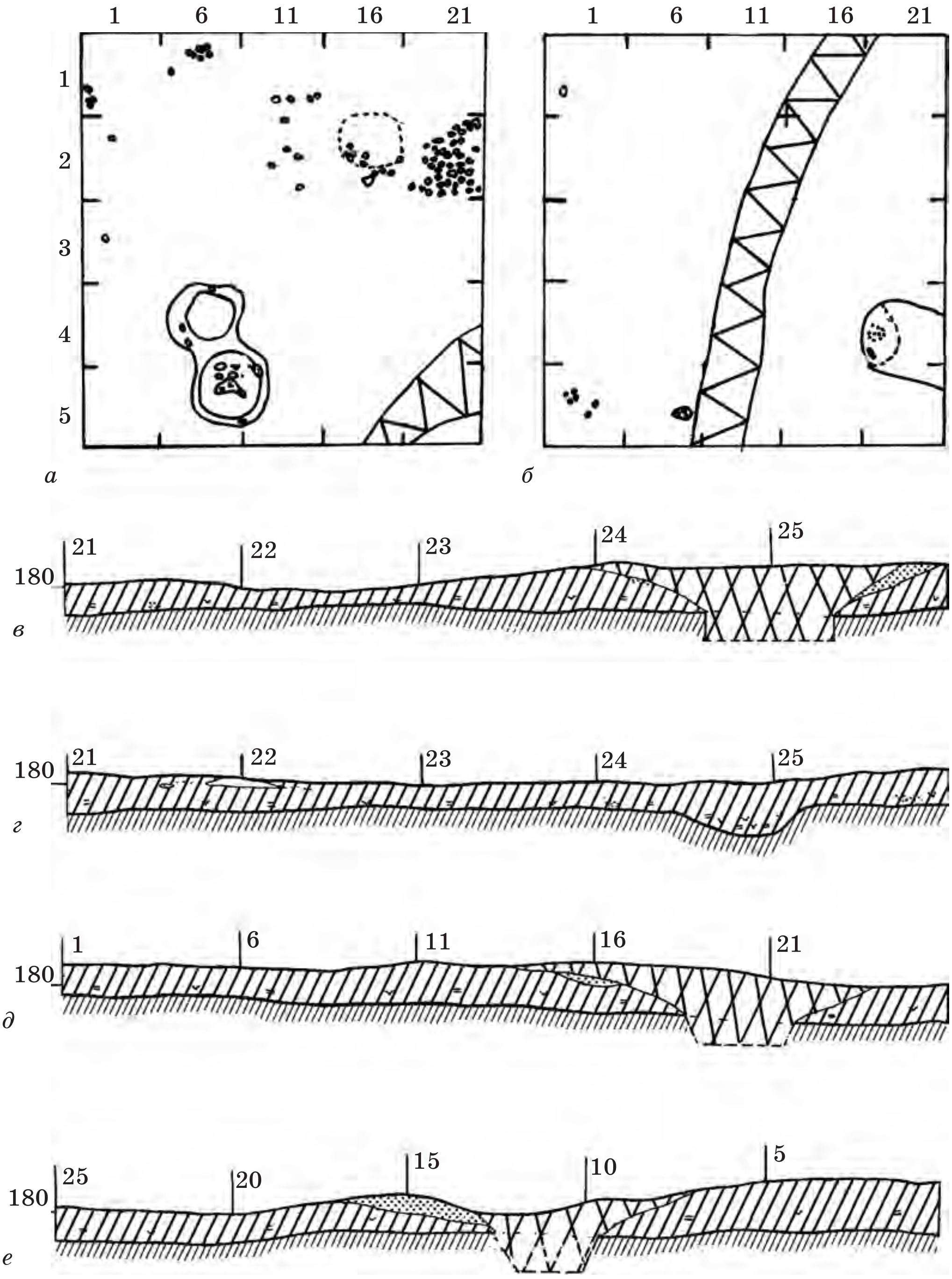

Рис. 19. Участки 16 и 17:
а – план участка 16; *б* – план участка 17; *в* – профиль восточной стенки участка 16;
г – профиль восточной стенки участка 17; *д* – профиль северной стенки участка 17;
е – профиль южной стенки участка 17

В процессе раскопок участка было снято два пласта, зачищен материк и выбраны материковые ямы. Культурный слой верхнего пласта перекопан. Признаком наличия здесь в прошлом построек могут служить лишь находки размельченной глиняной обмазки. В квадратах 21 и 22 попадались отдельные камни. На границе квадратов 15 и 20 имелась полоска песка, уходящая в участок 17.

После снятия и зачистки первого пласта можно было заметить, что и в нижней его части культурный слой довольно однородный и рыхлый. В центральной части раскопа он был чуть светлее, что объяснялось близостью материка. Однако в ряде мест встречались более темные участки земли, насыщенные угольками и связанные с пожаром. Следы застройки прослежены только в материке. В южной части участка в квадратах 9 и 10 в материке имелись две круглые, достаточно глубокие ямы (рис. 19, *а*).

Несмотря на небольшой и сильно поврежденный культурный слой, на участке 16 была сделана серия интересных находок: свернутая в трубочку свинцовая пластина, несколько обломков медной посуды, фрагмент трубчатого замка, железное писало, ключ от замка, железная острога, несколько обломков ножей, медный нательный крестик, монетообразная привеска, бронзовый бубенчик, бронзовый ключик-амулет и амулет в виде миниатюрного топорика, массивная железная пряжка, железный пробой. В квадратах 2 и 10 найдены обломки жерновов. В квадрате 22 отмечено скопление камней. Частыми находками являются стеклянные браслеты. Найдено также несколько шиферных пряслиц.

Участок 17. Характер культурных наслоений участка 17 мало чем отличался от того, что наблюдалось в раскопе 16. В квадрате 5 грунт несколько отличался своей окраской: он был желтовато-серым с многочисленными вкраплениями обожженной глины. Обожженная глина имелась также в квадратах 22 и 23. Все это вместе с угольками, очевидно, представляло следы разрушенных вспашкой остатков сгоревших построек.

Первый пласт участка 17 оказался не очень богатым находками. В основном это керамика, кости животных. Из индивидуальных находок следует отметить стеклянные браслеты, обломки ножей, скобу, бронзовое колечко с заходящими концами, дужку от замка, стеклянную бусину. В квадрате 7 был найден обломок косы.

Второй пласт оказался менее мощным и еще менее насыщенным находками, хотя его культурный слой не был поврежден распашкой в такой мере, как в первом пласте. Толщина второго пласта в среднем составила около 0,15 м. При зачистке материка было отмечено скопление камней в квадратах 6, 12, 17, 22. В квадратах 24–25 имелась неглубокая материковая яма с плоским дном (рис. 19, *б*). В ее западной части заметно скопление угольков. В яме были найдены кости животных, керамика, обломок глиняной трубки.

Среди индивидуальных находок второго пласта, кроме обычных стеклянных браслетов, следует назвать трубчатый замок и две дужки от замков, шесть ножей, обломок медного сосуда, две скобы, пробой, фрагменты амфор, свинцовые пластины, точильные бруски, обломок жернова. Керамика второго пласта представлена более крупными фрагментами.

Участки 20 и 21. Культурный слой в раскопах 20 и 21 оказался таким же, как и в соседних участках 13 и 14. В южной части участка 21 ощущается близость вала.

Уже в первом пласте участка 20 был найден обломок железного копья. Особо следует отметить частые находки глиняных трубок, что можно объяснить близос-

тью какого-то производственного объекта. Найдены также свинцовые пластины, дужка от трубчатого замка, крупный бронзовый бубенчик, небольшой ключ от накладного замка, шарообразная бусина, обломок медной посуды. Уникальной находкой стала матрица от колта с изображением барса с процветшим хвостом.

Второй пласт участков 20 и 21 оказался неглубоким. На обоих участках встречались камни, но они располагались на разных уровнях, и нет достаточных оснований связывать их с каким-то одним сооружением. Кучка плотно уложенных камней имелась в квадрате 8 на участке 21.

В материке выявились большие ямы, занимавшие почти четверть площади участка 20 (рис. 20). Одна группа ям, объединенных общим углублением в материке, располагалась в южной части участка 20 и северной части участка 21. В некоторых ямах встречались куски глины, в том числе обожженной.

Глубокая яма выявлена в центре участка 21. В ней обнаружены скопление обожженной глины и крупные камни (рис. 20, *б*). В яме и около нее попадались куски обгоревшего дерева. Хотя в этой части городища остатки сооружений были практически уничтожены, но по составу находок представляется несомненным, что здесь располагался очень интересный объект. Другая яма находилась на границе квадратов 10 и 15.

В квадрате 16 участка 20 при зачистке материка было найдено целое долото, рядом – крупная железная полоска, частично расчлененная на три части. Также были найдены глиняная трубка с ровным сквозным отверстием, овальное кресало, рыболовный крючок, крупный фрагмент амфоры, ключ от трубчатого замка.

Материалы участков 20 и 21 завершают обзор результатов раскопок в западной части городища. В общей сложности исследованные здесь участки составили большую часть территории поселения.

Теперь рассмотрим результаты раскопок группы из шести участков в юго-восточной части городища, образовавших общий раскоп размером в 600 кв. м. Это участки 34, 35, 39, 40, 43 и 44 (рис. 21, 22).

Мощность культурного слоя в них равнялась 0,45–0,5 м. Она несколько уменьшалась в северо-восточном направлении, что хорошо видно в профилях раскопов (рис. 23). Здесь повторилась общая тенденция распределения культурного слоя на городище. Почти по всей толщине цвет культурного слоя был темно-серым. Отмечались только некоторые различия в плотности и едва заметные – в оттенках между верхней и нижней половинами культурного слоя. В верхней половине он был более рыхлым. На всех участках были сняты дерновый слой и два пласта, зачищен материк и выбраны материковые ямы.

Участок 34. После снятия дерна и первого пласта в ряде мест раскопа прослеживался материковый песок, возможно, из материковых ям. Встречалась глиняная обмазка с отпечатками плоского дерева. В дерне была найдена нижняя часть сошника и железное острие. В первом пласте – обломки глиняных трубок, бронзовый нательный крестик, небольшой бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью и декоративным ободком в нижней части, обломок витого перстня. Обнаружено также несколько ножей, стеклянных браслетов, пряслиц. Интересной находкой представляется наконечник стрелы – срезень.

Во втором пласте довольно часто попадалась глиняная обмазка (квадраты 6, 11, 12, 14, 16, 19, 20). На некоторых кусках отчетливо отпечаталось дерево. На одном треугольном в сечении обломке с двух сторон имеются отпечатки круглого дерева. В ряде мест встречались шлаки (квадраты 15, 16, 20). В северной части

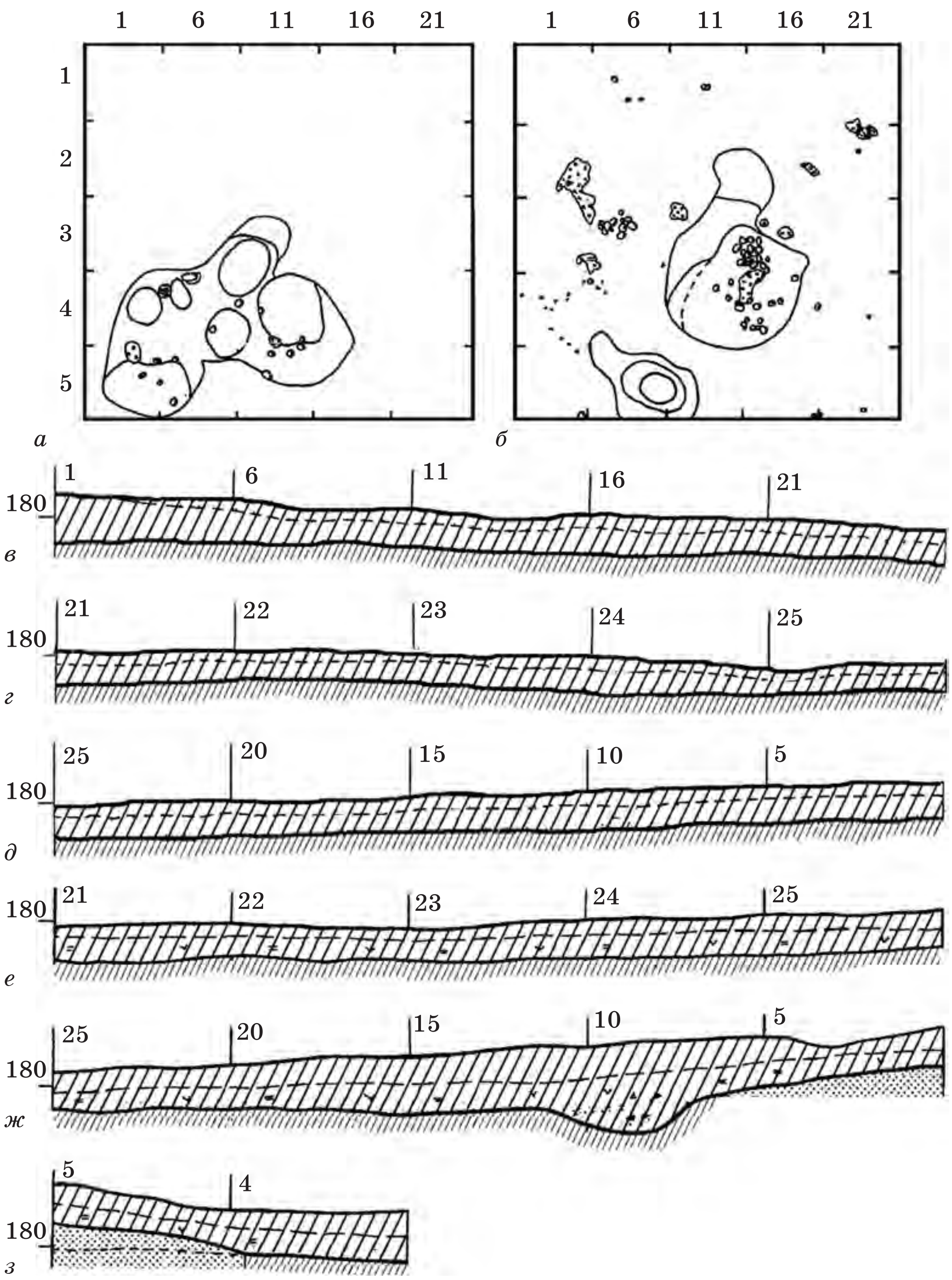

Рис. 20. Участки 20 и 21:

а – план участка 20; *б* – план участка 21; *в* – профиль северной стенки участка 20; *г* – профиль восточной стенки участка 20; *д* – профиль южной стенки участка 20; *е* – профиль восточной стенки участка 21; *ж* – профиль южной стенки участка 21; *з* – профиль западной стенки участка 21

раскопа было обнаружено скопление глины и камня (рис. 24). В квадрате 6 камни и глина образовывали как бы полукруг и по форме напоминали нижнюю часть печи.

Во втором пласте кроме керамики и стеклянных браслетов были найдены фрагмент пластинчатого перстня, дно от трубчатого замка, обломок тигелька (?). Совершенно неожиданной находкой оказались человеческие кости, залегавшие в культурном слое вблизи материка (рис. 25). Они представлены нижними конечностями и частью позвоночника. Судя по расположению останков, покойник был ориентирован головой на запад. Голени длиной 52–54 см принадлежали рослому человеку. Никаких вещевых находок, которые можно было бы связать с костяком, поблизости не оказалось. Не исключено, однако, что останки относятся к периоду разрушения замка.

После зачистки материка выявилось несколько неглубоких материковых ям. Одна была частично вскрыта в квадрате 1. Другая ее часть уходила в западную стенку раскопа. В яме найдены несколько фрагментов гончарной керамики, кусок шлака, обломки глиняной обмазки. Вторая яма занимала квадраты 4 и 5 и имела форму овала. Третья, самая крупная (до 2 м в диаметре), занимала квадраты 19, 24 и частично 20. При расчистке третьей ямы были найдены куски обгоревшего дерева, мелкие фрагменты глиняной обмазки, древнерусская керамика.

Участок 35. В дерновом слое, составившем в среднем 0,1 м, почти на поверхности была обнаружена одна из самых замечательных находок – вторая свинцовая вислая печать князя Мстислава Ростиславича Храброго. В дерновом же слое были найдены дужка от замка, несколько фрагментов стеклянных браслетов, обломок амфоры, обломки глиняных трубок. Попадались также мелкие куски шлака.

Рис. 21. Вид сверху на раскопки в юго-восточной части городища

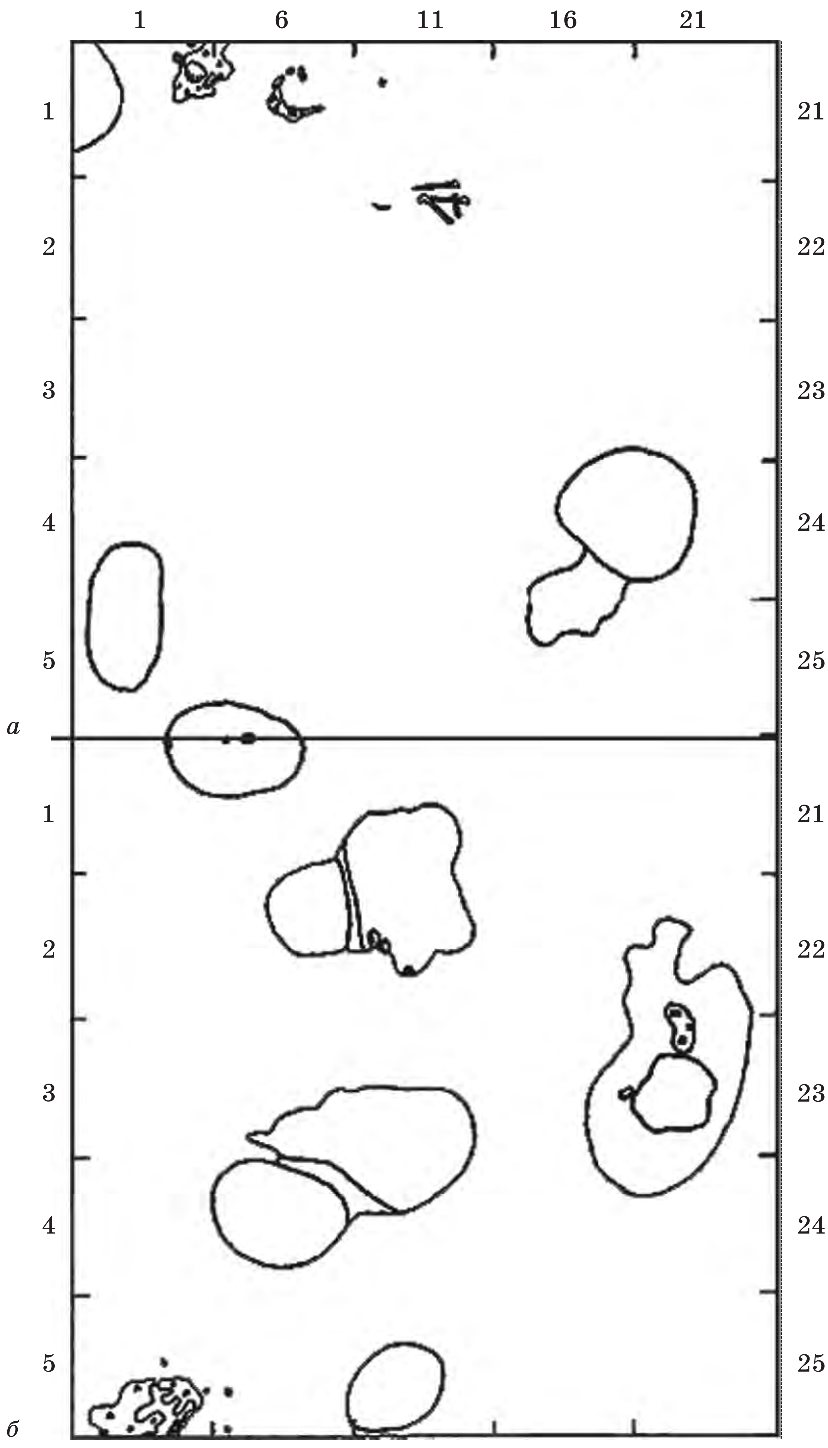

Рис. 22. Планы участков 34 (*а*) и 35 (*б*) на уровне материка

Культурный слой первого пласта на всей площади раскопа был однородный, темно-серого цвета. В ряде мест встречалась глиняная обмазка. Она зафиксирована в квадратах 15, 21, 23, 24 и др. Попадались также куски шлака (квадраты 4, 21, 24). Индивидуальных находок пласт дал в целом немного: это обломки глиняных трубок, бронзовый рубчатый перстень, часть железной остроги, петля от цельнометаллического замка.

Культурный слой второго пласта по цвету и структуре был аналогичен слою первого пласта. Лишь в непосредственной близости от материка его плотность заметно повысилась. Как и в предыдущем пласте, довольно часто попадалась глиняная обмазка. Около южной стенки раскопа было вскрыто значительное скопление глины, песка и камня (рис. 26). При расчистке скопления обнаружены кости животных, рыбья чешуя, небольшие угольки. Значительное количество костей животных имелось также в квадратах 9, 15, 16. Во втором пласте найден целый витой браслет с расплющенными концами, ножи, рыболовный крючок, железное овальное кресало, черешковый листовидный наконечник стрелы, крупный слиток свинца.

При зачистке материка было выявлено несколько материковых ям. Одна яма занимала квадраты 1 и 6 и содержала обломки глиняной обмазки, кости

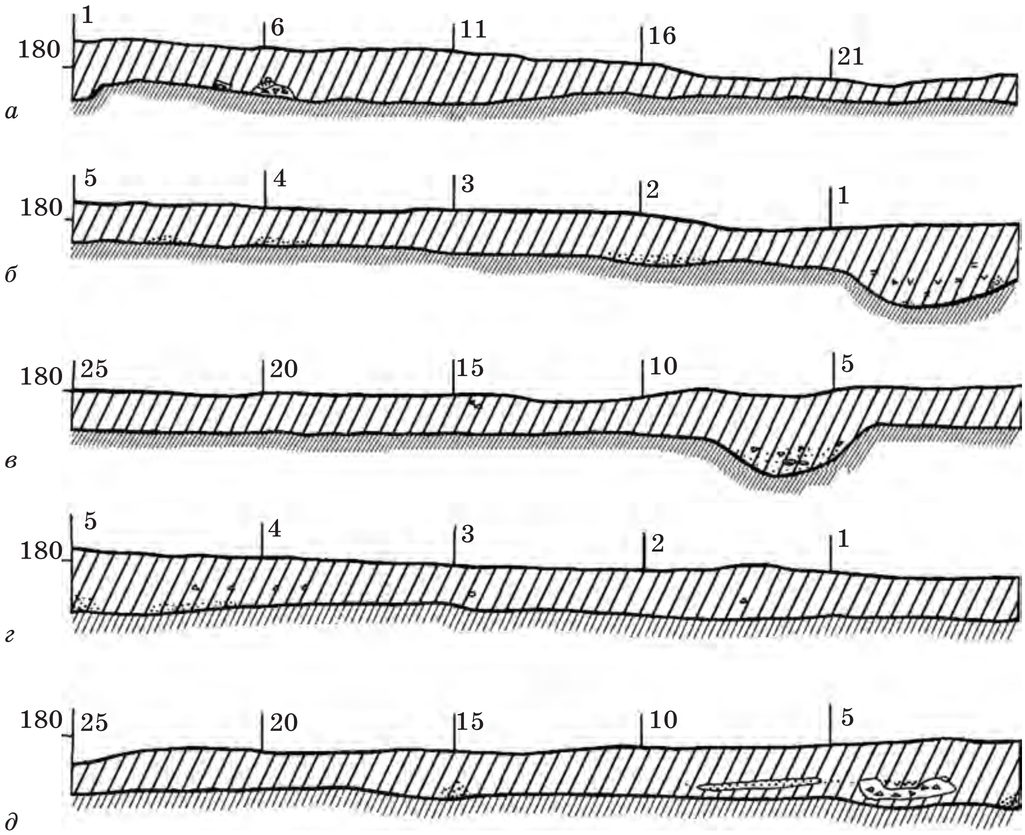

Рис. 23. Профили стенок участков 34 и 35:
а – северная стенка участка 34; *б* – западная стенка участка 34; *в* – южная стенка участка 34; *г* – западная стенка участка 35; *д* – южная стенка участка 35

Рис. 24. Скопление глины в раскопе 34

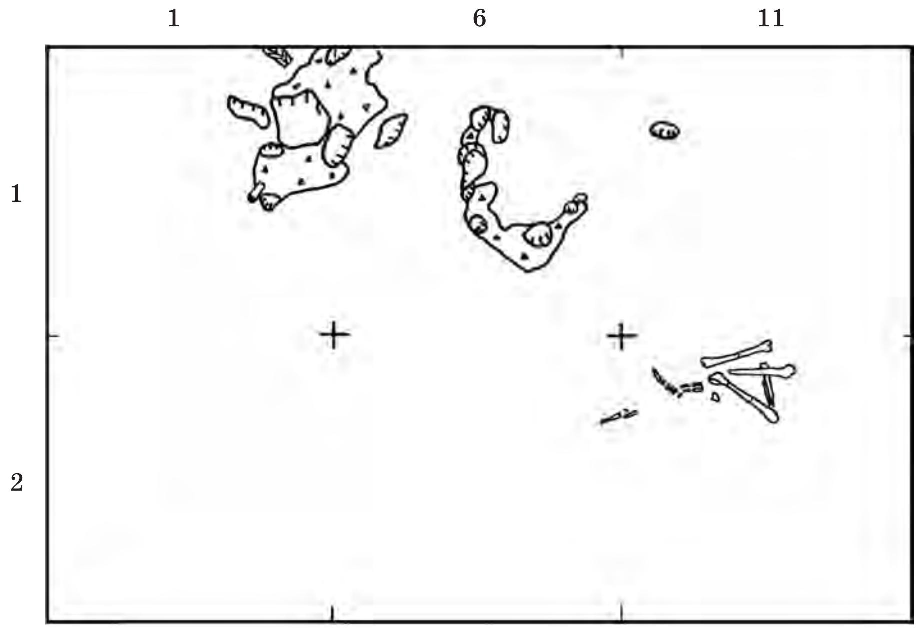

Рис. 25. Остатки сооружения из камней (кв. 6) и останки человека (кв. 12) на участке 34

животных, керамику, несколько беспорядочно разбросанных камней. Другая яма располагалась в квадратах 11 и 12. В ее южной части имелось скопление камней. Было найдено значительное количество костей животных. Третья яма занимала квадраты 8, 9, 13, 14. В ней обнаружены глиняная обмазка, кости животных, керамика. Четвертая яма находилась в квадратах 23 и 24, а также частично в 22. В ней имелись кости животных, крупные фрагменты керамики, в том числе пять фрагментов амфор.

Участок 39. Разработка дернового слоя дала несколько индивидуальных находок в основном бытового характера: бронзовый бубенчик с крестообразной прорезью, бронзовый миниатюрный нательный крестик, целый каменный нательный крестик.

Второй пласт был менее разрушен распашкой, о чем, в частности, свидетельствовало то обстоятельство, что в нем попадались более крупные фрагменты керамики, чем в первом пласте, где она, по-видимому, подвергалась систематическому механическому разрушению. Во втором пласте были найдены нож, приемник трубчатого замка и часть дужки, два фрагмента от тонкого бронзового бубенчика.

Третий пласт не отличался толщиной и имел более светлую окраску грунта. В ряде мест обнаружено скопление мелких кусков обожженной глины. Значительное скопление глины и обмазки имелось в квадрате 10. В процессе разборки скопления были найдены два шиферных пряслица и два стеклянных

Рис. 26. Скопление глины в раскопе 35

браслета. При зачистке материка – нож, железная дверная клямка и, что привлекает особый интерес, тонкая медная проволока.

В материке были выявлены три ямы (рис. 27, *а*). Первая занимала квадрат 3 и частично 4 и 6. В плане она почти круглая, диаметром около 2 м, глубина от уровня материка около 1 м. При расчистке ямы были найдены железный нож, два обломка стеклянных браслетов и небольшой фрагмент бронзового браслета. Другая яма занимала квадрат 6, в плане она несколько вытянута с запада на восток. Размеры ямы 1,3×1 м, глубина от материка 0,34 м. В яме найдены фрагмент медной посуды и 22 обломка гончарной керамики.

Третья яма занимала часть квадратов 14 и 15. Ее размеры 2×0,6 м, вытянута с севера на юг, углублена в материк до 0,3 м. В ней найдена часть трубчатого замка, гончарная керамика и кости животных.

Участок 40 отличался несколько более мощным культурным слоем по сравнению с участком 39, но в целом стратиграфические рисунки у них схожие (рис. 28).

В первом, дерновом, пласте были найдены железный нож и обломок амфоры. Во втором пласте – слиток свинца, нож, дужка от замка, черешковый кинжаловидный наконечник стрелы, две глиняные трубки, обломок амфоры, а также небольшой плоский сланцевый точильный брусок.

В третьем пласте попадалась глиняная обожженная обмазка со следами отпечатавшегося на ней дерева. В квадрате 2, практически на материке, был найден глиняный горшок со слегка прохудившимся днищем (цв. вклейка – рис. 18, *4*). Почти на материке прослежены следы обгоревшей плахи.

В третьем пласте и при зачистке материка были обнаружены небольшой железный ювелирный пинцет, ключ от трубчатого замка типа А, дно трубчатого замка, небольшой железный пробой, обломок перекрученного медного перстня или браслета, круглопроволочный бронзовый браслет с острыми концами, фрагмент бронзового нательного крестика. Следует отметить также находку фрагментов стеклянной бусины и амфоры.

В материке выявлены две ямы. Крупная яма с крутыми стенами и плоским дном находилась в квадрате 1. В ней имелось скопление крупных кусков глины, часть которых была обожжена. Углубление до 0,25–0,3 м от уровня материка располагалось на границе квадратов 11 и 12. В яме было найдено восемь обломков гончарной керамики и десять крупных костей животных.

Участок 43 отличался самым тонким культурным слоем из всех шести участков в этой части городища. В первом пласте были найдены обломок стеклянного перстня, два черешковых бронебойных наконечника стрел, точильный брусок.

Во втором пласте кроме стеклянных браслетов обнаружены осколок стеклянного бокальчика и три бусины: кубическая голубого цвета, боченковидная бирюзовая (в самой нижней части пласта) и крупная шарообразная. Отметим также находки свинцовых пластинок, корпуса трубчатого замка, трех дужек от замков, железного пробоя, хорошо сохранившейся бронзовой пряжки и массивного черешкового бронебойного наконечника стрелы. Из второго пласта происходят почти все обломки глиняных трубок, найденные на этом участке.

В третьем, самом тонком пласте, по существу на материке, найдены две свинцовые пластины и два обломка амфор.

В материке участка 43 выявлены четыре ямы (рис. 29). Как видно из плана, ямы не составляют системы и соотнести их с каким-то одним объектом не уда-

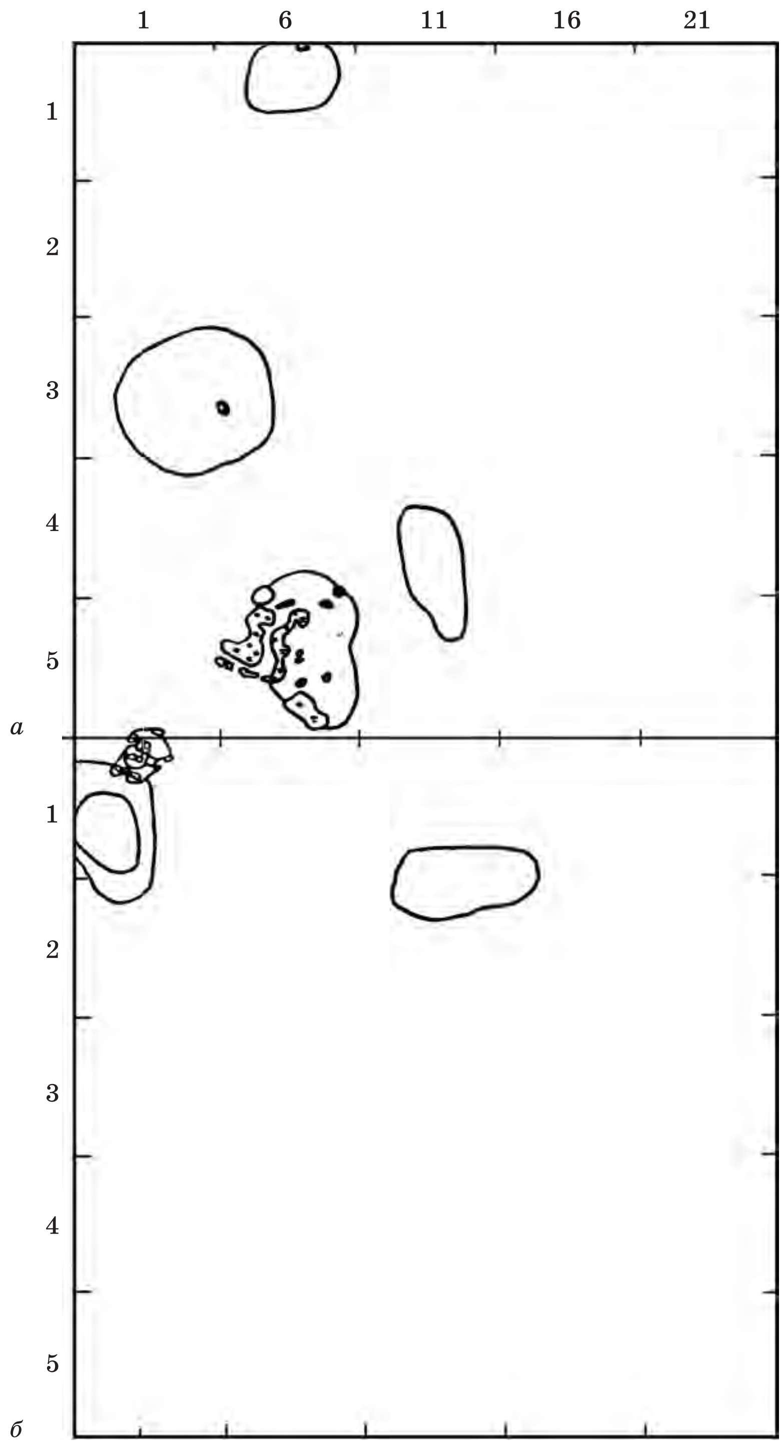

Рис. 27. Планы участков 39 (*а*) и 40 (*б*) на уровне материка

ется. Одна яма пересекает по диагонали квадрат 6, заходя в соседние квадраты 11 и 12. В ней были найдены розовое шиферное пряслице, 17 обломков керамики, 25 костей животных, обгоревшая деревянная плашка.

Наиболее интересная яма располагалась в квадратах 9 и 14. Она почти круглая в плане, диаметром около 1,5 м, стенки крутые (рис. 30). На дне ямы были выявлены две груды камней, среди которых имелись обломки жерновов. Попадалась глиняная обмазка. Похоже, камни рухнули в яму сверху. В яме были найдены корпус трубчатого замка, фрагмент тонкостенного стеклянного сосуда, 44 обломка керамики и 42 кости.

Еще две небольшие ямы были слегка углублены в материк. В одной из них (квадраты 16, 17) были обнаружены фрагмент тонкого голубого стекла, 83 фрагмента гончарной керамики, челюсти и кости животных.

Участок 44. Близость вала определила некоторый уклон поверхности участка с юга на север (см. рис. 31, *в*). Грунт – рыхлая земля в верхней части наслоений и более плотная в нижней. При снятии дернового слоя в квадратах 4, 5, 21 отмечены находки обожженной глины. Найдено два обломка стеклянных браслетов, кремневые пластинки, что указывает на перемешанность слоя.

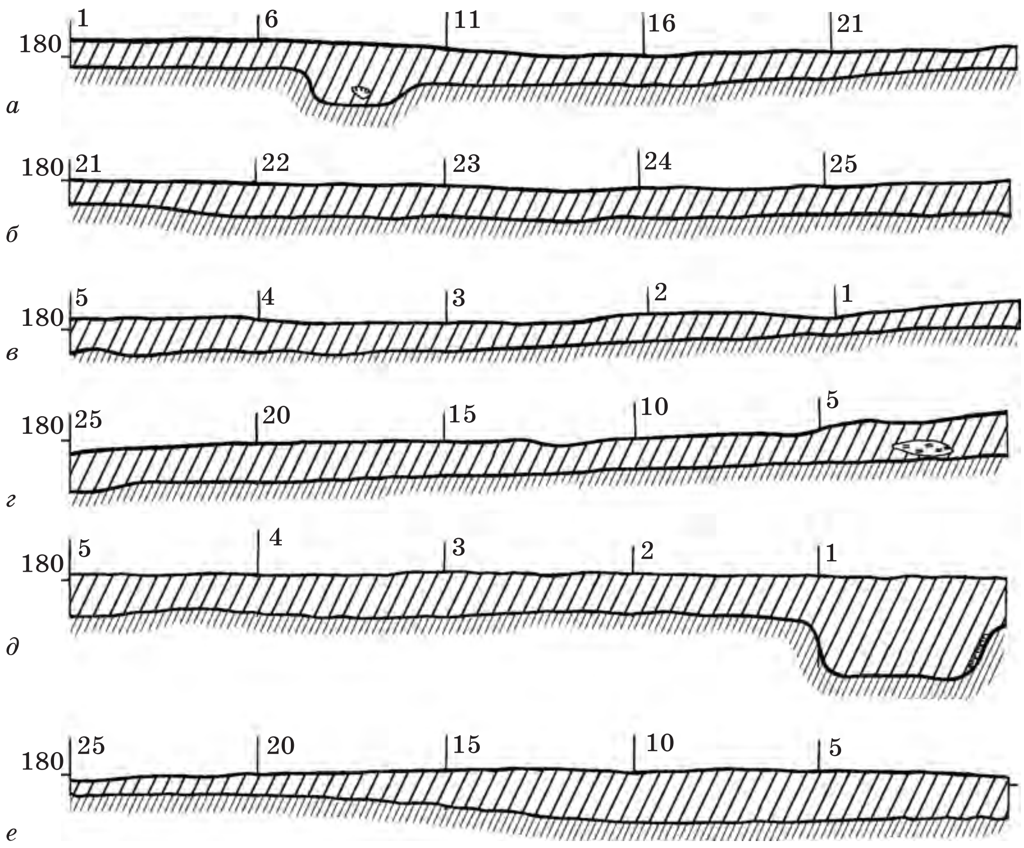

Рис. 28. Профили участков 39 и 40:
а – северная стенка участка 39; *б* – восточная стенка участка 39; *в* – западная стенка участка 39; *г* – южная стенка участка 39; *д* – западная стенка участка 40; *е* – южная стенка участка 40

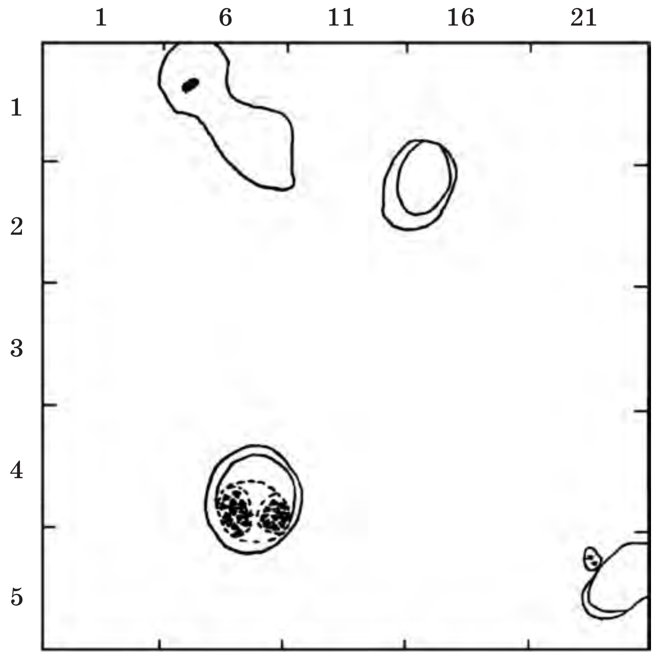

Рис. 29. Участок 43

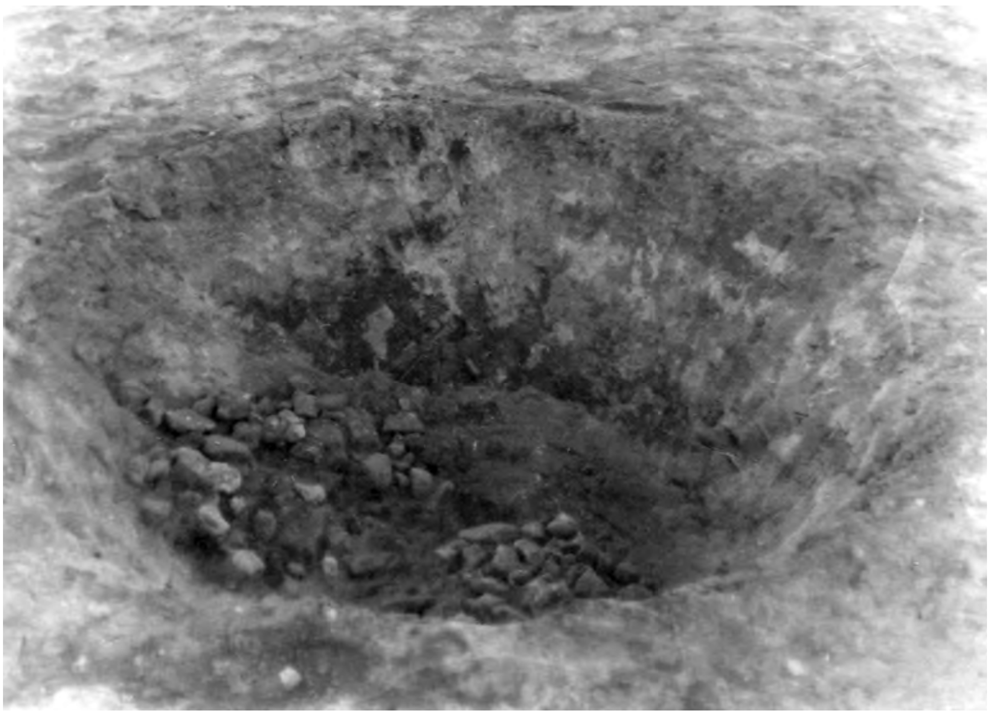

Рис. 30. Яма в квадрате 9 на участке 43

В первом пласте по-прежнему попадалась обожженная глина (квадраты 4, 6–10), угли (квадраты 3, 4, 9, 10). В центре квадрата 24 имелось небольшое скопление камней. Здесь же зафиксирована глиняная обмазка. В пласте найдено несколько интересных предметов: небольшой пинцет, писало, бронзовый шарообразный бубенчик, ключ от трубчатого замка, четыре ножа, пряслице, стеклянные браслеты.

Во втором пласте, в квадратах 3, 4, 7–9, имелось скопление небольших камней и глиняной обмазки. В квадрате 17 – небольшой фрагмент обгоревшего дерева. Наиболее интересные находки – обрывок кольчуги, часть трубчатого замка, железная пряжка, фрагменты амфор. При зачистке материка в квадратах 1, 22, 23 были выявлены незначительные углубления.

Подводя итог истории раскопок Вищинского городища и основным наблюдениям стратиграфического порядка, сделанным в процессе изучения культурного слоя, стоит еще раз отметить следующие моменты. Хотя в раскопках найдено небольшое количество предметов, относящихся к каменному веку, стратиграфически слой этого времени не улавливается. По всей толще культурного слоя, в том

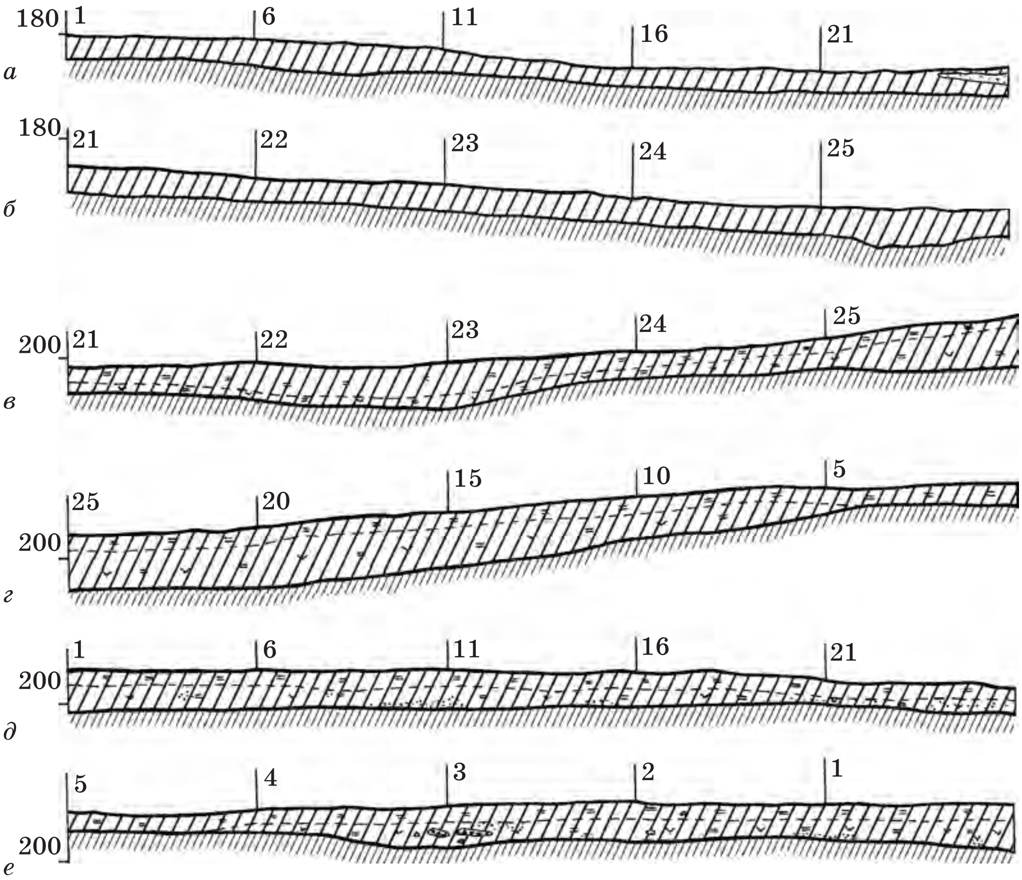

Рис. 31. Профили стенок участков 43 и 44:
а – северная стенка участка 43; *б* – восточная стенка участка 43; *в* – восточная стенка участка 44; *г* – южная стенка участка 44; *д* – северная стенка участка 44; *е* – западная стенка участка 44

числе и на поверхности, распространены находки XII–XIII вв. Других практически нет, и это свидетельствует о том, что городище, прекратив свое существование в XIII в., в последующее время уже не функционировало как поселение, а использовалось только в качестве сельскохозяйственных угодий. Поэтому его с полным основанием можно отнести к редкому однослойному в культурном отношении памятнику домонгольского или долитовского времени. Наслоения железного века на Вищинском городище отсутствуют, и отнесение его некоторыми исследователями к железному веку оказалось досадным недоразумением.

К сожалению, вследствие относительно небольшого времени существования поселения и его специфической социальной сущности как поселения владельческого типа, о чем будет сказано дальше, культурный слой на городище формировался медленно и составил в среднем всего около 0,5 м. Верхняя его часть оказалась сильно поврежденной последующей распашкой, которая разрушила и разнесла остатки сгоревших деревянных сооружений. Они чудом сохранились только около вала, и то лишь частично. Все это, конечно, очень затрудняет реконструкцию застройки поселения. Читатель сам мог убедиться в этом, знакомясь с материалами раскопок.

На участках, менее подвергшихся разрушению, удалось кое-где проследить два горизонта застройки. Один – в предматериковом слое, едва заметный, другой связан со вторым и первым пластами. Основной комплекс находок относится именно к этим пластам. Незначительность культурных напластований городища косвенно указывает на то, что замок функционировал недолго. Хотя среди находок имеются такие, которые можно было бы отнести и к XI в., – ключ типа А, бубенчики с крестообразной прорезью, некоторые типы бусин и наконечников стрел, – все же даже эти наиболее ранние по времени находки не позволяют говорить уверенно о наличии на городище чистых отложений XI в.

Вопросов хронологии мы будем касаться постоянно при описании и анализе обширного вещевого материала поселения. Здесь же, в предварительном плане, для лучшей ориентировки в материалах мы ограничимся самыми общими замечаниями по хронологии памятника и попытаемся конспективно определить хронологические рамки существования поселения.

Большинство найденных в Вищине предметов, характерных для XI в., продолжали бытовать на Руси и в XII в. Некоторые же категории находок не представлены ранними типами, которые были бы распространены в XI в. и не встречались в XII в. Например, среди найденных кресал отсутствуют калачевидные, характерные для X–XI вв., все вищинские экземпляры относятся к XII–XIII вв. Поэтому нижняя хронологическая граница памятника близка к рубежу XI–XII вв. или началу XII в. В целом же весь комплекс вещевого материала укладывается в рамки XII – первой половины или середины XIII в. Такие типичные для культуры домонгольской Руси массовые предметы, как стеклянные браслеты и шиферные пряслица, вышедшие из употребления в результате монголо-татарского нашествия в 40-е гг. XIII в., бытовали на Вищинском городище до самого конца его существования и заполняют весь культурный слой вплоть до травяного покрова. В этом смысле большой интерес представляют найденные в Вищине вислые печати смоленского князя Мстислава Ростиславича Храброго (умер в 1178 г.), одна из которых была обнаружена в дерновом слое. Следовательно, весь культурный слой городища, исключая очень тонкие надматериковые наслоения каменного века, можно было бы отнести к домонгольскому периоду.

Но какова верхняя хронологическая граница памятника? Кроме XII на городище, несомненно, хорошо представлен и XIII в. Среди найденных вещей

есть такие, которые появились только в этом веке. Например, колесиковая шпора, которая распространилась на Руси с 20-х гг. XIII в. [5]. Может быть, еще более интересной находкой для уточнения верхней даты культурного слоя является один из наконечников стрелы – плоский черешковый срезень (см. цв. вклейку – рис. 30). Такие наконечники связывают с появлением на Руси монголо-татарского войска, т. е. с концом 30-х – началом 40-х гг. XIII в. Значит, жизнь на Вищинском городище продолжалась по меньшей мере до этого времени. По всем признакам, разрушение и гибель замка имели место в близкое к этой дате время. Замок был разграблен и уничтожен. Следы пожарища прослеживаются повсеместно. Можно с уверенностью говорить, что поселение не сгорело само в результате какого-то стихийного бедствия или небрежного обращения с огнем, поскольку в этом случае оно было бы, вероятно, восстановлено. Этого не произошло. Более того, находка невостребованного клада, спешно зарытого в самый последний момент, приводит к аналогичному заключению. Владелец не вернулся за ним – значит, не вспыхнувший пожар побудил его спрятать клад под деревянной стеной, которая легко могла сгореть. Замок был сожжен неприятелем, а его хозяин погиб. Только так можно это объяснить.

Привлекательной кажется идея, что замок был захвачен монголо-татарским войском, тем более что в раскопках найден монгольский наконечник стрелы. Но такому выводу противоречат историческая ситуация того времени и все, что нам известно из летописей о маршруте движения монголо-татарских войск. Об их пребывании в этой части Руси письменные источники, кроме поздних и очень сомнительных белорусско-литовских летописей, ничего не говорят. Не имеется и археологических свидетельств разрушения монголо-татарами древнерусских городов в этом регионе. Видимо, гибель замка произошла хоть и в близкое к появлению на Руси монголо-татарских полчищ время, но не была с ними связана. Мы еще вернемся к этой проблеме в конце книги. Сейчас же ограничимся наиболее вероятным предположением, вытекающим из предварительного анализа материалов раскопок, что хронологические рамки функционирования Вищинского замка должны быть установлены в пределах самого начала XII – середины XIII в., т. е. ограничены приблизительно 150 годами.

1. Из-за того что поверхность площадки городища в южной части несколько ниже, чем в центральной и северной, в 1984 и 1985 гг. репер был установлен на 40 см ниже репера 1977–1983 гг.

2. Поскольку участки примыкают друг к другу и имеют общие стенки (например, северная стенка раскопа 1 является одновременно и южной стенкой раскопа 1А, а его южная стенка – северной стенкой раскопа 2 и т. д.), то для удобства профили в соприкасающихся раскопах будут обозначаться по северным и западным стенкам раскопов. Например, профиль южной стенки раскопа 1 будет идти как профиль северной стенки раскопа 2.

3. Аббревиатура расшифровывается так: П – постройка, 1А – номер раскопа, или участка, 1 – порядковый номер постройки в данном раскопе.

4. Подробно постройка, как и другие сооружения, описана в главе 4.

5. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIV вв. Л., 1973. С. 47.

Рис. 1. Вид на городище Вищин со стороны реки

Рис. 2. Вид на городище с северо-запада

Рис. 3. Вид на участки 8 и 9 (раскопки 1980 г.)

Рис. 4. Вид на валы с западной стороны

Рис. 5. Вислая свинцовая печать-пломба (увеличено)

Рис. 6. Вислые печати

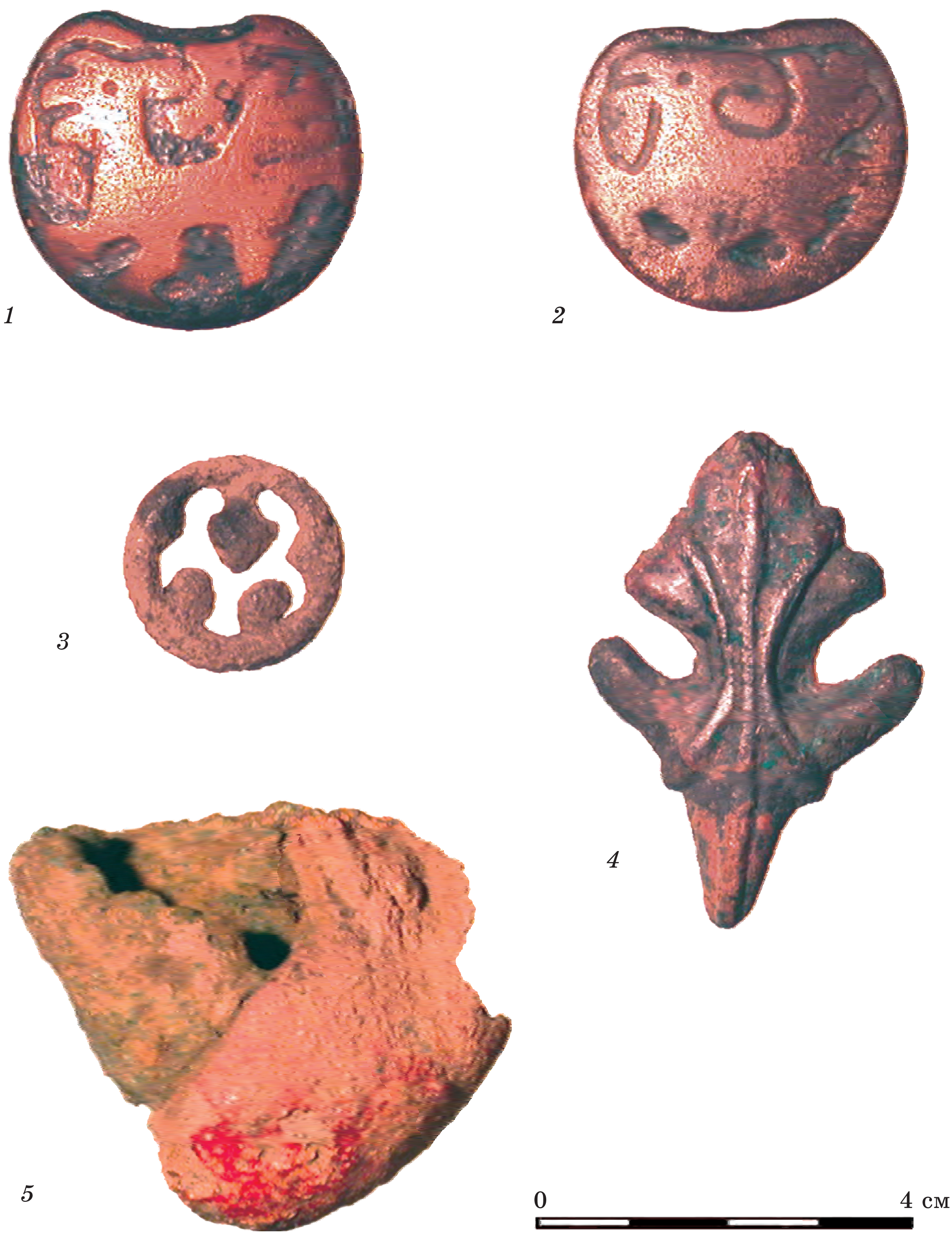

Рис. 7. Матрицы

Рис. 8. Привески

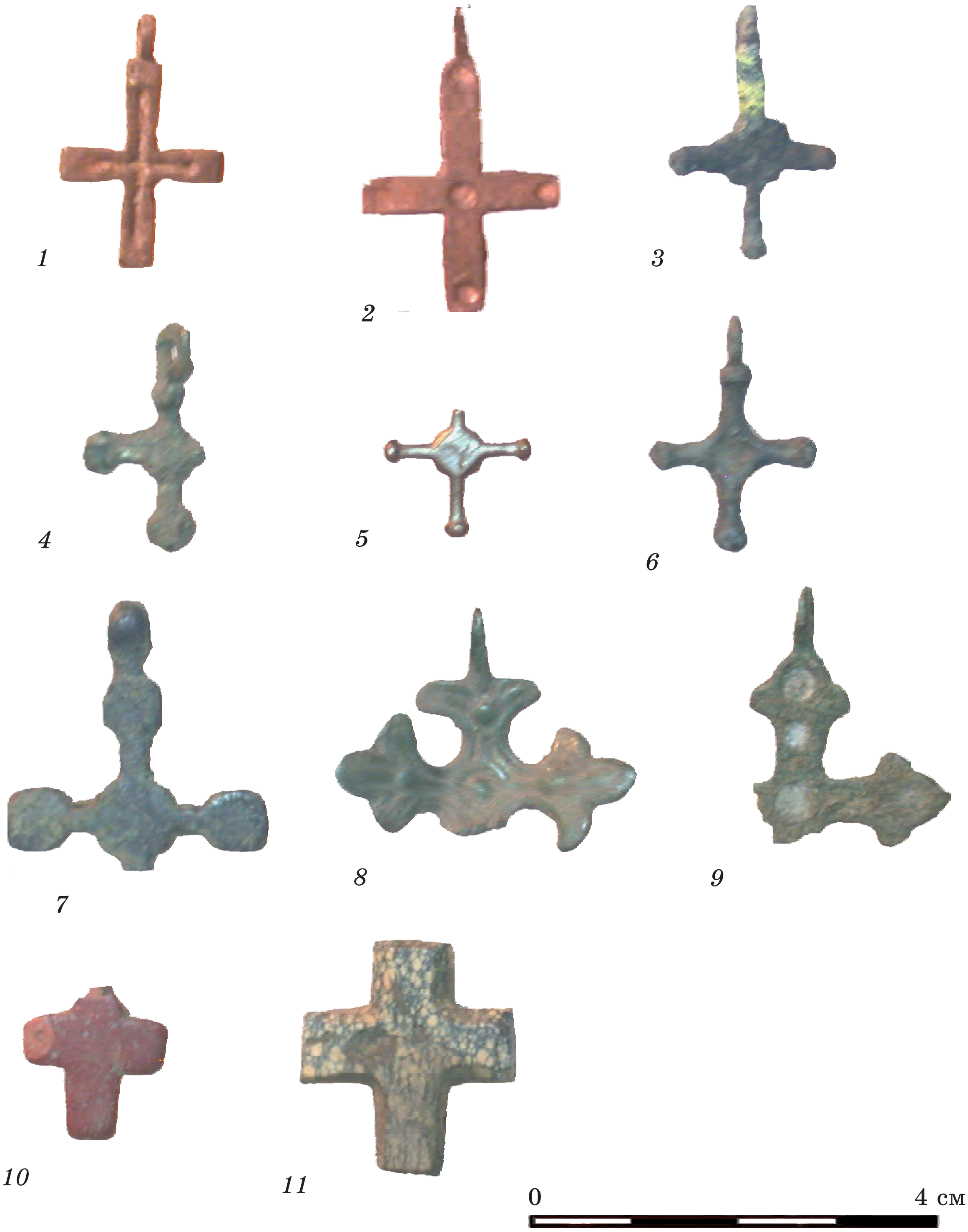

Рис. 9. Предметы христианского культа

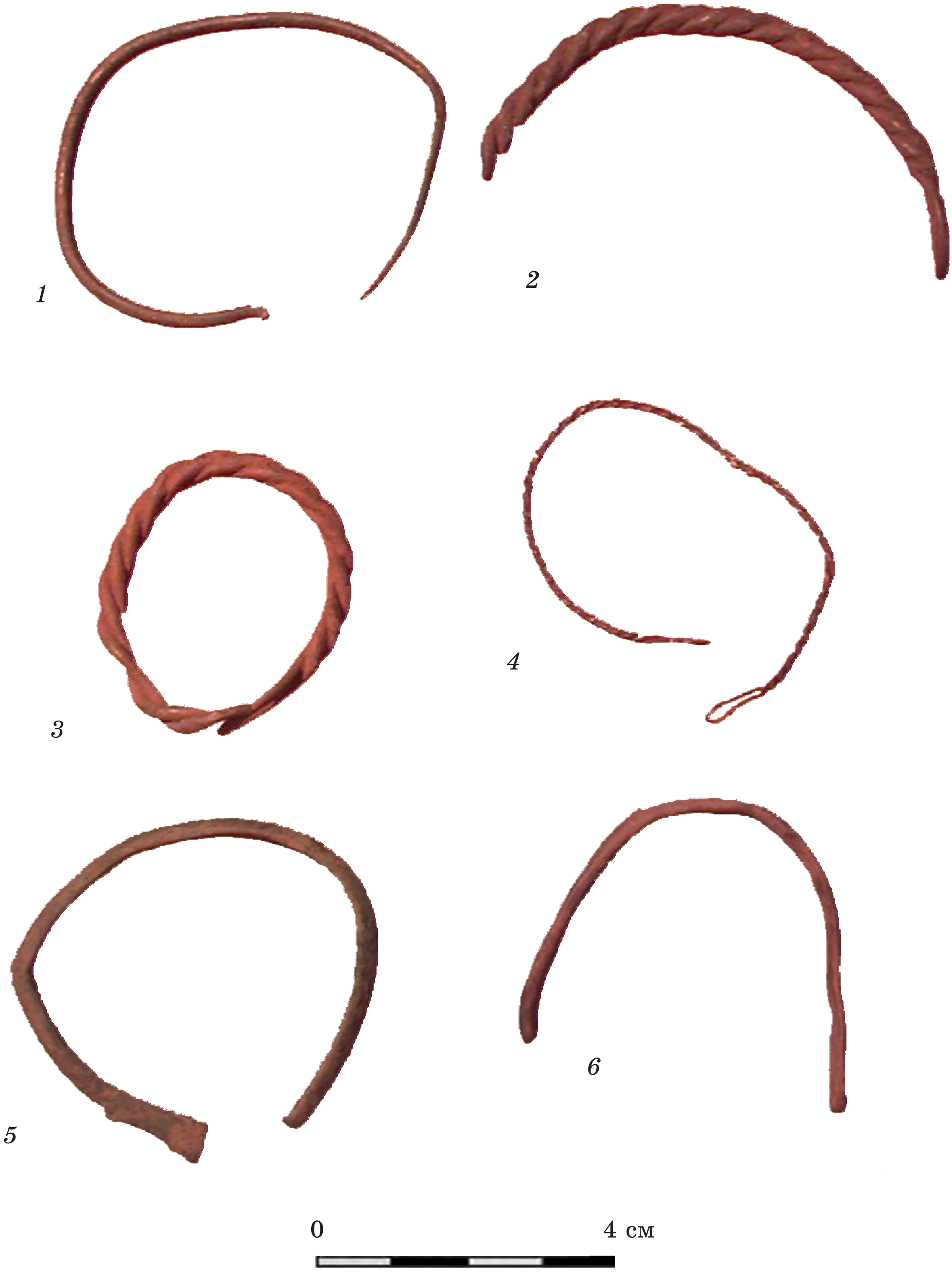

Рис. 10. Браслеты металлические

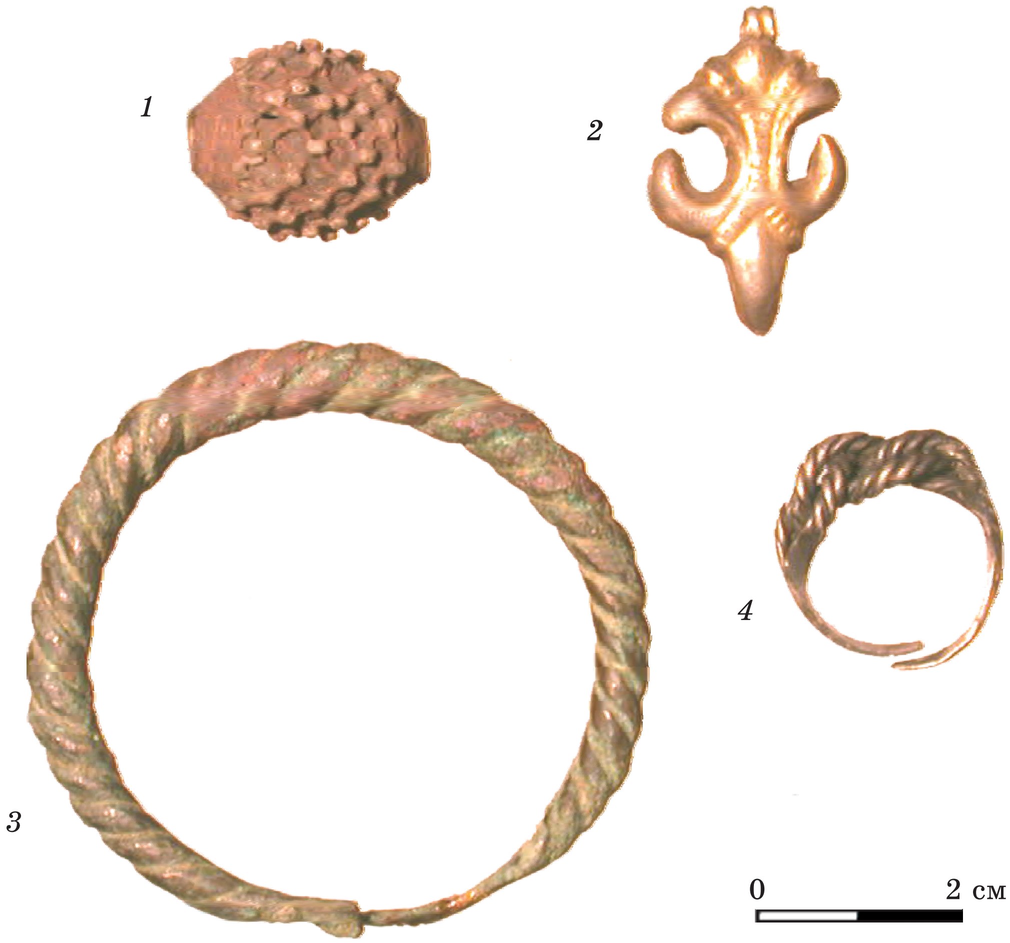

Рис. 11. Изделия из цветных металлов

Рис. 12. Изделия из меди и бронзы (бубенчики)

Рис. 13. Изделия из меди и бронзы (перстни)

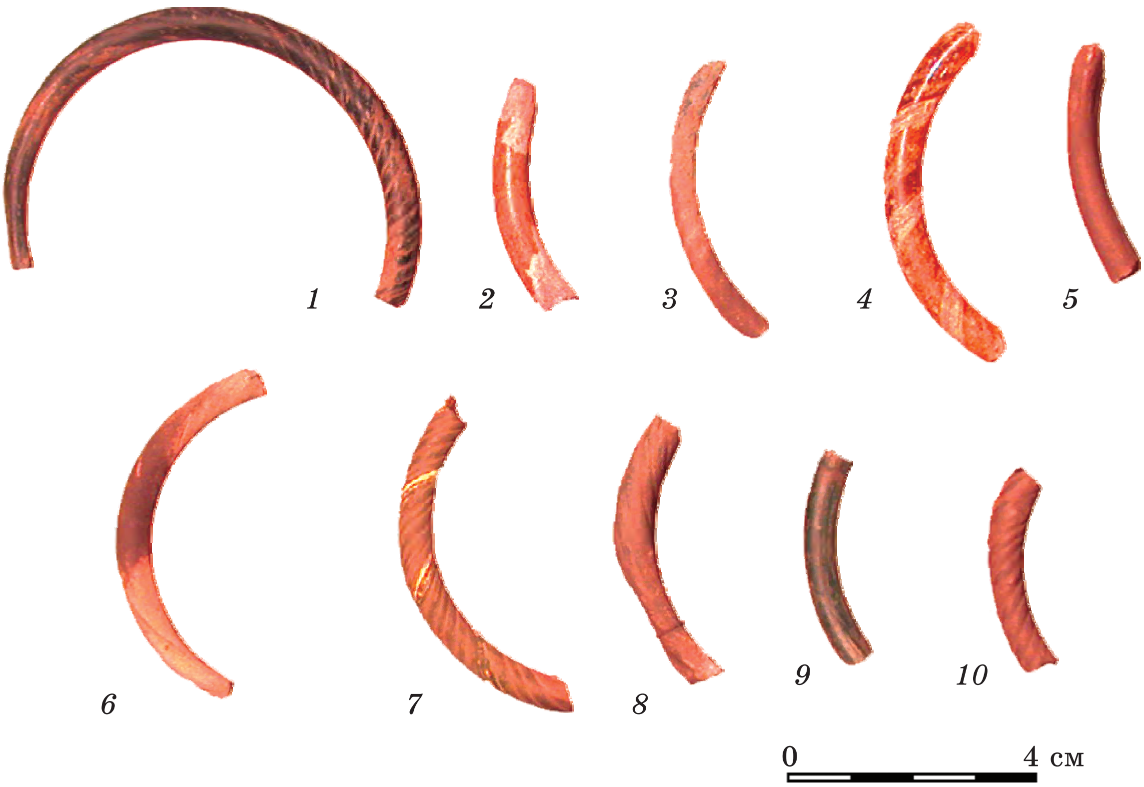
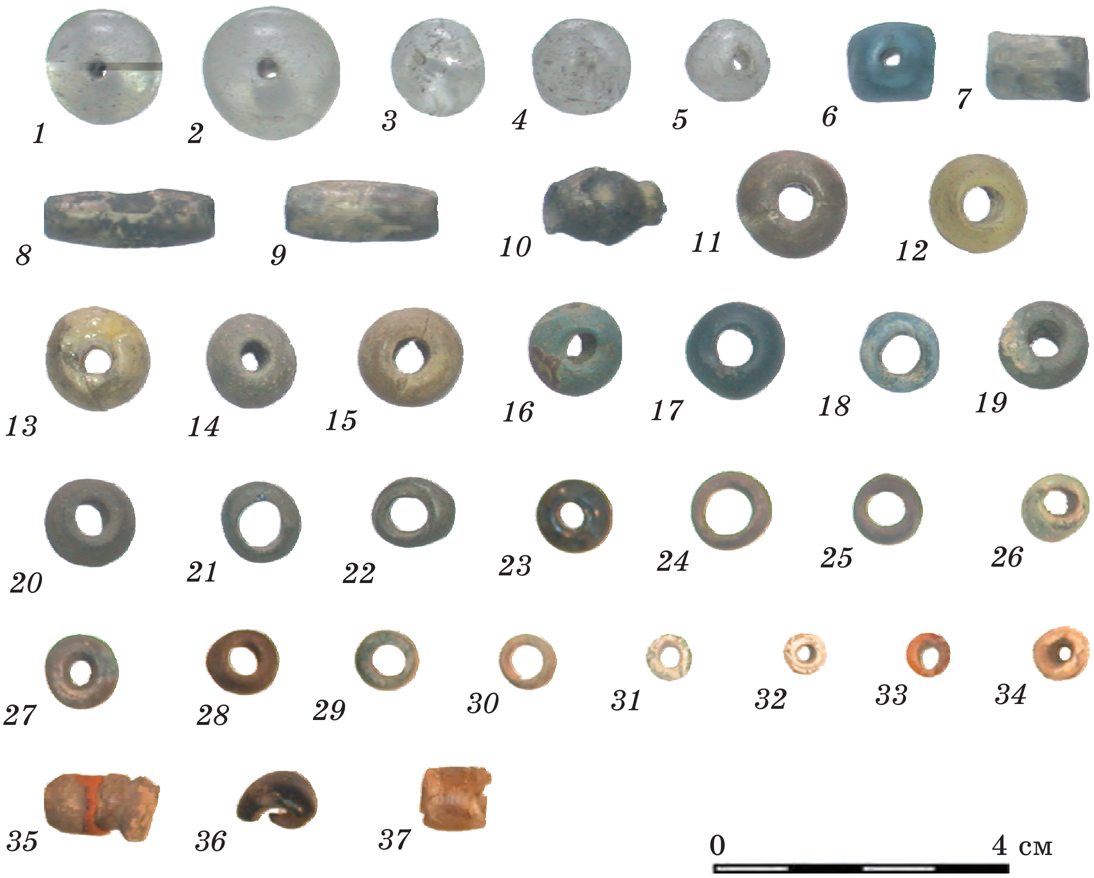

Рис. 14. Стеклянные браслеты

Рис. 15. Стеклянные бусины

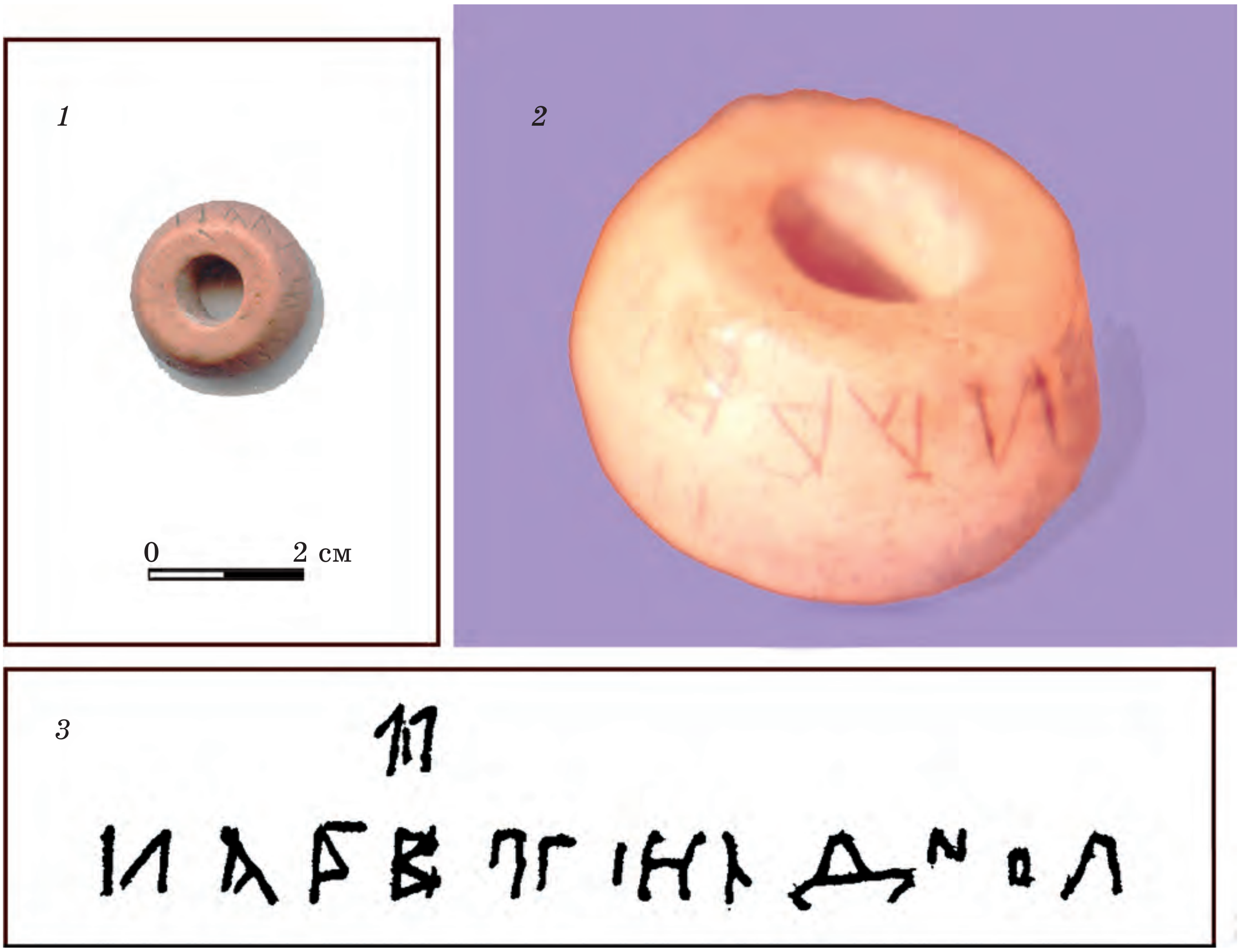
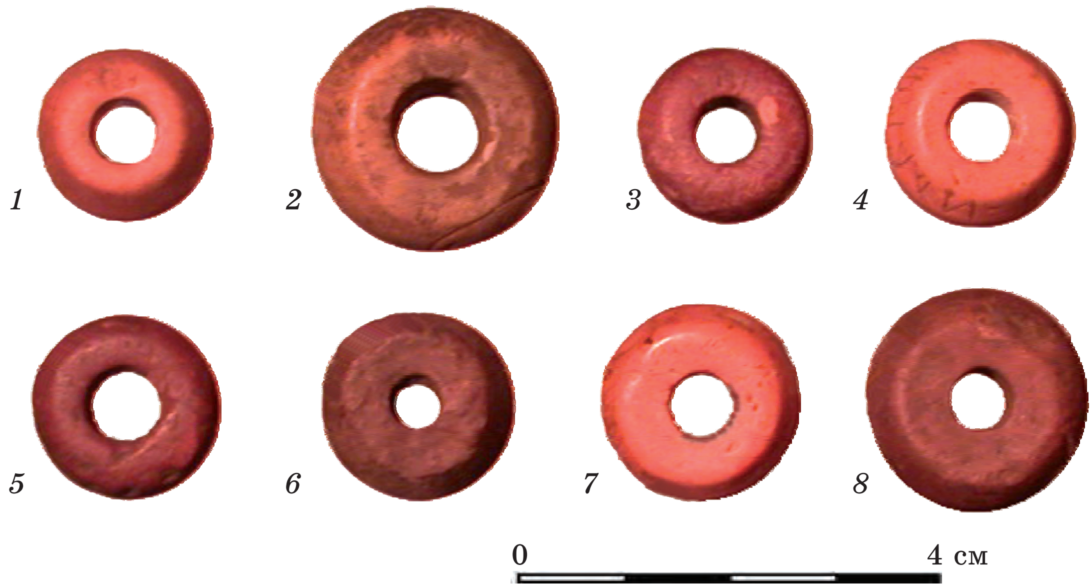

Рис. 16. Пряслице с буквами:
1 – реальный размер; *2* – пряслице в увеличенном масштабе;
3 – прорись надписи на пряслице

Рис. 17. Шиферные пряслица

1 2 3 4

Рис. 18. Горшки

Рис. 19. Горшки

Рис. 20. Глиняные трубки

Рис. 21. Обломки византийских амфор

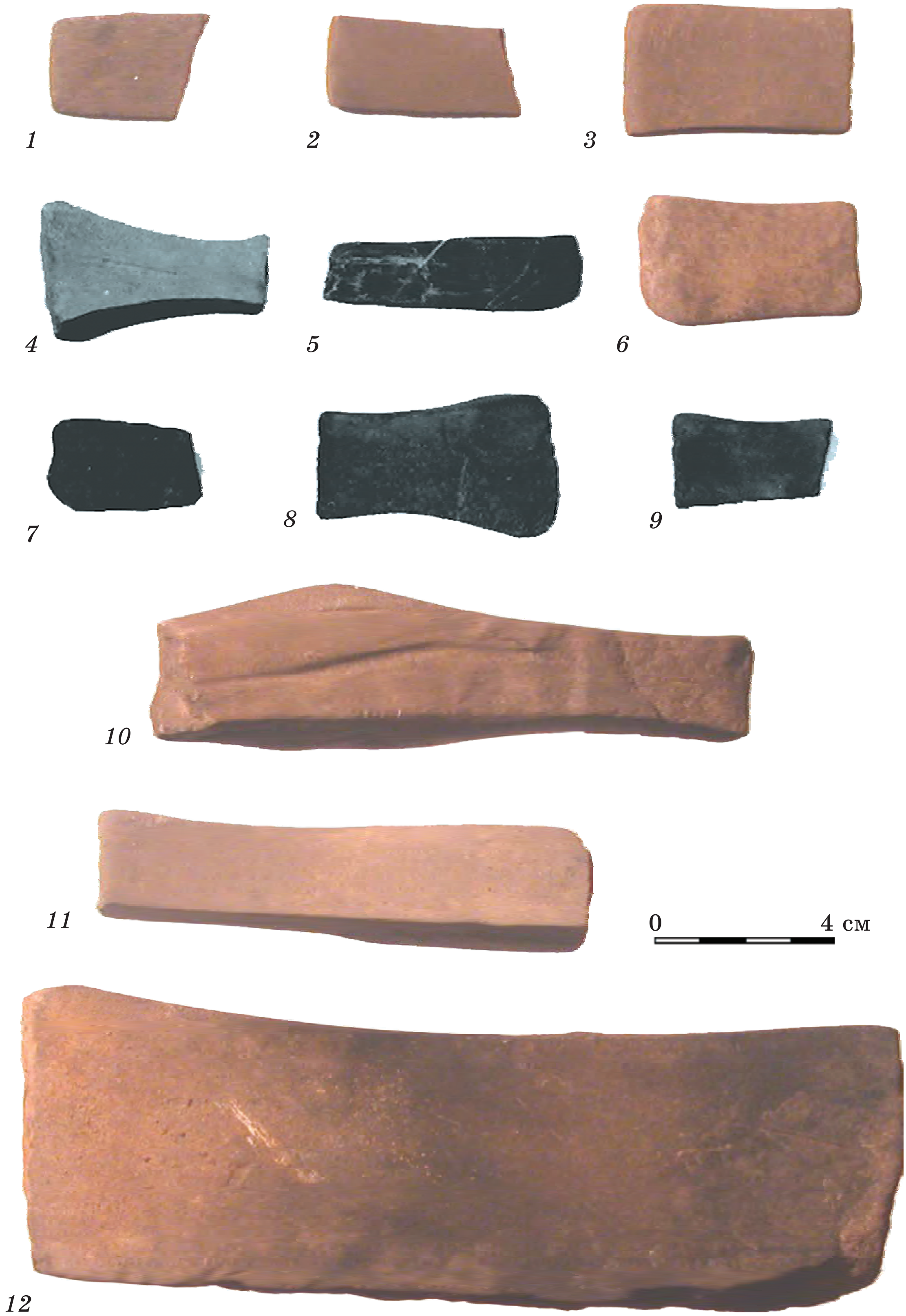

Рис. 22. Точильные бруски

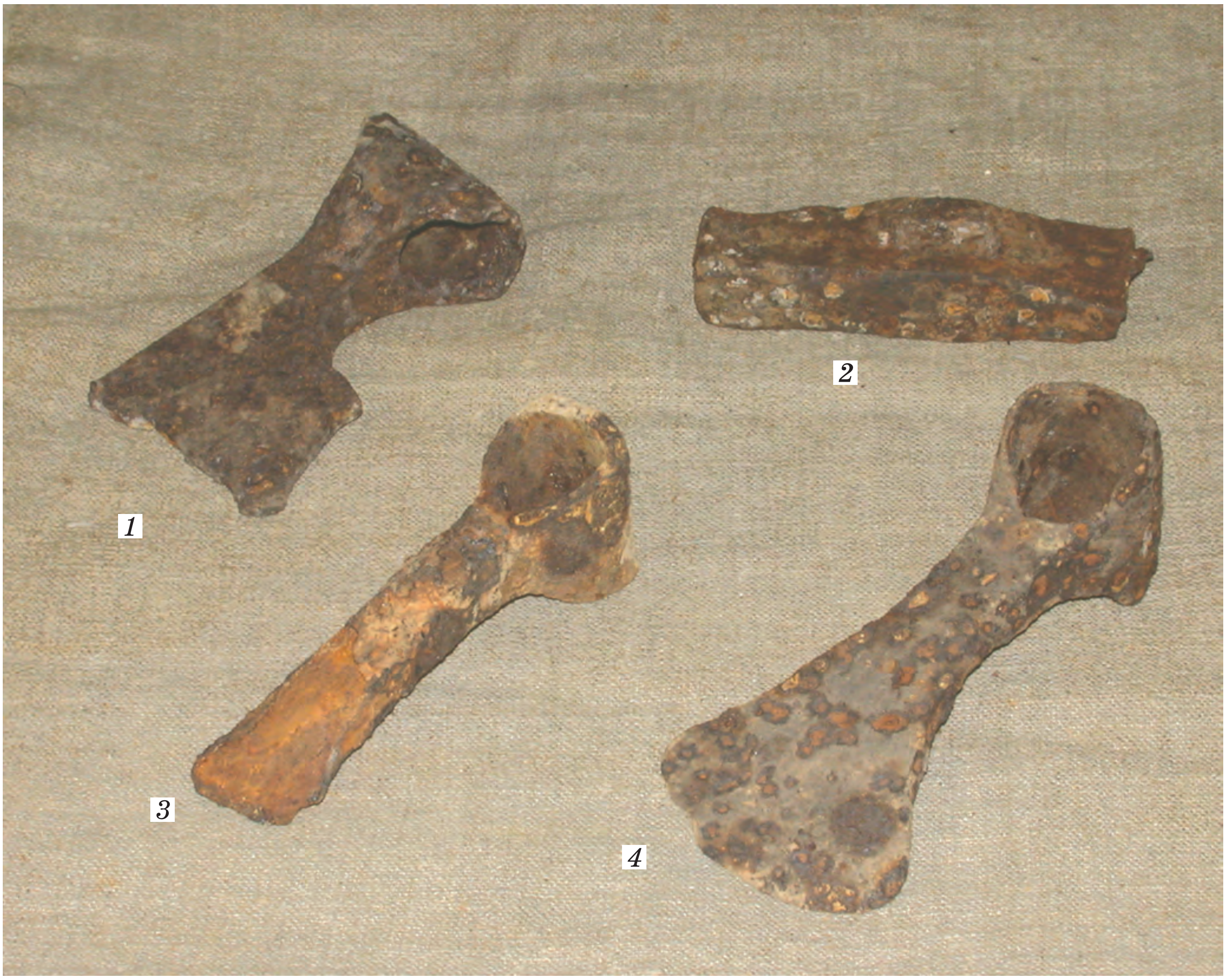
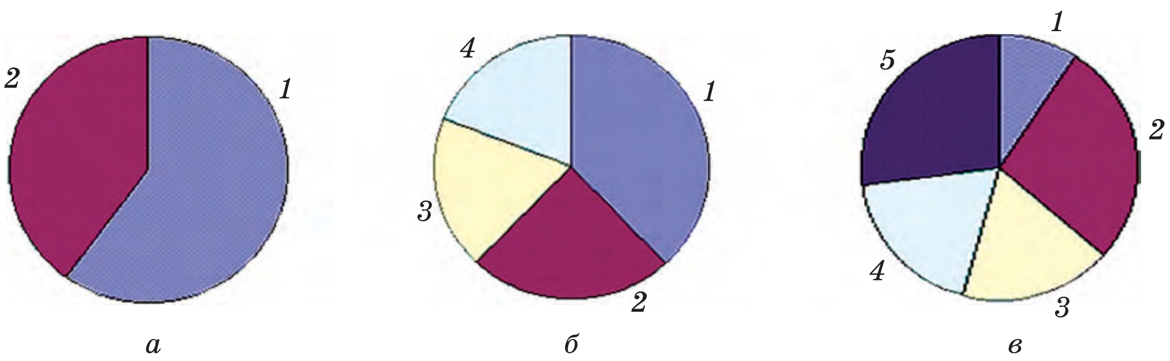

Рис. 23. Орудия труда

Рис. 24. Диаграммы по видам животных:
а – соотношение домашних (*1*) и диких (*2*) животных; *б* – соотношение видов домашних животных (*1* – крупный рогатый скот, *2* – мелкий рогатый скот, *3* – свиньи, *4* – лошади); *в* – соотношение видов диких животных (*1* – олень, *2* – лось, *3* – кабан, *4* – косуля, *5* – бобр)

ГЛАВА 2

ЗАСТРОЙКА ЗАМКА

2.1. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Вищинское городище привлекает к себе внимание прежде всего системой внешних укреплений. Они впечатляют не столько масштабами, сколько превосходной сохранностью и необычностью. Поселений с укреплениями такого типа немного, и не случайно они попали в поле зрения археологов и историков архитектуры, включивших их в свои работы в качестве иллюстрации к описанию древних укрепленных памятников. При этом по системе фортификации Вищинское городище нельзя назвать типичным ни для поселений железного века, ни для укрепленных поселений эпохи Древней Руси.

Городище расположено на высоком обрывистом берегу Днепра, поэтому в качестве оборонительных факторов выступают как естественные защитные элементы – береговая круча обращенной к реке стороны и овраги, врезающиеся в берег с северной и южной сторон, так и искусственные валы и рвы с напольной стороны, придавшие поселению форму, близкую к полукругу. Это позволяет отнести Вищинский замок к типу полукруглых в плане городищ.

Валы представлены тремя линиями. Первый вал был возведен непосредственно по краю городища и окружил всю площадку, кроме стороны, обращенной к реке (цв. вклейка – рис. 4). Впрочем, можно допустить, что первоначально он имелся и там, но за многие столетия постепенно обрушился вместе с берегом. Однако прямыми доказательствами существования искусственного вала со стороны Днепра мы не располагаем, и даже сомневаемся, что он там когда-либо был. Берег настолько крут, что небольшой искусственный вал едва ли мог заметно усилить эту сторону замка.

Этот первый (назовем его внутренним) вал не был высоким. И хотя он был частично распахан, его параметры поддаются точному определению. В раскопках были открыты остатки деревянной крепостной стены, которая шла по гребню вала. Это указывает на то, что гребень вала (по крайней мере, на исследованных участках) сохранился, и мы можем установить начальную высоту вала от основания до гребня. Разрезавшая вал на северо-западном краю городища траншея 1 легко позволяет определить высоту внутреннего вала и его ширину в поперечном сечении.

Вал был насыпан из материковой глины. Такую глину местные жители и сейчас копают для своих нужд около самого городища, что представляет потенци-

альную угрозу для памятника. Ширина вала у основания, как это видно из профиля северной стенки раскопа А, а также материалов из раскопок участков А, В и других примыкавших к валу раскопов, составляет приблизительно 8–9 м. Вал насыпался практически на материке, что свидетельствует о том, что замку на этом месте непосредственно не предшествовало никакое более раннее поселение древнерусского периода. Имеющиеся следы неолитической стоянки, естественно, не следует принимать в расчет. Высота внутреннего вала легко определяется по тем же материалам. В самом начале она составляла 1,5–1,8 м (рис. 32).

На гребне внутреннего вала выявлены и исследованы на протяжении 30 м остатки сгоревшей оборонительной стены. Они имелись в траншее 1, раскопах А, В, В2 и В3, следовавших друг за другом по краю городища с севера на юг, начиная от северо-западного края площадки поселения. Рассмотрим подробнее этот материал по деревянным оборонительным сооружениям замка.

Сначала остатки крепостной стены были обнаружены в траншее 1, проложенной от раскопа 1 на запад до края городища к небольшой яме, вырытой с внешней стороны вала местными жителями, бравшими из нее глину. Позже траншея была включена в площадь раскопа А, составив северную линию его квадратов. Уже после снятия дерна в траншее стали заметны различия в грунте. В западных квадратах шла плотная глина, в которой было выявлено скопление угля и обгоревшего дерева. Далее к востоку грунт приобрел вид темного культурного слоя. Рядом с углем залегало большое скопление обожженной глины (рис. 33). На некоторых кусках хорошо заметны отпечатки плоского де-

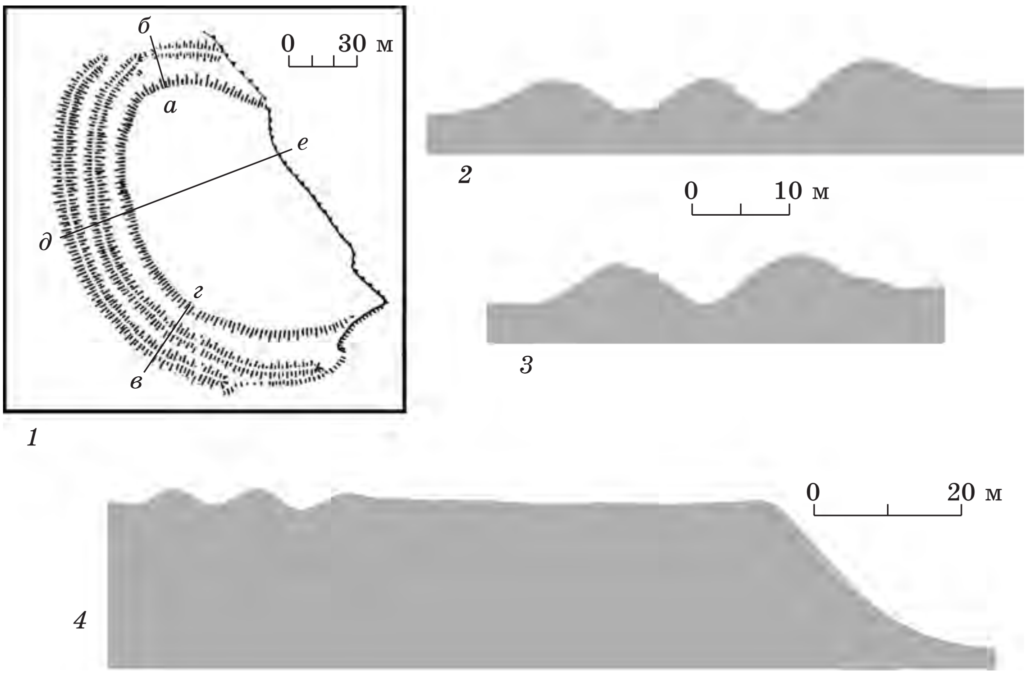

Рис. 32. План и профили внешних земляных укреплений:
1 – план городища; *2* – профиль валов в северной части городища по линии *а – б*; *3* – профиль валов в южной части городища по линии *в – г*; *4* – профиль городища по линии *д – е*

рева. Дальнейшая расчистка угольного слоя и разработка траншеи в целом привели к обнаружению остатков сгоревшей крепостной стены. От нее сохранились четыре горизонтальных бревна, положенных одно на другое, которые шли вдоль края городища. На бревнах заметны следы пожара. Три нижних бревна сохранились удовлетворительно. От четвертого (верхнего) остались лишь жалкие следы. Наиболее уцелевшее после пожара второе снизу бревно имеет диаметр 23 см. В верхней стороне второго и третьего снизу бревен вырублены чашки, через которые, очевидно, пропускались концы поперечных бревен стены. Остатки их в траншее оказались чрезвычайно фрагментарными. Они короткие и прогорели до сердцевины. Судя по небольшому фрагменту, концы поперечных бревен на 5–10 см выступали за линию стены с наружной стороны. Третье бревно уходило в стенку траншеи.

Интересно отметить, что с наружной стороны стены нижние бревна в этом месте пострадали от пожара меньше, чем с внутренней. Возможно, это указывает на то, что с внешней стороны нижние венцы стены были присыпаны землей. Верхние же бревна были открыты для огня, и они, наоборот, сильнее выгорели с наружной стороны стены. Не свидетельствует ли это о том, что крепостная стена была подожжена кем-то с наружной стороны? Позже мы рассмотрим этот сюжет подробнее.

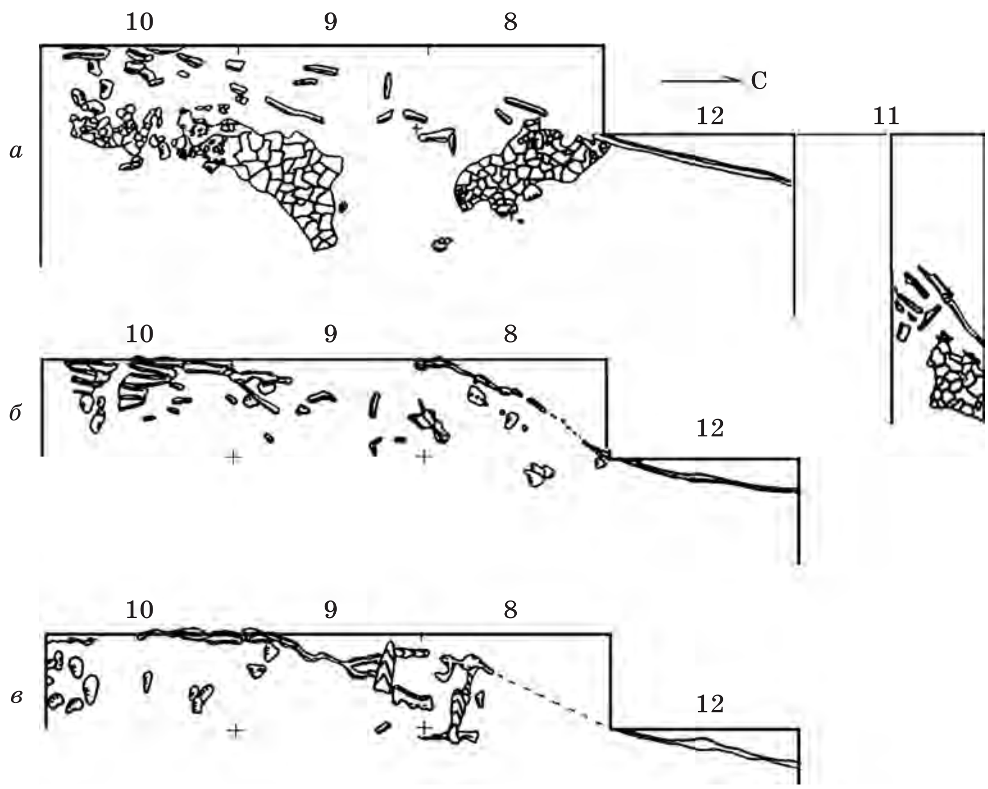

Рис. 33. План остатков крепостной стены в раскопе А:
а – фрагменты бревен верхнего горизонта; *б* – фрагменты бревен среднего горизонта;
в – фрагменты бревен нижнего горизонта

Вскрытая в траншее часть стены находилась в том месте, где вал поворачивал к реке. Во время пожара одна плаха упала вниз и приняла почти вертикальное положение. Ее нижний конец оказался на уровне первого венца стены. Следовательно, в этом месте нижняя часть стены не была присыпана землей и не уходила в насыпь вала, и стена была возведена непосредственно на поверхности вала.

Материалы траншеи оказались настолько интересными, что было решено разбить на валу отдельные раскопы и исследовать возможные остатки стены на более значительном пространстве. В новом раскопе А, как и в траншее, после снятия дерна на всем его десятиметровом протяжении были заметны следы сгоревшей стены. Прошедший дождь хорошо «промыл» раскоп, и расчищенные остатки крепостных сооружений стали особенно хорошо заметны на фоне глиняной насыпи вала. Резко разграничились зоны глиняной насыпи вала и остатков сгоревшего дерева. Стена располагалась на расстоянии около 4 м от края площадки – т. е., учитывая ширину вала, как раз на его середине, на гребне. В самом верху дерево представлено отдельными сгоревшими плашками. Лишь в северо-западном углу раскопа в квадрате 12 было вскрыто целое бревно, уходившее в траншею. Во временной перемычке между траншеей 1 и раскопом А были заметны следы располагавшегося над ним другого бревна, не сохранившегося, однако, в самом раскопе. Продолжением этого бревна в южном направлении были отдельные куски сгоревшего дерева, выявленные непосредственно под дерном. Все они составили одну линию (см. рис. 33).

В перемычке хорошо просматривалась угольная прослойка, распространявшаяся к востоку от стены. Прослойка шла горизонтально, и это свидетельствует о том, что площадка, на которой возводилась стена, была уже в древности выровнена строителями. Можно предположить, что в этом месте на повороте стояла небольшая башня, к которой с юга и востока подходила крепостная стена. От башни сохранилась только часть западной стены. Остальные ее детали располагались слишком близко к поверхности и потому были разрушены и запаханы. Но это лишь одно из предположений. Прослойка могла остаться и от горизонтальной площадки, которая шла вдоль крепостной стены с тыльной стороны.

В раскопе А, как и в траншее, вдоль стены распространялось скопление глины. Его ширина в отдельных местах достигала 1 м (см. рис. 33, *а*). Попадались куски с плоскими сторонами и отпечатками дерева. Это свидетельствует о том, что обмазывались не сами бревна стены, а какие-то конструкции из досок. Под глиной были прослежены отдельные небольшие куски дерева. В скоплении глины имелись разрывы в северной половине квадрата 14 и в квадрате 12, которые нельзя объяснить разрушением при последующей распашке городища, так как в квадрате 12 полностью сохранилось бревно от стены, которое в таком случае было бы тоже разрушено.

Дальнейшее углубление и зачистка стены открыли ряд новых деталей. После того как с наружной стороны крепости был выбран пласт глины, обнаружилось, что в отдельных местах деревянная крепостная стена сохранила 3–4 венца. Причем в южной части стены были выявлены остатки еще 2–3 бревен от вышележащих венцов, завалившихся в сторону городища. Похоже, удалось также обнаружить и остатки поперечных бревен, придававших устойчивость стене и скреплявших продольные венцы. В квадрате 13 с наружной стороны стены сохранились торчащие концы не менее чем двух таких поперечных бревен. К востоку от стены, между ней и глиняной площадкой были выявлены крупные камни.

Продолжение крепостной стены было прослежено и в раскопе В (рис. 34, *а*). От основной стены сохранились крупные фрагменты, расположенные на одной линии. В северной части раскопа, в квадрате 1В был обнаружен очень важный элемент стены – сочленение продольного бревна с поперечным. Хорошо заметна чашка в поперечном бревне. Несмотря на сильные разрушения, которым подверглась деревянная стена в результате пожара и последующей распашки городища, сохранились следы от нескольких венцов. Конец верхнего бревна выходил за пределы сочленения на 20–22 см. Под верхним бревном в этом месте было заметно еще одно бревно, конец которого выступал за пределы сочленения на 30 см. Концы коротких поперечных бревен выступали за пределы внешней плоскости стены еще больше.

В южной части раскопа имелось еще одно сочленение. Расстояние между северной и южной связками составило около 5 м. Это дает основание предположить, что стена расчленялась поперечными короткими стенами через каждые 5 м. Если основным элементом конструкции были трехстенные срубы, то длину такого сруба мы должны определять в указанных размерах. Поскольку концы продольных бревен выходили с каждой стороны на 20–30 см, то длина самого бревна составляла около 5,5 м. О трехстенной конструкции элементов стены, вероятно, свидетельствуют остатки сочленения другого сруба, обнаруженные в этом же раскопе немного севернее. Расстояние между сочленениями составило около 1 м. Сруб уходил в раскоп А.

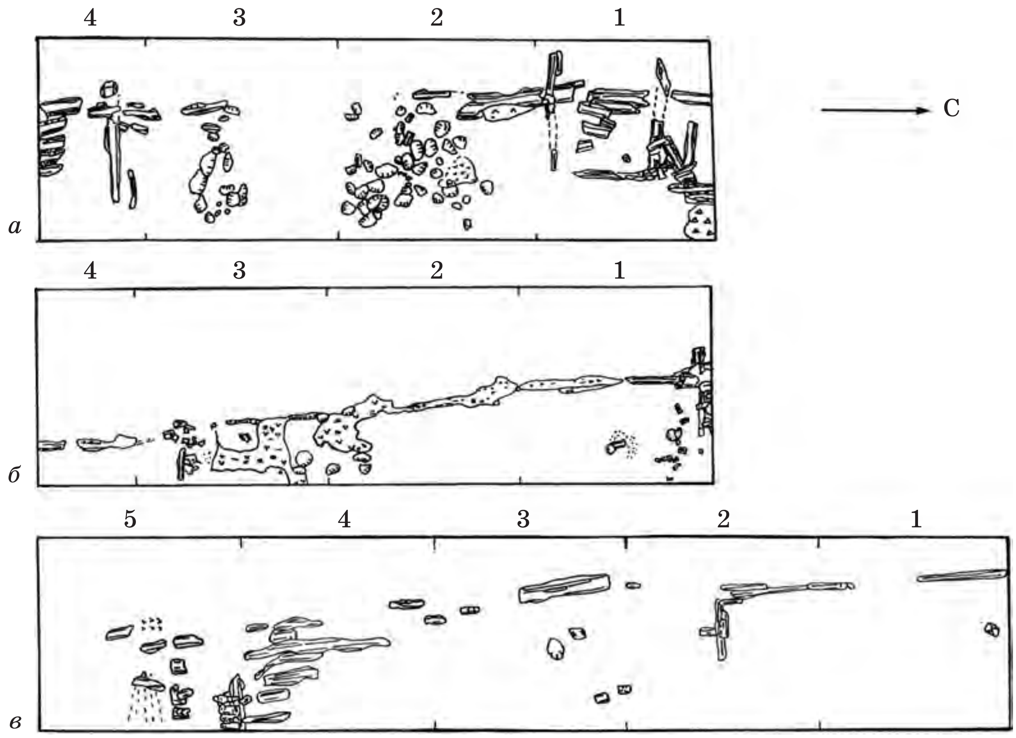

Рис. 34. Планы остатков крепостной стены в раскопе В:
а – раскопки 1979 г.; *б* – раскопки 1980 г.; *в* – раскопки 1981 г.

Длина поперечных бревен не достигала и 2 м. Между ними имелось несколько небольших плашек, лежавших вдоль основной стены, а также небольшое беспорядочное скопление обожженных коротких плашек в самой северной части раскопа. Некоторые из них лежали одна на другой в одной линии и уходили в северную стенку раскопа. К востоку от этого скопления обгоревшего дерева распространялся мощный завал обожженной глины, среди которой встречались куски с отпечатками плоского дерева. Интересно отметить, что такое скопление глины локализуется только в северо-восточном углу раскопа и отсутствует на остальной его части. Несомненно, это продолжение того большого скопления, которое имелось в раскопе А. Не связана ли эта глина с каким-то сооружением, располагавшимся только на этом участке крепости? Следует заметить, что скопление глины в раскопе В не доходит до крепостной стены и несколько смещено к востоку.

Продолжение стены было выявлено и изучено на протяжении еще 7 м в раскопе В2 (рис. 34, *б*). В северной части раскопа хорошо сохранился угол, образованный продольными и поперечными бревнами стены. От поперечной стены сохранилось не менее двух венцов. На верхней стороне бревен заметны чашки (рис. 35, 36).

Рис. 35. Остатки крепостной стены в раскопе В. 1980 г., вид с юга

В южной части раскопа была обнаружена одна плашка, по-видимому, от короткой поперечной стены. Рядом с ней – глиняная обмазка. В северной части раскопа обмазки не было. Расстояние между сочленениями, как и в раскопе В, составило 5 м.

Интересно отметить, что поперечные бревна в северной части траншеи В2 были перекрыты сверху сгоревшими плашками, лежавшими параллельными линиями. Возможно, они представляли собой остатки какого-то настила, рухнувшего сверху.

Бревна основной стены сохранились не по всей трассе. На уцелевших фрагментах больше выжжена наружная сторона. Фрагмент одной продольной плахи в южной части раскопа принадлежал самому нижнему ряду бревен. Бревна в северной части раскопа имели диаметр до 18 см.

В 1981 г. раскоп на валу был продолжен к югу еще на 10 м (раскоп В3). И здесь, под дерном, на глубине около 20 см было прослежено продолжение сгоревшей деревянной стены (рис. 34, *в*). Ее остатки достаточно фрагментарны, но они повторяют то, что было выявлено и раньше.

В северной части траншеи было обнаружено сопряжение продольного бревна стены с коротким поперечным. Здесь стена также возводилась из толстых бревен непосредственно на глиняном валу и не имела никаких подземных частей. С внешней стороны бревна были присыпаны плотной глиной.

В южной части квадрата 4 и в северной части квадрата 5 сохранился ряд небольших обгоревших плашек, которые лежали параллельно стене крепости и

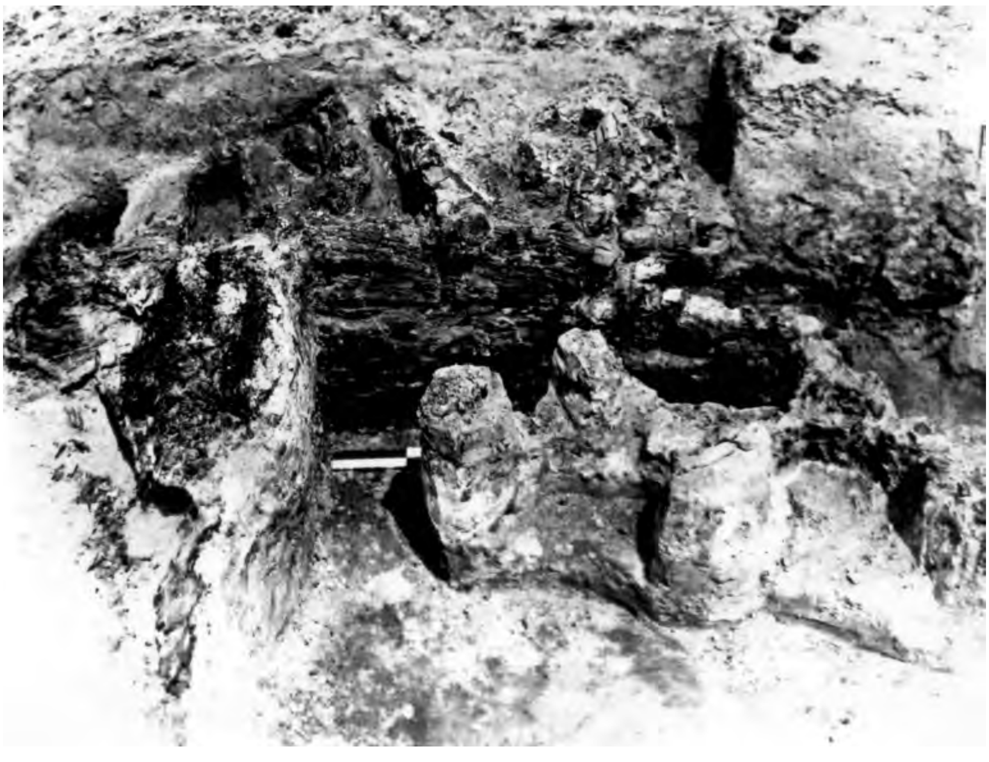

Рис. 36. Остатки крепостной стены в северной части раскопа В. 1980 г., вид с юга

частично перекрывали крупный фрагмент бревна, расположенный под прямым углом к стене. Его можно отнести к бревну от поперечной стенки крепости. К сожалению, фрагмент не доходил до стены, место сочленения выгорело полностью. Перекрывавшие бревно плашки, очевидно, как и в раскопе В2, могут быть соотнесены с каким-то настилом, рухнувшим во время пожара сверху. Поэтому можно предположить, что стена имела верхний ярус.

Остатки оборонительной стены были также выявлены в раскопах, примыкавших к валу. Так, в северной половине раскопа 15 прослеживались полосы сгоревшего дерева, расположенные в известном порядке. Четыре плашки (или сгоревшие доски) в северо-восточном секторе раскопа шли параллельно друг другу и были ориентированы с северо-востока на юго-запад. Под прямым углом к ним располагалось еще несколько плашек.

В квадратах 5 и 11 раскопа 6 на расстоянии 1 м от края площадки городища были также обнаружены остатки сгоревшей крепостной стены. В ряде мест отмечались скопления небольших камней. Может быть, они были связаны с укреплениями или предназначались для использования в качестве средства защиты. Камни встречались и у основания вала в предматериковом слое. И если они связаны со строительством укреплений, то их размещение в культурном слое можно использовать для стратиграфического обоснования времени появления на городище укреплений. Везде начало строительства укреплений совпадает со временем возникновения самого поселения.

При зачистке материка в раскопе были прослежены следы бревен, пересекавших раскоп по диагонали от северо-западного угла к юго-восточному, т. е. вдоль трассы вала. На отдельных участках заметны три параллельных ряда таких бревен, шедших вдоль вала у его основания. Они как бы отгораживали вал от остальной площадки городища.

Подводя итоги результатам исследования укреплений, устроенных по краю площадки городища, отметим следующее. Поселение практически с самого начала своего существования было укреплено небольшим валом по краю площадки, который возводился из глины и имел высоту около 1,5 м при ширине у основания 8–9 м. Верхняя часть вала была выровнена, и на горизонтальной площадке была поставлена деревянная стена из массивных бревен диаметром 18–25 см. Вал не имел деревянной субструкции. Представляется наиболее вероятным, что стена по своей конструкции была близка к укреплениям, состоящим из примыкающих друг к другу трехстенных срубов. Каждый из них имел одну длинную сторону из 5,5-метровых горизонтальных бревен и две короткие стены не более 1,5 м длиной. Возможно, короткие бревна также скреплялись между собой плашками (рис. 37). Но остатки данного элемента конструкции оказались слишком фрагментарными, чтобы говорить о его наличии с полной уверенностью.

Длинные и короткие бревна были связаны друг с другом в обло с остатком. Концы как длинных, так и коротких бревен выступали на 10–22 см. Чашки вырубались только в верхней части бревен. С внешней стороны нижние бревна стены местами были присыпаны глиной.

Сильные разрушения, которым подверглась крепостная стена во время пожара, скрыли многие детали конструкции. Хотя остатки стены были исследованы на протяжении 30 м и на некоторых участках сохранилось до трех венцов, тем не менее далеко не везде, к сожалению, удалось обнаружить сочленения отдельных трехстенных звеньев стены между собой. Трехстенные звенья были хорошо прослежены в раскопах В и В2.

В ряде случаев следы от короткой поперечной стены имелись только на одном конце длинного бревна. Создавалось впечатление, что крепостная стена имела иную конструкцию и в нее периодически врезалась короткая поперечная стена, чтобы сделать основную стену более устойчивой и обеспечить прочную опору для деревянного настила верхнего яруса. Однако в таком случае свободный конец длинного бревна должен был бы скрепляться со свободным концом соседнего длинного бревна. В строительном деле Руси был хорошо известен способ наращивания бревен. Нам довелось наблюдать его при раскопках Минска. Однако в крепостной стене Вищинского замка соседние бревна стены не скреплялись между собой таким способом. По всей видимости, недостающие бревна от поперечных стен просто выгорели до конца, и поэтому проследить их не удалось.

Очень короткие поперечные стены и отсутствие связанной со стеной внутривальной деревянной субструкции, которая бы делала посадку стены более прочной, позволяют предположить, что крепостная стена не могла быть высокой. Может, в этом и не было необходимости, поскольку перед стеной был вырыт трехметровый ров с довольно крутыми склонами. Есть, однако, подозрение, что стена могла иметь два яруса, чтобы защищать крепость сверху. Выше упоминалось о найденных следах от возможного деревянного настила верхнего яруса. Письменные источники прямо говорят о забралах городских стен, о возможности ходить по стене и т. д. Вспомним о Ярославне из «Слова о полку Игореве», причитавшей на городской стене Путивля.

Как уже отмечалось, около стены встречались скопления камней, а также участки обожженной глины с оттисками на них плоского дерева. Обычно такие куски глины связывают с обмазкой какого-то деревянного сооружения из досок. В данном случае характер и назначение обмазки остаются неясными. Важно заметить, что если камни встречались вдоль всей стены (в одних местах больше, в других – меньше) и их назначение можно объяснить соображениями обороны, использованием их защитниками замка, то обмазка распространялась неравномерно. Ее скопление имелось в северо-западной части крепости, в основном в раскопе А, где она шла сплошной полосой 1×3 м параллельно стене на расстоянии около 1 м от нее. Видимо, это далеко не случайно. Можно предположить наличие здесь какой-то дощатой конструкции, которой не было в других местах.

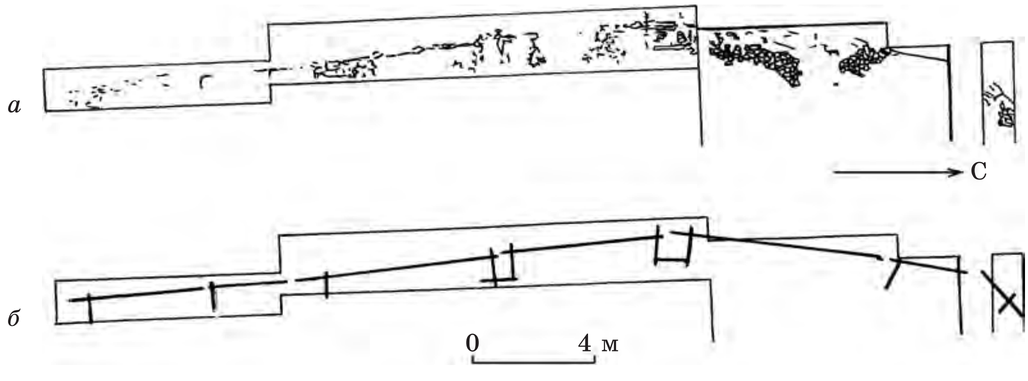

Рис. 37. Сводный план остатков крепостной стены (*а*)
и план-реконструкция стены (*б*)

Представляет интерес еще одно обстоятельство. В траншее 1 (северная полоса раскопа А) сохранились три бревна от крепостной стены, уложенных друг на друга. При этом два верхних бревна были обрезаны по одной вертикальной линии (рис. 38, *а*), как при устройстве входного проема. Не располагался ли здесь вход в крепость? Место также удобно и для устройства небольшой башни, потому что именно здесь вал поворачивает в сторону реки. Правда, никаких намеков на въезд не имеется ни на внешнем валу, ни во рву, хотя в этом месте мог находиться небольшой рабочий вход в крепость со стороны рва. Возможно, особым характером этой части крепости объясняется и скопление глины с отпечатками плоского дерева.

У подножия тыльной стороны внутреннего вала в разных местах (раскопы А, Б, 6, 7, 15) были обнаружены остатки легкой деревянной стены из тесаных досок, которая отгораживала вал от участка застройки городища. Это кажется странным, ведь ограда представляла известные неудобства, если в случае военной угрозы защитникам замка необходимо было срочно занять оборонительные позиции на крепостной стене. Представляется также маловероятным предположение, что ограда защищала какую-то часть внутренней застройки городища со стороны вала. В этом не было необходимости, поскольку поселение, скорее всего, принадлежало одному владельцу.

Важным элементом оборонительной системы Вищинского замка были внешние валы и рвы, окружавшие поселение с напольной стороны. Внешних валов было два. Между всеми тремя валами имелись глубокие рвы. Слабые следы рва заметны и за вторым внешним валом с напольной стороны. От дна рва внешние валы достигали в высоту 3 м. Шурфовка валов не обнаружила никаких признаков наличия на них наземных конструкций. Очевидно, их основное назначение состояло в том, чтобы исключить возможность установки неприятелем стенобитных устройств и камнеметных пороков. Ширина внешней за-

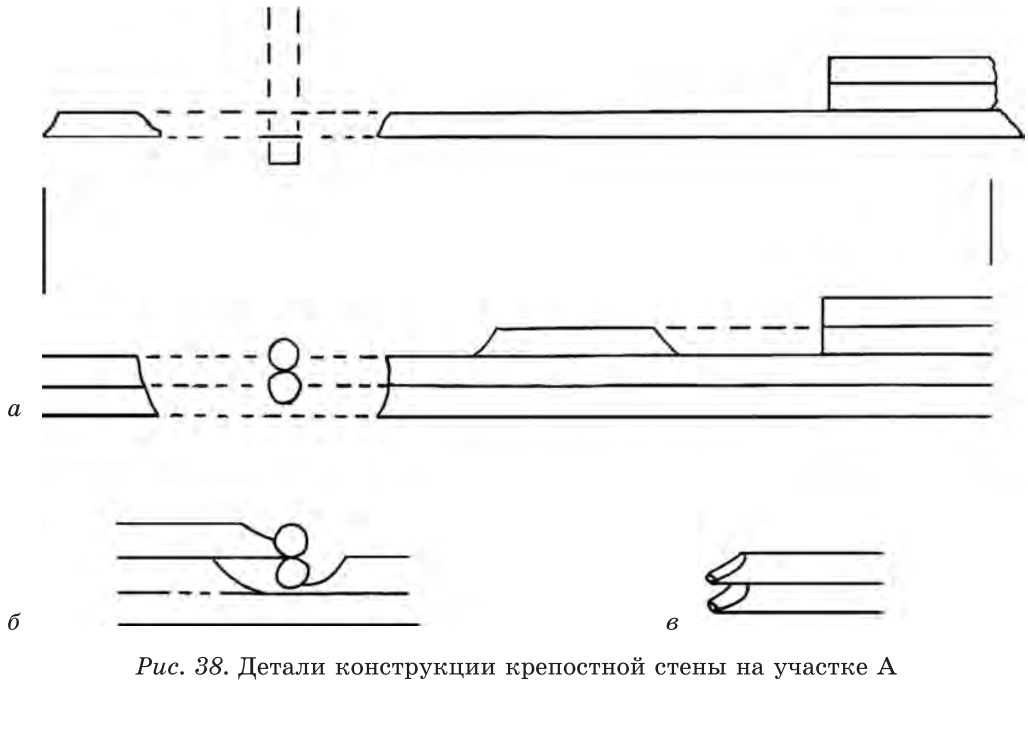

Рис. 38. Детали конструкции крепостной стены на участке А

щитной полосы составляла приблизительно 40 м, и это пространство, вероятно, было непреодолимым для камнеметных орудий.

В научной литературе высказывалось вполне обоснованное мнение, что именно появление камнеметных орудий заставило возводить вокруг замков дополнительную систему наружных укреплений, которые не позволяли неприятелю установить рядом с крепостью стенобитные орудия. Поэтому городища, укрепленные тремя параллельными линиями валов и рвов, распространились на Руси не ранее первой половины XIII в., когда произошли изменения в тактике захвата укрепленных поселений. Однако применительно к Вищинскому замку можно говорить, вероятно, лишь о предпринятых в первой половине XIII в. работах по дополнительному укреплению поселения. К датировке замка в целом они не имеют отношения. Само поселение датируется в пределах значительно большего временного диапазона.

Таким образом, Вищинский замок можно отнести к типу городищ полукруглой формы, не связанных с условиями рельефа местности. Основу фортификации составляли искусственные укрепления: валы, рвы и деревянная крепостная стена. В большинстве случаев подобные небольшие по площади, но солидно укрепленные городища являлись владельческими усадьбами. В своем развитии Вищинский замок пережил два периода. На первом этапе, с момента возникновения в первой половине XII в. и до середины XIII в., его укрепления, по-видимому, были ограничены валом по краю городища с деревянной крепостной стеной и, возможно, рвом с напольной стороны. К середине XIII в. замок был дополнительно усилен двумя наружными валами, которые, однако, не уберегли его. Вскоре он был захвачен и сожжен. К сожалению, стратиграфически датированных материалов, которые бы позволили проследить ход работ по вторичному укреплению замка, нет, и, чтобы определить начало второго периода, мы вынуждены довольствоваться обращением к истории развития фортификации и военного дела на Руси в целом.

Принимая во внимание недолговечность древесины, основного строительного материала, из которого возводилась крепостная стена, можно предположить, что она периодически подновлялась или перестраивалась. Хотя прямых доказательств этому нет, можно отметить, что в некоторых нижних бревнах стены (раскоп А) имелись очень широкие вырубленные чашки, в три раза превосходившие диаметр поперечного бревна, для которого они предназначались (рис. 38, *б*). Очевидно, это не случайно и не может быть объяснено недостатком квалификации строителей. Не указывает ли это на ремонтные работы и подгонку бревен при замене подгнивших или на использование уже бывшего в употреблении дерева? Если же предположить, что стена простояла непрерывно в течение 120–150 лет с момента возникновения замка и до пожара середины XIII в., то следует признать, что к концу своего функционирования она сильно обветшала. Впрочем, некоторые нижние бревна выглядят вполне прилично, и если в первой половине XIII в. были проведены крупные работы по дополнительному укреплению замка, то, думается, не осталась без внимания и крепостная стена.

2.2. ЖИЛЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Культурный слой городища практически не сохранил органические вещества. Уцелели лишь те объекты, которые подверглись воздействию огня. Поскольку основным строительным материалом было дерево, то остатки застройки, не за-

консервированные огнем, истлели и почти не выявляются. Поэтому начальный горизонт застройки выделяется крайне фрагментарно и представить себе цельную картину невозможно. Судьба замка была трагической. В середине XIII в. он погиб в пламени пожара, вероятнее всего, был сожжен и больше не восстанавливался. Остатки сгоревших построек оставались на поверхности и позже были почти полностью разрушены при последующей распашке и постоянном культивировании этого места. Нетронутыми или не до конца разрушенными оказались остатки сгоревшего дерева, главным образом, около вала, где они были присыпаны землей с вала и их не достали ни плужный лемех, ни соха. Но и эти редкие участки позволяют составить некоторое представление о внутренней планировке и застройке замка на заключительном этапе его существования.

Другим источником для реконструкции внешнего облика замка и его социальной топографии является вещевой материал, найденный в процессе раскопок, горизонтальная стратиграфия определенных категорий вещей, по которым можно догадаться о значении и характере того или иного участка городища, занятиях и быте обитавших здесь людей. Даже будучи несколько перемещенными в процессе многолетнего распахивания площадки, эти вещи сохранили свидетельства некогда протекавшей на городище жизни и специфики его отдельных участков.

Попытаемся представить себе внутреннюю планировку и застройку поселка по тем скудным материалам, которые сохранились от построек и были выявлены в процессе раскопок. Как мы уже отмечали, несколько лучше остатки сгоревших сооружений сохранились на участках, примыкавших к валу, где культурный слой оказался более значительным и менее разрушенным. С них-то последовательно, шаг за шагом, мы и начнем наш экскурс.

Постройка П-А-1. Незначительные остатки обгоревшего дерева, указывающие на наличие какой-то постройки, выявлены в юго-восточном углу участка А. Они представлены отдельными изолированными кусками досок, которые, располагаясь в разных местах, находились под прямым углом друг к другу. Такое расположение дерева указывает на то, что мы имеем дело с остатками искусственной конструкции.

В квадратах 24, 25, 29, 30 фрагменты досок ориентированы с запада на восток. Установить контуры постройки из-за чрезвычайной скудости материала невозможно. Однако важно отметить, что именно в этой части сосредоточена основная масса находок с участка А. Обращает на себя внимание и их своеобразный набор: завесы, три пробоя (два из них были сцеплены между собой), восемь фрагментов замков, рыболовный грузик и крючок, несколько ножей, одна игла, наконечник копья. Очень мало предметов, принадлежавших женской половине обитателей замка (всего одно пряслице, один перстень и несколько обломков стеклянных браслетов).

Постройка П-Б-1. Около северной стенки участка Б в квадратах 1 и 11 обнаружено обгоревшее дерево, представленное остатками двух бревен, расположенных под прямым углом друг к другу. Близость этих остатков к описанным выше фрагментам дерева на участке А наводит на мысль, что они могли принадлежать одной постройке. Но бревна на участке Б образуют как бы северо-западный угол новой постройки, которая продолжалась к югу, а не в сторону участка А. Поэтому это дерево логичнее связывать с новой постройкой срубного типа П-Б-1. Много угля имелось и на границе квадратов 4 и 14.

В квадратах 1 и 21 в материке выявлены две ямы. В одной (квадрат 1) обнаружены интересные находки: шпора, ключ, фрагменты медного сосуда. В дру-

гой – стеклянная желтая бусина. Эти ямы можно было бы соотнести с постройкой П-Б-1. В квадратах 11, 12 и 14 найдены обломки жерновов, игла, ножи.

В южной части участка, в квадратах 16 и 17, выявлено скопление глины. Недалеко от него, в квадрате 28, также найдено обгоревшее дерево. Скопление обожженной глины и камней в квадратах 6, 7, 17, 18, возможно, осталось от разрушенной печи.

На этом участке в целом было обнаружено много керамики и костей животных. Из индивидуальных находок – стеклянные браслеты, пряслице, точильный брусок, корпус цилиндрического замка, ключ, железный дротик. Можно отметить находки пластинчатого браслета, украшенного точечным орнаментом, медного кольца, нескольких пластин от медных сосудов. Трудно сказать, связаны ли остатки сгоревшего дерева, найденного в южной части участка, с постройкой П-Б-1, или они относятся уже к другой постройке (П-Б-2). В этом районе найдено шесть глиняных грузиков, очень похожих друг на друга, возможно от одной сети, долото, много фрагментов медной посуды, витой бронзовый браслет.

Рассмотрим остатки сооружений по линии участков 1–7.

Постройка П-1-1. Остатки двух сгоревших сооружений были выявлены на участках 1, 1А и частично 8 (рис. 39). Признаки одного из них стали заметны уже при снятии дерна. Однако более или менее удовлетворительно сохранившиеся остатки дерева находились в третьем пласте. Они принадлежали наземной деревянной постройке П-1-1. От нее остались, прежде всего, завалы из пес-

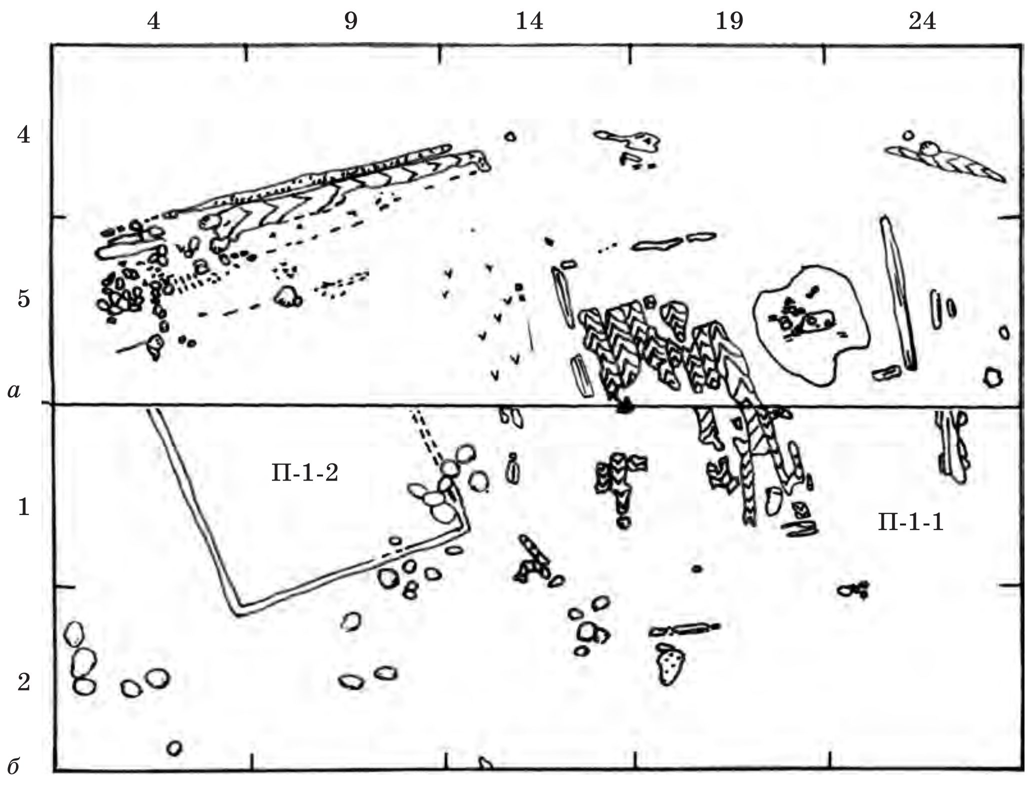

Рис. 39. Остатки построек П-1-1 и П-1-2

ка, глины, угля, крупных и мелких камней от печи и обгоревшие доски и бревна. На участке 1 развал печи занимал квадраты 6, 11, 16 и 21, немного заходя также в соседние квадраты 12, 17, 22.

С восточной стороны рядом с развалом сохранилась деревянная плаха, поверх которой были положены доски пола. Частично уцелели обгоревшие бревна от западной и северной стен, не соединенные в угол. Очевидно, угол выгорел. Однако сами бревна расположены под прямым углом друг к другу и ограничивают скопление сгоревшего дерева с запада и севера. О том, что это не беспорядочное скопление, свидетельствует правильное расположение досок, несомненно представлявших часть настила от пола. Доски лежали поверх подполовой лаги и были ориентированы с севера на юг. Ширина отдельных досок пола достигает 0,4 м. Все они сильно обгорели, а слой земли над ними был насыщен углем, кусками обожженной глины. Над этим слоем до самой поверхности шла темно-серая земля с коричневатым оттенком. Это хорошо прослеживается в профиле северной стенки участка 1.

В северо-восточном углу постройки имелось еще одно большое скопление глины, в котором попадались крупные обожженные куски. Отпечатков дерева на них не оказалось. Не было заметно и закопченности, что позволило бы связать их со сводом печи. Это скопление глины больше напоминало остатки разрушенного основания печи.

В профиле северной стенки участка 1 видно, что древняя погребенная земля ограничена сверху тонкой прослойкой угля. Непосредственно на ней в квадратах 11, 16 и 21 имелся слой чистого желтого песка толщиной 15–20 см, поверх которого, в свою очередь, и располагались остатки постройки П-1-1.

Полоска из мелкого чистого песка под обгоревшими досками на западе доходила до одиночной плашки. Возможно, этот песок представлял собой нивелировочную, а также гидроизоляционную подстилку под постройкой. По его распространению, при общей скудости остатков дерева, стало возможным получить дополнительные данные о размерах постройки.

Постройка занимала также часть участка 8: в квадрате 1 были обнаружены куски обгоревших досок. Одна из них, как и в постройке П-1-1, ориентирована с северо-запада на юго-восток и, очевидно, связана с полом. Вокруг нее была разбросана глина. Много угля и обгоревшей древесины имелось в квадратах 6, 11, 16. Остатки сгоревшего дерева хорошо видны в профиле северной стенки участка 8 (см. рис. 11).

Скорее всего, это было жилое сооружение, так как большое скопление глины в северо-восточной части участка и ее обожженные куски над остатками дерева указывают на наличие в постройке печи.

Несмотря на фрагментарность сохранившихся остатков, постройка П-1-1 реконструируется как деревянная, срубного типа, прямоугольная, скорее всего, квадратная в плане. Ее интересной особенностью является низкое расположение пола – очевидно, на уровне нижнего венца. В хорошо изученных древних городах Западной Руси (Минске, Бресте, Полоцке) пол обычно сооружался на уровне третьего венца, т. е. был приподнят. Можно предположить, что высота пола зависела не только от традиционного типа жилой постройки, но и от характера грунта. В названных городах мощный культурный слой сохранял влагу и удерживал осадки на поверхности длительное время. В Вищине замок был построен на высоком месте, и опасности затопления построек не было. Тем не менее, как мы уже отмечали, под полом имелась искусственная подсыпка песка, которая не только

уравнивала поверхность, но и служила дополнительной изоляцией. На нее укладывались лаги, поверх которых настилался дощатый пол.

Направление досок с севера на юг позволяет заключить, что вход в постройку находился с южной стороны. Такое расположение входа обычно наблюдалось в городских постройках и диктовалось соображениями удобства при уборке помещения. Однако при подобной реконструкции обращает на себя внимание нестандартное расположение печи. Получается, что она, занимая северо-восточный угол жилища, находилась около противоположной от входа стены. А это уже было отступлением от общих правил и давних традиций. Такое расположение печи было неправильным и с точки зрения выполнения ею основной функции – обогрева помещения. Казалось бы, ничто не мешало соорудить печь в юго-восточном углу постройки, справа от предполагаемого входа, который должен был находиться в центре южной стены постройки. Но поскольку расположение печи в абсолютном большинстве случаев определяет место входа, мы должны допустить, что дверь могла находиться не на южной, а на восточной стороне постройки. Трудно ответить на вопрос, какими соображениями объяснялась такая планировка. С севера постройка примыкала к валу, с запада соседствовала с другой постройкой, о которой речь пойдет ниже. При таком расположении вроде бы и не должно было возникнуть вопроса о том, где находился вход. Но вопрос, как видим, есть.

Постройка П-1-2. Интересное сооружение было прослежено в квадратах 2 и 6 на участке 1 (см. рис. 39). В предматериковом песке хорошо просматривались следы узких темноватых полос, образовавших в плане часть прямоугольника и уходивших в северную стенку участка. В полосках попадались включения угольков от сгоревшей постройки. Ширина полос составила около 10–15 см. Вполне возможно, это следы какого-то легкого деревянного сооружения, примыкавшего с запада к постройке П-1-1 или несколько предшествовавшего ей. Последнее представляется более вероятным, если проанализировать профиль северной стенки раскопа 1, хотя, к сожалению, четких контуров или деталей самого сооружения в профиле выявить не удается.

В южной стене постройки улавливаются небольшие расширения, напоминающие ямки от столбов, но их границы нечеткие. Более того, следов ям на углах, которые можно было бы связать с угловыми столбами, не обнаружилось. Внутри сооружения было найдено рассеянное вдоль его южной стенки обгоревшее зерно, указывающее на хозяйственное назначение этой постройки, которая, возможно, была амбаром.

Продолжение постройки на участке 1А представлено еще более скудными остатками. Однако на фоне желтого песка местами были заметны темные параллельные полосы, шедшие с севера на юг, – похоже, от сгоревшего дощатого пола. Севернее имелись изолированные куски сгоревшего дерева, которые можно соотнести с остатками северной стены постройки. Ее восточная стена на участке 1А не сохранилась. На этом месте прошла широкая полоса темной земли, вероятно перекоп, который заметен и в профиле северной стенки участка 1. По-видимому, перекоп и разрушил эту часть сооружения.

Около северо-западного угла постройки, за ее пределами, выявлено большое скопление обгоревших головешек, а также камней и глины, образующих полукруг.

Между постройками и валом имелось легкое деревянное ограждение, остатки которого представлены обгоревшими досками, расположенными вдоль вала. Одна из досок, похоже, лежала на ребре. К ней примыкала широкая (до

35 см) доска, лежавшая плашмя. Осталось неясным, как крепились доски между собой. Вертикальных столбов не обнаружено. Не выявлено никаких других следов, которые бы указывали на способ крепления деревянных частей забора. В западной стенке участка 1А хорошо видно различие в грунте между участками к югу от забора и к северу от него. Так, к северу от забора идет светлый песок вала, к югу – гумусированный культурный слой. Забор служил как бы подпоркой вала с внутренней стороны.

Весь прилегавший к сооружениям район был насыщен бытовыми находками, среди которых следует отметить цельнометаллический замок от ларца, нательный крестик из белого металла, перстень, стеклянные браслеты, свинцовую полоску, серп, ножи, пряслица, древнерусскую керамику. Севернее этих сооружений распространялся песок вала, почти лишенный бытовых находок.

Постройка П-2-1. В северо-западном углу участка 2 было обнаружено сгоревшее дерево, вероятно, принадлежавшее другой постройке, отстатки которой были разрушены последующей распашкой. К сожалению, находки дерева настолько фрагментарны, что установить контуры постройки не представляется возможным. На границе квадратов 1 и 6 отдельные куски обгоревшего дерева были ориентированы с севера на юг, а в северной половине квадрата 1 – с запада на восток. Здесь же шесть обломков досок шли с севера на юг, две поперечные плахи – с запада на восток. Таким образом, при всей фрагментарности остатков дерева в их расположении улавливается определенный порядок, что позволяет говорить не о беспорядочном скоплении угля, а об открытой части сооружения, ориентированного по сторонам света. Здесь же были найдены куски глиняной обмазки с отпечатками дерева. Условно свяжем все обнаруженные остатки с постройкой П-2-1. Ее следы заметны в квадратах 1, 6, 7, 11 и 16. На месте постройки и около нее были найдены обломки жерновов, обгоревшие зерна ржи, ячменя, шелуха от проса, бобы.

В квадрате 17 обнаружен разбитый горшок с изделиями из железа и меди, о чем подробно говорилось в главе 1. Этот район вообще богат разнообразными находками, среди которых упомянем кистень, два стремени, множество бытовых вещей (десять шиферных пряслиц, 11 ножей, замок, четыре ключа, долото, рыболовный крючок и др.).

Южнее, в квадрате 23, зафиксированы обожженная глина, известь и глиняная обмазка со следами дерева. Возможно, это остатки горна или какого-то другого производственного сооружения (постройка П-4-1), на что косвенно указывает и находка крупного кузнечного зубила.

На участках 3 и 4 было выявлено несколько крупных ям, а также небольших ям от столбов (см. рис. 9). Но обнаружить какую-либо систему в их расположении не удается. Приведем некоторые наблюдения, которые могут пригодиться при реконструировании застройки. Уже при снятии дерна и в первом пласте на участке 3 были найдены шлак и обломок глиняной трубки. Во втором пласте встречались песок, обожженная глина (квадраты 19, 20) и почти по всему участку – шлаки. Скопление глины отмечалось и глубже, в третьем пласте в квадратах 13–15, 19 и 20. И во втором, и в третьем пластах попадались обгоревшие плашки.

Самая крупная материковая яма занимала квадраты 4, 5, 10, распространяясь также на участки Б и 4. Она имела почти плоское дно. В яме нашли несколько обгоревших деревянных плашек. Некоторые из них были ориентированы в одном направлении: с юго-запада на северо-восток. В яме была также выявлена прослойка глины, а под ней – скопление камней. Все это очень напо-

минает развал печи. Учитывая, что на обоих участках в культурном слое над ямой были обнаружены обгоревшие доски, можно предположить наличие здесь какой-то постройки, имевшей углубление в земле. Многочисленные находки шлаков (до 50 кусков), возможно, указывают на ее производственное назначение. Впрочем, в ней же были обнаружены обломок сошника (?) и два корпуса от трубчатых замков. Вообще поблизости от этого места найдено много разнообразных предметов: стеклянные браслеты, пряслица, одно из которых помечено крестом и знаком, напоминающим букву «Л», а также свернутая в трубочку свинцовая пластина, железная игла, дужка от замка, ключ, железные ножи, ножницы, фрагмент бронзового браслета, перстень, обломок тонкого стеклянного сосуда, пластина от медной посуды, шпора, часть удила и др.

Большая яма имелась в юго-восточном углу участка 4. В ней было найдено много костей, крупных фрагментов гончарной посуды и почти целый горшок с отпечатком двузубца на днище.

Постройка П-5-1. Остатки сгоревшей постройки были изучены на участках 5 и 6. Ее следы обнаружились сразу же под дерновым слоем. От нее сохранились обожженные остатки пола (рис. 40). В квадратах 14 и 15 участка 5 расчищено не менее трех досок, часть западной и северной стен. Судя по ним, постройка была ориентирована с северо-запада на юго-восток. На расстоянии около 1 м от западной стены внутри постройки параллельно стене проходило сгоревшее бревно, служившее, вероятно, подполовой лагой. К западу и северу от постройки были разбросаны отдельные головешки, связанные с ее развалом. Небольшие куски обожженного дерева встречались и внутри постройки. К востоку от подполовой лаги имелось скопление глины, песка и обмазки. Попадались крупные куски обожженной глины с плоской поверхностью. Возможно, они остались от пода печи. Хотя контуры постройки определить не удается, она, по-видимому, распространялась и на участок 6, в северной части которого фиксировались следы сгоревшего сооружения – угли и обожженная глина. Следует заметить, что в этом месте го-

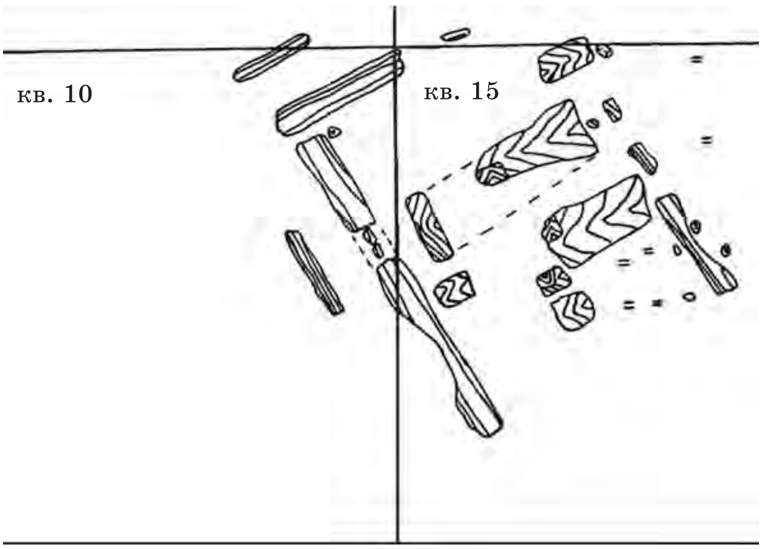

Рис. 40. Остатки постройки П-5-1

родища остатки постройки особенно близко подходили к поверхности, и не остается сомнений, что они были разрушены распашкой.

В квадрате 5 имелось скопление камней и глины, напоминавшее полукруг. Если учесть, что на участке встречалось много шлака и криц, то можно предположить, что где-то поблизости находилась небольшая домница или горн.

Из хозяйственных и бытовых предметов были найдены четыре пряслица, четыре трубчатых замка, три дужки от замков, три ножа, лезвие от топора, обломок гранитного жернова. Редкой находкой представляются две железные мотыги. Обращают на себя внимание оружие и предметы снаряжения конного воина: два стремени, наконечник копья, шпора, удило, наконечник стрелы.

Рассмотрим следы застройки городища в полосе участков 8–14.

Как уже отмечалось, западную часть участка 8 занимала постройка П-1-1. Разбросанные куски дерева и обожженной глины встречались по всему участку. Ряд находок, сделанных на участке, может быть соотнесен с этой постройкой: топор, два рыболовных крючка, зуб от остроги, ножи, гвозди, железные скобы, крестик, две привески. Наиболее примечательно бронзовое перекрестье меча.

Возможные остатки других построек сохранились плохо, но они, вероятно, были. Так, в квадрате 21 грунт заметно выделяется насыщенностью глиной, а в профиле северной стенки раскопа в квадратах 6, 11 и 16 хорошо видна врезка в вал на глубину до 0,6 м какого-то котлована. Он имеет ровное горизонтальное дно. Профиль позволяет определить только протяженность объекта с запада на восток – приблизительно 5,5 м. Такой размер обычен для построек, поэтому условно мы могли бы связать этот объект с постройкой П-8-1, которая вплотную примыкала с востока к постройке П-1-1. Обнаруженные на участке находки в одинаковой мере могут быть соотнесены как с постройкой П-1-1, так и с постройкой П-8-1.

Небольшое количество обгоревшего дерева сохранилось на участке 9 в квадрате 11. Две плашки образовывали прямой угол, который предположительно можно было определить как юго-западный угол деревянной постройки, основная часть которой должна была прийтись на южную половину участка 8. К сожалению, там остатков дерева выявить не удалось. Видимо, разрушение культурного слоя оказалось слишком велико. Вместе с тем обращает на себя внимание линия ям, тянущихся с запада на восток вдоль северной стенки в раскопе 8. Не могли ли они быть связаны с южной стеной большой постройки П-8-1, в конструкции которой была применена столбовая техника?

Скопление дерева имелось также в квадрате 4. Обгоревшие куски были приблизительно ориентированы по сторонам света. Это позволило предположить, что дерево могло относиться к отдельному сооружению. Однако следует отметить, что остатки дерева в квадрате 4 находились на краю большой ямы (как, впрочем, и дерево в квадрате 21). Трудно сказать, была ли какая-нибудь связь между деревом и ямой.

Характерной особенностью линии участков 8–14 является обилие крупных и небольших ям. В северной части участка 9 серия крупных ям расположена по одной линии и пересекает участок с запада на восток. Нечто похожее имеет место в южной части участка. Ямы неглубокие, в большинстве случаев в плане овальные или круглые, некоторые заполнены костями животных и керамикой. В яме в квадрате 24 имелась глина, местами обожженная. В яме на границе квадратов 6 и 7 был найден горшок черного цвета, на дне которого сохранилась растительность. Следовательно, назначение ям было различным, одни остались от столбов сооружений, другие имели хозяйственное назначение и служи-

ли погребками. На участке была найдена свинцовая булава и обрывок кольчуги. Бытовые предметы представлены замками и ключами, ножами, скобами, обломком жернова, керамикой и пр.

На участке 10 следы застройки ограничивались только ямами. Их было меньше, чем на участке 9, и практически отсутствовало дерево, что можно объяснить незначительной мощностью культурного слоя, перепаханного почти до материка. Материковые ямы различались по глубине и располагались без видимой системы. Одни из них остались от столбов, характер других ям неясен. Возможно, некоторые из них были связаны с наземными постройками и имели хозяйственное назначение. Возле отдельных ям отмечена концентрация камней. В яме, занимавшей квадраты 15, 20, 25, найден раздавленный сосуд.

Постройка П-11-1. К югу от этой ямы на соседнем участке 11 в квадрате 21 было выявлено скопление обгоревшего дерева, вероятно, связанного с каким-то деревянным сооружением. На это указывал определенный порядок в расположении обгоревшего дерева. Среди кажущегося хаоса обращало на себя внимание параллельное расположение обгоревших головешек (скорее всего, досок), ориентированных с севера на юг. Вероятно, они представляли собой остатки деревянного пола постройки, контуры которой, к сожалению, определить не удалось. Вполне возможно, яма в южной части участка 10 и это скопление дерева конструктивно связаны между собой и принадлежат одной постройке.

Отдельные обгоревшие плашки выявлены в квадрате 12. Некоторые из них расположены под прямым углом друг к другу. Не исключено, что это дерево может быть связано с остатками сгоревшего пола в квадрате 21. Представляется несомненным их принадлежность к одному горизонту пожарища.

Большая материковая яма имелась в южной части участка 11 и в северной части участка 12. Ямы от столбов выявлены на участке 12 в квадратах 5 и 19. Но их было немного и связь с каким-либо сооружением не просматривалась.

Постройка П-14-1. В южной части городища на участке 14, в самом центре, ближе к северной стенке (квадраты 11, 12, 16, 17) были обнаружены остатки сгоревшей постройки (рис. 41, 42). Несмотря на то что дерево измельчено, можно уловить следы северо-западной, юго-западной и юго-восточной стен. В центре постройки имелся какой-то прямоугольник из обожженных плах, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Внутри его сохранились остатки широких досок, возможно половых, идущих параллельно его стенам. Сам же прямоугольник мог быть связан с печью. В зоне этого скопления дерева были найдены куски глиняной обмазки с отпечатками круглого и плоского дерева. В северной части прямоугольного сооружения имелось аморфное скопление глины. Попадалась обожженная обмазка. Вокруг было найдено несколько обломков глиняных трубок, возможно, от сопел.

К югу от сгоревшей постройки распространялись глина и камень. Очень похоже, что это скопление следовало вдоль юго-западной стены постройки, хотя оно и лишено четких очертаний. Иногда попадались куски обожженной глины, но они не имели определенной локализации, и это не позволяло связать их с подом или сводами печи.

Недалеко от этой постройки была обнаружена одна из интереснейших находок – медная матрица от колта с изображением барса. Вероятно, в южной части замка, где-то в районе участка 14, располагалась мастерская ювелира, и постройка П-14-1 могла иметь к ней непосредственное отношение.

Вернемся снова в северную часть городища и познакомимся с выявленными следами застройки в полосе участков 15–21.

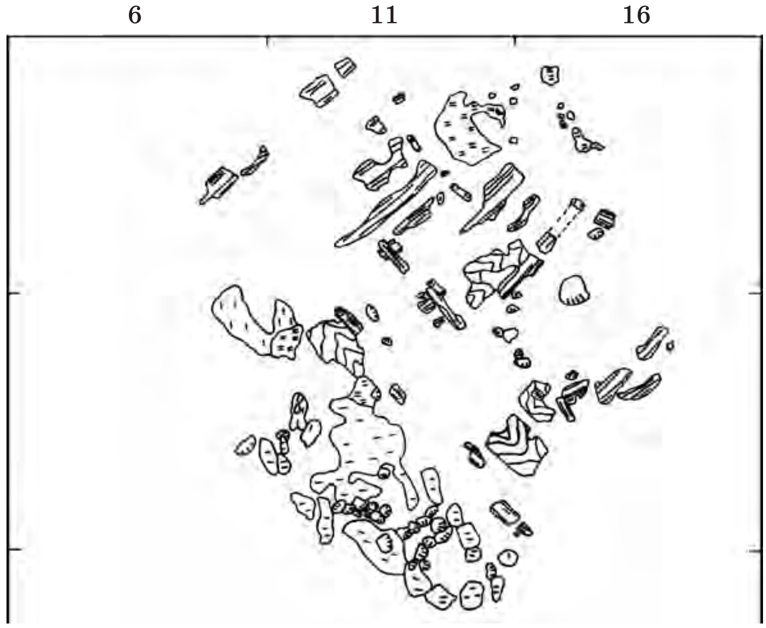

Рис. 41. Остатки постройки П-14-1

Рис. 42. Остатки сгоревшей постройки П-14-1.
Вид с северо-востока

Постройка П-15-1. Материалы раскопок участка 15 показывают, что на южном склоне вала была выровнена площадка (см. рис. 18, *г*) и сооружен какой-то деревянный объект. От него остались параллельные полосы сгоревшего дерева, шедшие поперек трассы вала (рис. 43). Несколько поодаль, к юго-западу, под прямым углом к ним располагались остатки двух сгоревших бревен. Точное назначение и характер этого сооружения объяснить трудно, но нельзя не заметить, что оно находилось в одном ряду с постройками, возведенными в северной части городища вдоль вала.

В процессе раскопок участка особенно часто фиксировались включения в культурный слой углей, глины, реже – обмазки и шлаков. Скопления угля и зольных линз зарегистрированы в шестнадцати из двадцати пяти квадратов. Особенно значительные следы пожарища наблюдались в центральной части участка. Здесь же попадались куски обожженной глины.

Соседние участки 16 и 17 сохранили немало свидетельств о пожарище, в основном представленных мелкими угольками и размельченной обожженной глиной. Но, может быть, потому, что эти участки были сильно перепаханы, видимых остатков наземных сооружений здесь не выявлено. Следует отметить, что и материковых ям на этих участках оказалось намного меньше. Возможно, эта часть городища была свободна от крупных построек.

В южной части участка 16 в квадратах 9 и 10 в материке имелись две глубокие ямы. В плане они обе круглые, диаметром 1,7–1,8 м. В ямах были найдены обломки керамики и кости животных. На участке 17 в квадратах 24–25 выявлена неглубокая материковая яма с плоским дном. В западной ее части заметно скопление угольков. В яме были найдены древнерусская керамика, кости и челюсти животных, обломок глиняной трубки, свинцовые пластины, точильный брусок, обломок жернова.

Рис. 43. Остатки постройки П-15-1

В южной части городища, на участках 20 и 21 в разных местах и на разных уровнях встречались отдельные камни. Кучка плотно уложенных камней имелась в квадрате 8 на участке 21. Заметной особенностью этой части городища было большое количество материковых ям, особенно в южной половине 20-го и по всему 21-му участку. В плане отдельные ямы круглые. Группа ям имелась в общем углублении в материке южной части участка 20 и частично заходила на участок 21. В заполнении был найден крупный кусок глиняной обмазки треугольного профиля. На одной грани хорошо сохранились отпечатки дерева, две другие грани гладкие.

Две большие ямы занимали центральную часть участка 21. Одна из них (квадраты 14, 15, 18, 19) очень глубокая. В ней имелся участок из обожженной глины и крупных камней. Другая яма находилась на границе квадратов 10 и 15. В ней и около нее в центральной части участка 21 попадались куски обгоревшего дерева.

Некоторые находки (глиняные трубки, свинцовые пластины, полурасчлененная железная полоска и др.) указывают на близость объекта производственного характера. Косвенно о том же свидетельствует находка медной матрицы для изготовления колтов. Впрочем, вещей бытового назначения здесь было найдено не меньше, чем в других местах. Среди них небольшой ключик от накладного замка, дужка от трубчатого замка, крупный бронзовый бубенчик, шарообразная бусина, обломок медной посуды.

В целом дерева на южных участках городища было очень мало, и, принимая во внимание обилие ям, можно предположить, что застройка этой части замка была достаточно специфичной и включала, по-видимому, какие-то сооружения столбовой конструкции. Думается, этот район отличался от северного не только типом построек. В отличие от северной части замка, где находился основной жилой комплекс, он был местом сосредоточения ремесленно-хозяйственной деятельности обитателей городища (рис. 44).

В юго-восточной части городища, где был исследован большой раскоп в 600 кв. м, включивший в себя шесть участков (34, 35, 39, 40, 43, 44), из-за разрушенности верхнего строительного горизонта получить ясное представление о характере застройки не удалось. Единственными объектами, связанными с постройками, являются, по-видимому, остатки возможных печей и материковые ямы, расчленить которые стратиграфически достаточно сложно. О том, что этот район имел застройку, свидетельствуют частые находки кусков обгоревшего дерева и глиняной обмазки.

Уже в первом пласте на участках встречались крупные куски обмазки с отпечатками дерева. Так, на участке 34 обмазка зафиксирована в квадратах 2–4, 6, 8, 10, 14, 16, 19. Ее было много и во втором пласте (квадраты 6, 11, 12, 14, 16, 19, 20). Найденный в квадрате 6 крупный обломок глиняной обмазки сохранил с двух сторон отпечатки круглого дерева. В ряде мест попадались шлаки.

Сходная картина наблюдалась на участке 35. Глиняная обмазка присутствовала и в первом, и во втором пластах. В квадрате 5 около южной стенки участка 35 было выявлено значительное скопление глины, песка и камня. Скопление занимало почти половину квадрата. При его расчистке были обнаружены кости животных, рыбья чешуя, небольшие угольки. Большое количество костей животных имелось также в квадратах 9, 15, 16.

На участке 39 скопление глины было выявлено в квадрате 10, среди глины попадались обмазка, мелкие угольки.

На участке 40 почти на материке прослежена обгоревшая плаха. В третьем предматериковом пласте в ряде мест встречались скопления мелких кусков

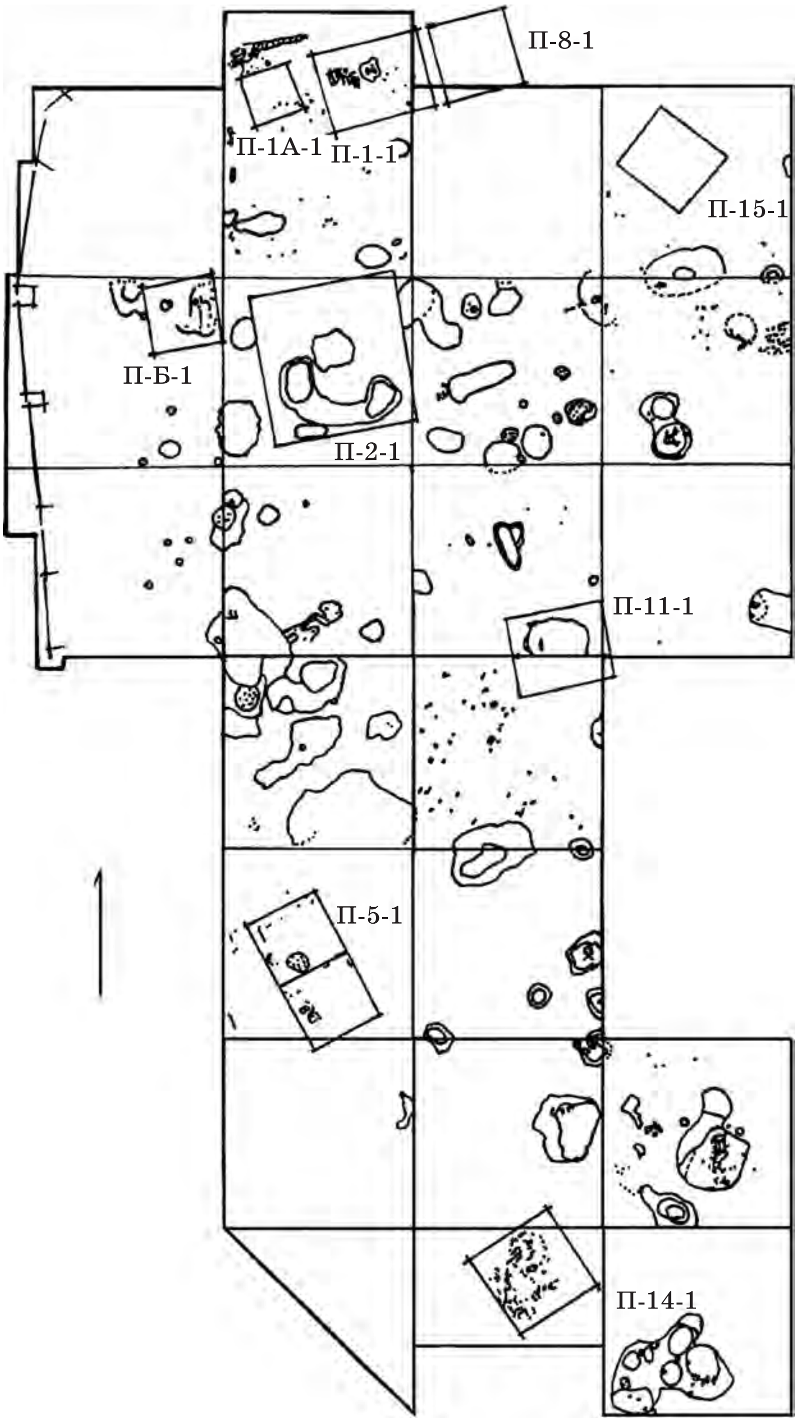

Рис. 44. Реконструкция плана застройки западной части городища

обожженной глины. В квадрате 20 попадалась обожженная обмазка со следами отпечатавшегося на ней дерева.

На участке 44 во втором пласте в квадратах 3, 4, 7–9 имелись скопления небольших камней и глиняной обмазки. В квадрате 17 был обнаружен небольшой фрагмент обгоревшего дерева.

На участках выявлено много материковых ям. Ими был буквально перекопан участок 35, несколько ям находилось в южной части участка 34 (см. рис. 22–23).

Три ямы, расположенные на одной линии, проходили через участки 39 и 40. В квадрате 1 участка 40 большая яма занимала площадь в 2 кв. м. С северной стенки в нее спускалось скопление крупных кусков глины, среди которых имелись обожженные. У ямы были крутые стены и плоское дно. В целом объект напоминал плохо сохранившуюся печь с припечной ямой. Может, так оно и было, однако сохранность слишком плохая, чтобы быть в этом уверенными. На участке 43 удлиненная яма захватывала квадраты 6, 11 и 12. В яме были найдены розовое шиферное пряслице, 17 обломков керамики, 25 костей животных, обгоревшая деревянная плашка.

В квадратах 9 и 14 имелась большая круглая яма, в заполнении которой были обнаружены обломок жернова, корпус трубчатого замка, фрагмент стеклянного сосуда, свыше 40 обломков керамики и кости животных. Она не похожа на мусорную яму, в которой специально зарыли черепки разбитой посуды и кухонные отбросы. Возможно, она имела хозяйственное назначение и была связана с какой-то наземной постройкой.

Из одной неглубокой материковой ямы было извлечено 83 обломка глиняной посуды.

На участке 44 незначительные углубления были выявлены в квадратах 1, 22–23, но их едва ли можно связать с деталями какого-нибудь сооружения.

Во втором пласте наблюдались скопления небольших камней и глиняной обмазки (квадраты 3, 4, 7–9). Попадалось также обгоревшее дерево (квадрат 17).

Таким образом, материалы раскопок достаточно красноречиво указывают на то, что в юго-восточной части замка имелись какие-то сооружения. Следы их отпечатались прежде всего в виде материковых ям. О наличии построек свидетельствуют также находки обожженной глины и глиняной обмазки. Но реконструирование на основании материковых ям – дело сложное и небезупречное. Могут быть предложены различные варианты, и мы пока от них воздержимся.

Судя по находкам, этот район достаточно интересный. Краткий перечень находок был дан в предыдущей главе. Подробно речь о них пойдет ниже. Сейчас же, оценивая вещевой материал в целом, особо отметим обнаруженное в этой части замка железное писало. Интересны находки, связанные с вооружением: наконечники стрел, крупный обрывок кольчуги. Значительно количество обломков привозных амфор. Все эти предметы указывают на аристократический характер этой части городища. Думается, это место было одним из самых привлекательных для отдыха и приятного времяпрепровождения обитателей замка. Отсюда открывается живописный вид на Днепр и заднепровскую даль.

ГЛАВА 3

ХОЗЯЙСТВО И ПРЕДМЕТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы археологических исследований Вищинского городища показывают, что обитатели поселка при всей специфичности его как владельческого замка и места пребывания семьи крупного феодала вели интенсивную хозяйственную деятельность. Она получила отражение в предметах, связанных с сельскохозяйственным производством и различными промыслами и, как это ни покажется странным, с обработкой черного и цветного металла, дерева, с прядением и ткачеством и т. д.

3.1. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Феодальные замки принято относить к категории сельских поселений. Они были тесно связаны с сельскохозяйственным производством и существовали за его счет. Поэтому находки сельскохозяйственных орудий на их территории не должны удивлять. Более того, письменные источники рисуют замки как места хранения сельскохозяйственного инвентаря, которым обеспечивались зависимые от феодала люди, работавшие на его землях и в его хозяйстве. Орудия землеобработки представлены и в материалах раскопок Вищинского замка. Однако при оценке материалов нужно помнить, что замок был разграблен, разрушен и сожжен. Все, что можно было унести, было унесено. Жизнь на поселении не возобновилась. Поэтому наши качественные и количественные оценки материала и соответственно выводы, которые строятся на его анализе, должны учитывать трагический конец поселка. В раскопках было найдено только то, что было непригодно для употребления или не найдено грабителями.

Выглядит странным, что основные пахотные орудия представлены в коллекции только обломками их железных наконечников. В пределах самого городища земля едва ли подвергалась обработке, тем более пахотными орудиями. Территория замка для этого была слишком мала, да в этом и не было необходимости. Поэтому не совсем понятно, зачем обломанные в поле наконечники орудий землеобработки приносились на городище, ибо ремонту они не подлежали. Разве только для вторичного использования металла?

В Вищине было найдено несколько обломков предметов, которые можно соотнести с пахотными орудиями.

Один обломок довольно узкого симметричного сошника был обнаружен на участке 8 (рис. 45, *2*). Другой принадлежал более широкому и массивному наконечнику – возможно, наральнику или плужному лемеху (рис. 45, *3*). Он был найден на участке 34 в квадрате 21 в дерновом слое. Кроме указанных изделий в материалах вищинских раскопок имеется несколько обломков, которые напоминают фрагменты сошников, но полной уверенности в этом нет. Так, массивная железная изогнутая пластина, предположительно верхняя часть сошника (обломок трубицы), была обнаружена на участке 4 в квадрате 11 при зачистке материковой ямы (рис. 45, *1*). С верхней частью трубицы от узкого сошника, возможно, связана еще одна находка.

Орудием для ручной обработки почвы на Руси были мотыги (рис. 46; цв. вклейка – рис. 23). Их широко использовали на гарях для дополнительного рыхления земли, а также на огородах. С их помощью осуществлялись прополка и окучивание земли, занятой под овощные культуры. Этот вид сельскохозяйственных орудий, в отличие от пахотных, представлен в Вищине великолепной серией из трех целых мотыг. Две из них (рис. 46, *1, 2*) были найдены на участке 5 в смежных квадратах 6 и 11. Третья мотыга была обнаружена на участке 1А в квадрате 19 (рис. 46, *3*). Две мотыги очень массивные и мощные, с удлиненной верхней частью втулки, что обеспечивало надежное крепление с деревянной рукояткой. Одна мотыга (рис. 46, *2*) – более легкая, с относительно узким лезвием. Древнерусская мотыга по виду очень похожа на тесло, и различить их иногда бывает непросто. Обычно их различают по ширине лезвия: у мотыг оно шире, чем у тесел. Рабочие тесла имеют острое лезвие и нередко стальную наварку на нем. У вищинской мотыги лезвие затуплено и не имеет заметных признаков наварки стали. Поэтому, несмотря на более мелкие размеры и узкое лезвие по сравнению с двумя другими мотыгами, изделие также, очевидно, следует отнести к категории мотыг. Различие в размерах следует рассматривать как показатель развитости и дифференцированности землеобрабатывающих сельскохозяйственных орудий.

Основным орудием уборки урожая на Руси был серп. В Вищине было найдено всего четыре обломка серпов (рис. 47, *1, 2*). Находки рассредоточены по городищу и, по-видимому, не связаны с местами их хранения. Заготовка кормов осуществлялась косами. В Вищине их тоже мало – всего два обломка (рис. 47, *3*).

Небольшое количество орудий уборки урожая может указывать на то, что людей, непосредственно связанных с сельскохозяйственным трудом, в составе обитателей замка было немного. Зависимое от феодала сельское население проживало за пределами замка и, возможно, пользовалось собственными косами и серпами.

А вот зерно, несомненно, хранилось в замке. Хотя культурный слой городища не сохранил органические вещества, обугленное зерно встречалось при раскопках неоднократно. Одна из построек на участках 1 и 1А (П-1-2), как уже отмечалось, служила амбаром. В ней было найдено зерно ржи и, возможно, также ячменя. На участке 2 в квадрате 17 в очень черной от угля массе попадались шелуха от проса и обгоревшие бобы.

Зерно на Руси мололи по мере надобности, используя для этого ручные мельницы, состоявшие из двух каменных жерновов. Обломки жерновов были обнаружены в разных местах городища. Их локализация дает хорошие ориентиры относительно местонахождения жилых и хозяйственных построек. Находки обломков жерновых камней зафиксированы на разных участках.

Рис. 45. Орудия обработки земли

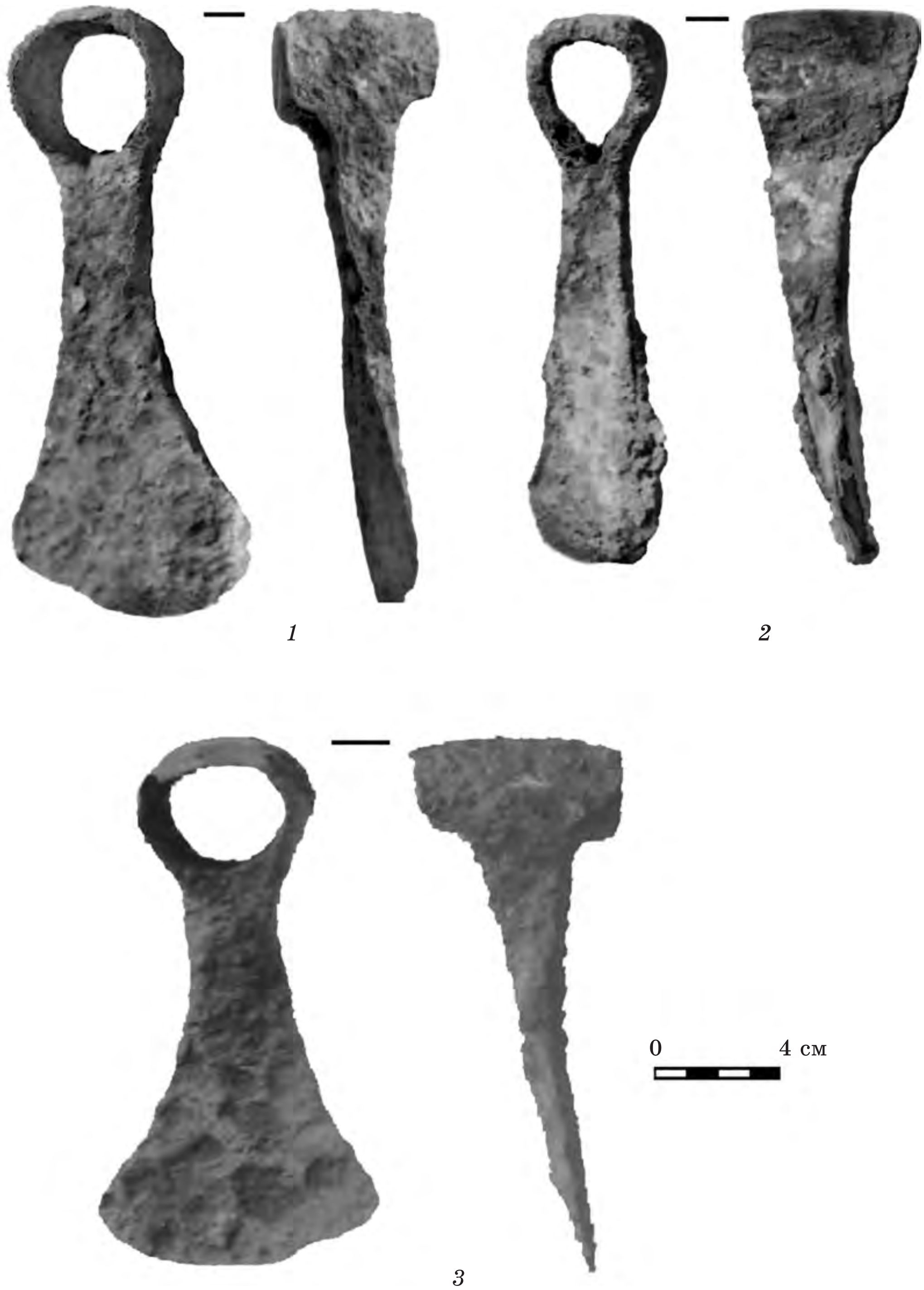

Рис. 46. Мотыги

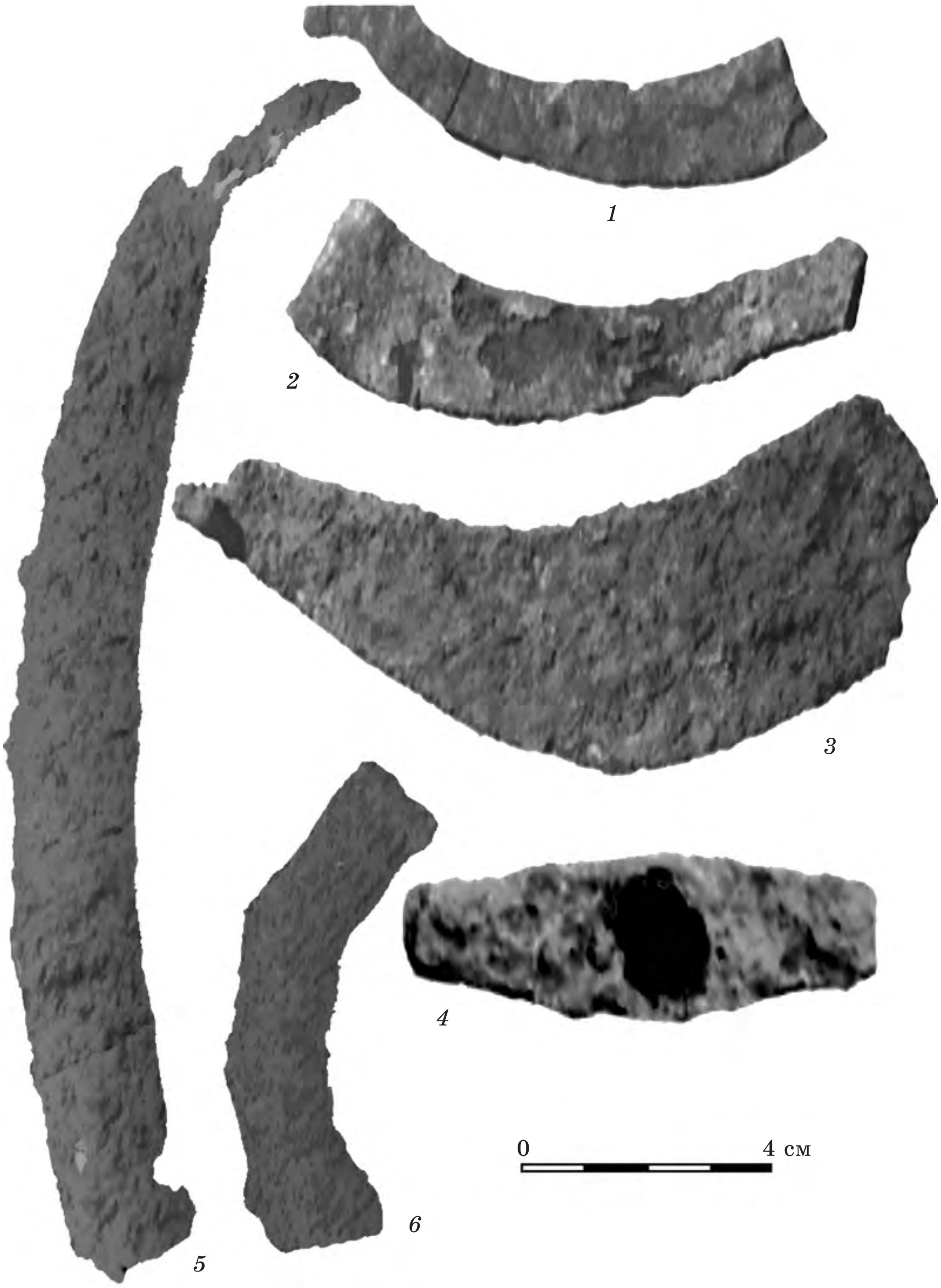

Рис. 47. Орудия уборки урожая

Их скопление особенно заметно в северной части городища, где были сосредоточены жилые и хозяйственные постройки. Отметим некоторые из находок. Так, обломки жерновов на участке 2 были обнаружены в квадратах 2, 5, 6, 17, 21, 22; на участке 5 – в квадратах 8 и 17; на участке Б – в квадратах 11, 12, 14, 21; на участке 4 – в квадрате 12.

Древнерусская ручная мельница была совершенна по своей конструкции. Верхний камень имел деревянную или металлическую вставку – порхлицу, которая позволяла регулировать зазор между камнями и таким образом получать муку различного помола. Одна такая железная порхлица была найдена на Вищинском городище на участке 1 в третьем пласте квадрата 22 (рис. 47, *4*). Были, вероятно, и деревянные порхлицы, но они не сохранились.

Важнейшей отраслью хозяйственной деятельности на Руси было домашнее животноводство. О том, какое развитие оно получило на Вищинском поселении, можно судить по найденным костям домашних и диких животных. Выборочный анализ остеологического материала (участки 10, 12, 13, 39, 40, 43), проделанный О. А. Блашко, показал, что 87,75 % всех костей принадлежат домашним животным и только 17,25 % – диким (по количественному соотношению особей соответственно 65,63 и 47,37 %).

Среди домашних видов животных крупный рогатый скот составлял 38,1 % от всех особей, мелкий рогатый скот – 19,05 %, свиньи – 23,81 % и лошади – 19,05 %.

Кости диких животных, найденные в Вищине, принадлежали не менее чем одиннадцати особям: благородному оленю, трем лосям, двум диким кабанам, двум косулям и трем бобрам (цв. вклейка – рис. 24).

Нетрудно заметить, что, хотя потребность в мясной пище удовлетворялась в основном за счет домашних животных, удельный вес мяса диких животных в рационе обитателей Вищинского замка был достаточно высокий. Объясняется это, по-видимому, спецификой самого поселения. Для обитателей феодального двора охота была одним из самых распространенных и любимых развлечений. Не столько потребность в мясе, сколько охотничий азарт и особый социальный статус феодала, его положение собственника и хозяина угодий обеспечивали его права на подобного рода занятия.

3.2. ОБРАБОТКА ЧЕРНОГО МЕТАЛЛА

При всей специфичности Вищинского замка как поселения феодала имеются несомненные свидетельства обработки в замке металлов и дерева, возможно даже выходящей за рамки собственных потребностей.

О работе с черным металлом говорят частые находки шлаков, орудий металлообработки и производственных отходов. Особый интерес представляет инструментарий. Для разделки металла кузнецы пользовались зубилами. На городище были найдены два зубила. Одно из них предназначалось для разделки криц и крупных кусков металла (рис. 48, *1*). Оно имеет сквозное прямоугольное отверстие для рукоятки. Его конец, возможно, откололся. Шляпка расплющена от ударов по ней тяжелым молотом. Такие зубила предполагают участие в обработке металла двух человек. Зубило было найдено на участке 2 в квадрате 18 на глубине 144.

Небольшое зубильце для мелких работ обнаружено на участке 12. Оно прямоугольное в сечении, с плоским лезвием и расплющенным прямоугольным обухом

Рис. 48. Предметы обработки металла

(рис. 48, *2*). На участке 20 в квадрате 16 при зачистке материка была найдена крупная железная полоска со следами расчленения ее зубилом на три части.

Много раз на городище попадались короткие, но широкие трубки из обожженной глины (цв. вклейка – рис. 20). Сразу возникает предположение, что они могли служить грузилами крупных сетей. Однако удивляет их количество: около 50 штук. Некоторые явно обломаны, многие закопчены, часто сосредоточены в тех местах, где выявляются признаки производственной деятельности и работы с металлом. К тому же в вищинской коллекции хорошо представлены обычные глиняные грузила. Во всяком случае, для автора книги эти глиняные трубки до сих пор остаются большой загадкой. Не исключено, что они могли быть обломками более длинных трубок, которые использовались в каких-то производственных сооружениях для разогрева металла – горнах или небольших домницах.

3.3. Ювелирное дело

Небольшой по площади и специфический по характеру Вищинский замок, как это ни покажется на первый взгляд странным, обнаруживает в своих материалах неоспоримые свидетельства наличия в нем ювелирного производства. Причем далеко не рядового и не деревенского. Впрочем, это вовсе не уникальная особенность только Вищинского замка. Аналогичную картину мы наблюдаем и в других владельческих поселениях Древней Руси. Даже в «стольном граде» Киеве недалеко от дворца великого князя находилась мастерская ювелира [1]. Доказательства занятий ювелирным делом выявлены в феодальных замках Райки, Княжья Гора, Сахновка [2], в Гродненском замке, когда он превратился в княжескую резиденцию [3], и других подобных поселениях. Это позволяет говорить о некоей специфике подобного рода древнерусских поселений и о большом внимании феодальных верхов к ювелирному ремеслу на территории собственных усадеб.

Доказательством существования в Вищинском замке ювелирного дела являются не сами найденные в раскопках разнообразнейшие украшения, а инструменты мастера-ювелира, тигли и льячки с застывшим в них металлом, куски бронзы и свинца, медная проволока и великолепные медные матрицы для изготовления на них деталей очень дорогих украшений с эмалью. Рассмотрим эти материалы подробнее.

Традиционным приемом в ювелирном деле издавна было литье. Его атрибутами являются тигельки для плавки металла, льячки для его разлива по формам, сами литейные формы и, конечно, сырье: цветной или благородный металл. В Вищине литейное дело, хоть и слабо, но представлено, о чем свидетельствуют принадлежности для плавки и разливки металла, находки кусков металла. Однако форм найти не удалось, несмотря на то что, судя по материалам, в исследованную площадь попали и те участки замка, на которых или в непосредственной близости от которых несомненно осуществлялась деятельность ювелира или ювелиров.

На участке 34 во втором пласте квадрата 9 был найден обломок миниатюрного глиняного сосудика с тонкими стенками, на которых сохранились следы стекловидного вещества. Возможно, это фрагмент тигелька с остеклившимися от высокой температуры стенками или специального сосудика для приготовле-

ния эмали. Фрагмент миниатюрного глиняного сосудика со следами поливы или эмали на наружной стенке был обнаружен на соседнем участке 35 в квадрате 15. На участке 7 была найдена глиняная льячка с застывшей в ней бронзой (цв. вклейка – рис. 7, *5*).

Более частыми, можно сказать повсеместными, оказались находки кусков металла, главным образом бронзы и свинца. Такие находки фиксировались практически на всех участках. Так, на участке А был найден крупный кусок бронзы, на участке Б куски бронзы попадались в квадрате 21, на участке 1 слитки бронзы или свинца были обнаружены три раза (квадраты 6, 12, 15), на участке 2 – четыре раза (квадраты 9, 12, 13, 18), на участке 3 – в квадрате 14, на участке 5 – в квадрате 7, на участке 16 – четыре раза (квадраты 1–3, 18), на участке 20 – три раза (квадраты 1, 16, 23), на участке 21 – в квадрате 17, на участке 35 – четыре раза (квадраты 5, 11, 16, 22), на участке 40 – два раза (квадраты 4, 5), на участке 43 – три раза (квадраты 1, 6, 9). В эту статистку не попали многочисленные свинцовые пластины, разбросанные по всей исследованной площади городища.

Для обработки металла и изготовления из него изделий ювелиры использовали различный инструментарий, в том числе многое из того, что применялось в кузнечном ремесле. Но были и специфические инструменты, по которым можно судить о существовании местного ювелирного производства. Таковыми, в частности, являются ювелирные пинцеты. На участке 40 в квадрате 20 в третьем пласте был найден небольшой железный ювелирный пинцет-тисочки с Г-образными губами (см. рис. 48, *3*). Его концы загнуты внутрь под прямым углом. В них зажимался обрабатываемый предмет, и положение губ в прижатом состоянии фиксировалось с помощью специального подвижного кольца. Кольцо, к сожалению, на пинцете отсутствовало, хотя некоторые из найденных на городище небольших колечек могли быть и от него. Подобные пинцеты-тисочки широко использовались в ювелирном производстве и хорошо известны. Аналогичная вещь была, в частности, найдена в Минске в слоях XII в. [4]. Простой пинцет, который тоже связан с работой ювелира, был обнаружен на участке 44.

На участке 7 был найден массивный железный предмет кирпичеобразной формы с несколько вогнутой одной стороной (см. рис. 48, *6*), возможно, небольшая наковальня. Отмеченное раньше небольшое зубильце также, скорее всего, использовалось в ювелирном деле. С ювелирным делом, очевидно, можно связать железный дисковидный предмет, найденный на участке 6 в квадрате 4. Он также мог использоваться в качестве небольшой наковальни для изготовления профилированных медных листов или для мелкого ремонта медной посуды.

На Вищинском городище неоднократно попадалась медная проволока, которая, несомненно, применялась в ювелирном деле. Изделия из нее в номенклатуре древнерусских украшений многочисленны и разнообразны. Проволоку для различных нужд использовали как деревенские, так и городские ювелиры.

Из проволоки крупного калибра изготовлялись браслеты и шейные украшения, гривны. Из более тонкой – витые перстни, височные кольца, цепочки. Самая тонкая проволока шла для украшения сложным витиеватым и искусным узором поверхности различных предметов. Из скрученных тонких проволок создавались изящные филигранные украшения, которыми славилась Русь. Они получили особое название – скань. Сканные украшения могли быть ажурными, в них тонкая проволока образовывала каркас изделия. Другие украшения изготавливались целиком из проволоки, нередко разной толщины. Проволока могла также составлять обрамление более сложного украшения (например, колта) или покры-

вать узором его поверхность. Во всех случаях от ювелира требовались не только тонкий вкус и сноровка, но и искусное владение техникой пайки. Из расплющенной проволоки изготавливались пластинчатые браслеты и перстни. Таким образом, потребность в проволоке в ювелирном деле была очень большой.

Мы не можем сказать, как и в какой мере вищинские ювелиры использовали проволоку и какие конкретно из найденных на городище изделий, в которых использовалась проволока, были изготовлены ими. Однако представляется бесспорным, что с проволокой они работали, иначе не объяснить ее находок. Укажем на места, где она была найдена: квадрат 25 участка 1А, квадрат 18 участка Б, квадраты 12 и 24 участка 1, квадраты 14 и 24 участка 4, квадраты 22 и 24 участка 6, квадрат 23 участка 16, квадраты 11 и 16 участка 35, квадрат 21 участка 39. В одном случае медная проволока была намотана на черенок ножа. На участке 35 в квадрате 11 была обнаружена витая проволока. Признаков волочения проволоки в Вищине пока не выявлено.

Одними из самых замечательных находок, относящихся к местному ювелирному делу, являются медные матрицы. Их было найдено четыре штуки.

Матрицы – это массивные, отлитые из меди пластинки с рельефными изображениями, на которых специальной техникой тиснения получали детали сложных и дорогих, обычно серебряных, украшений. Эта техника тиснения, хорошо известная древним цивилизациям и в средневековой Византии, распространилась на Руси, по мнению Б. А. Рыбакова, не ранее XI в. [5]. На матрицу накладывали тонкую серебряную пластинку и надавливали на нее сверху так, чтобы она вошла во все углубления матрицы и повторила ее рельефное изображение. Иногда на серебряную пластинку сверху клали свинцовую пластинку и ударяли по ней молотком. Этим достигали мягкого облегания серебряной пластинкой матрицы для получения наиболее качественного отпечатка рельефного изображения.

Две вищинские матрицы очень похожи друг на друга по форме, весу и имеющемуся на них изображению, но полностью они не совпадают и, несомненно, были отлиты в разных формах (цв. вклейка – рис. 7, *1, 2*). Обе они предназначались для оттиска вставок для колтов. На обеих матрицах изображен барс с процветшим хвостом. Его морда повернута назад, передняя лапа приподнята.

Одна матрица (цв. вклейка – рис. 7, *1*), найденная на участке 14, имеет более крутую форму и выглядит новее. Судя по тому, что местами на ней сохранились заусеницы, не устраненные после отливки, она, скорее всего, еще не использовалась в работе. Другая (цв. вклейка – рис. 7, *2*), найденная на участке 20, напротив, долгое время была в употреблении. Чувствуется некоторая сработанность ее лицевой стороны, поверхность матрицы более гладкая и отшлифованная, рельеф неглубокий, особенно в левой нижней части. Плохо просматривается передняя нижняя часть стилизованного изображения барса.

Изображение барса в такой позе, по наблюдению Б. А. Рыбакова, характерно для памятников XI в. Однако вищинские матрицы никак не могут быть датированы этим временем. Хотя стратиграфические особенности Вищинского городища не очень благоприятны для датировки вещей по месту их залегания в культурном слое, все же весь комплекс сопровождающих находок позволяет датировать вищинские матрицы второй половиной XII – первой половиной XIII в. Одна из матриц вообще была найдена в дерновом слое. Конечно, можно было бы предположить, что эти матрицы отлили позже по старой, каким-то образом сохранившейся модели, но такое допущение представляется маловероятным, хотя и оставляет место для раздумий.

Близкой аналогией вищинским экземплярам является одна матрица из коллекции Государственного исторического музея в Москве, находившаяся раньше в бывшем Румянцевском музее [6]. Кроме румянцевского образца известны матрицы для колтов из других древнерусских памятников: Райковецкого городища, Сахновки, Княжьей Горы, Новогрудка и др. [7].

Небольшая круглая, слегка выпуклая матрица с вырезанным в ней сквозным изображением крина или стилизованного древа жизни с двумя парами симметрично изогнутых стеблей были найдена на участке 6 в квадрате 13 (цв. вклейка – рис. 7, *3*). С помощью такой матрицы техникой оттиска могли изготавливаться вставки в колты, привески или бляшки для рясны. Прорезь на матрице предназначалась для создания лунок под цветную эмаль или чернь (черная эмаль, применявшаяся в дорогих серебряных украшениях). Это, в свою очередь, предполагает наличие в Вищинском замке производства эмали. Может быть, о том же свидетельствует и упоминавшаяся выше находка миниатюрного сосудика со следами стекловидной массы или эмали.

Наконец, на участке Б в квадрате 30 была найдена крупная медная матрица для тиснения рельефных пластин полых криновидных подвесок (цв. вклейка – рис. 7, *4*). Такие подвески обычно входили в состав дорогого ожерелья. На Вищинском городище их найдено шесть штук, почти все они из клада, но одна серебряная криновидная подвеска была обнаружена далеко от места захоронения клада, на участке 11.

Находки матриц, сходных с вищинским экземпляром, известны из ряда древнерусских памятников, они хорошо представлены в киевских древностях [8].

Как мы уже говорили, работа с матрицами предполагала в качестве исходного материала медные или серебряные пластины, на которых техникой тиснения выдавливались отдельные элементы дорогих украшений, например вставки для колтов или бляшек. Вероятнее всего, такие пластинки изготавливались на месте. Они выковывались из предварительно отлитой плоской металлической лепешки. Ее клали на наковальню и ударами молотком от середины к краям постепенно утончали и растягивали. Меняя силу и место удара, можно было придать пластинке желаемую форму, сделать ее плоской или полусферической. В проковке использовались различные приспособления, в том числе деревянные болванки, но обязательными были молотки и железные наковальни, возможно, различного профиля. Для этих целей с успехом могли применяться описанные выше металлические предметы: кирпичеобразный железный предмет с вогнутой поверхностью на одной стороне и железный диск.

Находки матриц убедительно свидетельствуют о существовании в пределах городища сложного ювелирного производства. Мастерская могла располагаться в южной части замка, в районе участков 14, 34 и 35, где было найдено особенно много обломков глиняных трубок, возможно, от сопел горна.

Может показаться странным, что вместе с матрицами и другими связанными с ювелирным производством предметами не удалось обнаружить бракованных или незаконченных изделий. И это при том, что раскопками была охвачена большая часть территории замка, включавшая и район, где, скорее всего, располагалась мастерская. Более того, из шести найденных криновидных подвесок ни одна не была изготовлена на вищинской матрице. Точно так же не обнаружено ни одного колта или даже вставки – целой, поломанной или бракованной, – которая была бы вытиснена на найденных матрицах для колтов. Ни разу не встретились такие, казалось бы, обязательные атрибуты ювелирного дела, как литейные формы, – ни каменные, ни глиняные.

Можно было бы заключить, что весь ценнейший инструментарий, найденный на городище, принадлежал не мастеру-ювелиру, а проживавшему на поселении древнему коллекционеру, любителю всевозможных экзотических вещей. Но объяснение этому нужно, по-видимому, искать в своеобразии древнерусского ювелирного ремесла высшей пробы и специфике данного поселения. Так, отсутствие в вищинской коллекции литейных форм может указывать на то, что мастер работал на заказ, выполнял изделия-уникумы в единственном числе, пользуясь при этом техникой литья по восковой модели. Это старая и широко распространенная техника, при которой форма получалась в результате многократного наслаивания жидкой глины на сделанную из воска модель будущего изделия. При извлечении полученной отливки форма разрушалась. Производство на заказ для состоятельных людей было широко распространено на Руси. Присутствие в Вищинском замке такого специалиста лишь подчеркивает характер поселения. Это был, несомненно, хорошо оплачиваемый мастер, работавший не только на владельца замка, но имевший и свою богатую клиентуру.

В какой-то мере не до конца разгаданными остаются многочисленные находки в Вищине свинцовых пластин. Их зарегистрировано свыше 40 штук. Они небольшого размера, чаще всего прямоугольные, многие свернуты пополам или в трубочку. Этот привозной материал имел различное применение. Мы уже говорили о возможном использовании свинцовых пластин в технике тиснения. Свинцом на Руси покрывали крыши замков и церквей, использовали его для приготовления эмалей и при варке стекла. Именно изготовлением стекла объясняет В. В. Седов находки свинцовых пластин на соседних феодальных замках Смоленщины [9]. Из свинцовых пластин, вероятно, делали вислые печати.

Топография свинцовых пластин, разбросанных по всему Вищинскому замку, мало что говорит об их назначении. Определенно можно сказать, что они не использовались здесь для покрытия крыш. Для этого их, во-первых, мало. Во-вторых, если учесть, что замок со всеми постройками погиб в пламени пожара, то пластинки в таком случае должны были расплавиться или деформироваться, чего не наблюдается.

3.4. ДЕРЕВООБРАБОТКА

С обработкой дерева на городище приходилось иметь дело постоянно, и деревообработка достаточно убедительно представлена в материалах раскопок. К сожалению, культурный слой в Вищине не сохранил органические вещества, поэтому находки дерева ограничены жалкими фрагментами, и то лишь теми, которые испытали на себе действие огня, но не сгорели полностью. Поэтому о деревообработке можно судить почти исключительно по инструментам.

Значение деревообработки определялось прежде всего тем, что дерево являлось основным строительным материалом. Из него была сооружена крепостная стена и все жилые и хозяйственные постройки замка. Деревянными были многие бытовые вещи, различный хозяйственный инвентарь, инструменты или их части: ножные и ручные ступы, лопаты, вилы, плуги и сохи, рукоятки мотыг, топоров, ножей. Деревянными были гончарные круги, летние и зимние виды транспорта (телеги, сани, лодки), мебель и домашняя утварь. Из дерева делались ткацкие станки и веретена, льнотрепалки и сапожные колоды, детали

оружия: древки стрел и копий, рукоятки булав, луки, щиты. Большим разнообразием отличалась древнерусская деревянная посуда. Поделки из дерева – непременная принадлежность любого двора, и тем более феодальной усадьбы. Жаль, что обо всех этих предметах мы можем судить или по их металлическим деталям, или по материалам раскопок других древнерусских памятников, где культурный слой хорошо сохранил древесину.

Основным и универсальным деревообрабатывающим инструментом был топор. Пила применялась намного реже, чем теперь. Форма и технология изготовления топора были выработаны еще во второй половине I тыс. н. э. В несколько измененном виде такие топоры дожили до наших дней.

В Вищине были найдены один целый топор и два обломка. Целый (рис. 49, *1*) относится к наиболее распространенному второму (по классификации Б. А. Колчина) типу топоров [10]. Можно отметить лишь несколько меньшую по сравнению со средней длину топора, что делало его, однако, более прочным. Лезвие сильно затуплено или обломано. Найден топор на участке 9. Небольшой обломок лезвия топора был найден на участке 2.

На участке 16 в квадрате 7 была обнаружена часть довольно массивного железного изделия, назначение которого до конца не выяснено (рис. 49, *2*). Фрагмент представляет собой плоскую лопатообразную лопасть с ровным нижним краем, затупленным и расплющенным от систематических ударов по нему предметом из твердого материала. Боковые грани лопасти внизу заострены. Один край немного загнут. Верхняя часть изделия вытянута и сужается в полоску, на конце которой имеется выщерблина, возможно, отверстие для закрепления изделия на рукоятке. Смущает затупленный нижний край лопасти. Создается впечатление, что по нему систематически ударяли молотком. Впрочем, не исключено, что это лезвие топора с узким перехватом, которое после поломки орудия использовалось в каких-нибудь работах с металлом.

Лучше всего в вищинских материалах, связанных с деревообработкой, представлены долота. Их найдено пять экземпляров (рис. 49, *5–8*). Все они имеют простую конструкцию и относятся к типу цельнометаллических долот, представляющих собой четырехгранный стержень с вытянутым лезвием на одном конце и обухом – на другом. Между собой они различаются размерами и углом заточки лезвия. Колебания в размерах достаточно велики и свидетельствуют о работе с деревом различной толщины. Обух почти всех долот расплющен, особенно сильно у очень хорошо сохранившегося экземпляра (рис. 49, *7*), на который консервирующее воздействие оказал огонь. Коррозии почти нет, его лезвие хорошо заточено под острым углом.

Для вытаскивания гвоздей в строительном деле употреблялись гвоздодеры. Обычно они плоские и черешковые с деревянной рукояткой. Найденный в Вищине мощный гвоздодер был устроен на другом конце железного молотка (рис. 49, *3*). Головка молотка округлая и от ударов несколько расплющена, отверстие под рукоятку круглое. Молоток явно имел универсальное применение.

В раскопках было найдено железное перовидное сверло с плоским широким черенком (рис. 49, *4*), при помощи которого оно крепилось к деревянной рукоятке или приводной катушке лучкового сверлильного устройства. Стержень достаточно длинный – 4,4 см, рабочий конец имеет режущие грани. Такие сверла могли использоваться также в косторезном деле. Похожее сверло было найдено в Минске [11].

Рис. 49. Деревообрабатывающий инструментарий

Особенно много в Вищине оказалось железных ножей – орудий еще в большей степени универсальных, чем топор. Вищинская коллекция насчитывает 179 целых ножей или их обломков. Они достаточно ровно распространены по площадке городища, хотя на отдельных участках наблюдается большее скопление ножей, чем на других. Замечено, что концентрация ножей на поселениях бывает большей в жилых районах. Топография вищинских ножей может оказаться полезной для выяснения планировки и застройки замка.

Форма древнерусских ножей в значительной степени зависела от технологии их изготовления и менялась вместе с совершенствованием технологии [12]. Впрочем, форма и размеры ножей в такой же степени обусловливались их конкретным применением, которое было весьма разнообразным. Их использовали и в быту, и в различных производствах.

Среди ножей выделяют несколько типов в зависимости от их функционального назначения: ножи хозяйственные, рабочие по дереву, рабочие по кости, рабочие сапожные, боевые ножи (засапожники) и др.

В Вищине, как и в других поселениях, самую большую группу составляют хозяйственные ножи. При всей схожести с остальными типами ножей их можно выделить по признаку, предложенному крупнейшим знатоком древнерусской черной металлургии Б. А. Колчиным: ось ручки ножа должна быть параллельна его спинке [13]. Хозяйственные ножи, в свою очередь, подразделяются на кухонные и столовые. Все они хорошо представлены в вищинской коллекции. Длина ножей от 10 до 15 см.

Имеются также ножи малых размеров с узким коротким лезвием и небольшим черенком. Б. А. Колчин относит их к категории ножей, применявшихся в косторезном производстве.

Для заточки железных инструментов использовались каменные точильные бруски. В раскопках было найдено 26 точильных брусков.

3.5. ДРУГИЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вищинский замок располагался на берегу большой, богатой рыбой реки, и поэтому рыболовство было естественным дополнительным занятием его обитателей. Этот вид хозяйственной деятельности нашел отражение в вещевом материале раскопок. Рыбу ловили сетями, удочками, острогами, используя традиционные способы ловли.

Самый надежный и большой улов получали при помощи сетей. От сетей в Вищине сохранились только глиняные грузила. Мы уже неоднократно упоминали многочисленные находки глиняных трубок. При всей спорности их назначения нельзя исключить предположение, что по крайней мере некоторые из них могли быть грузилами больших рыболовных сетей.

Меньше споров вызывают находки относительно небольших глиняных грузиков, иногда встречавшихся партиями. Так, несколько глиняных грузиков было обнаружено в одной хозяйственной яме и около нее в северо-западной части городища. Хотя эти предметы напоминают пряслица, их все же следует отнести к категории грузил от сетей, поскольку настоящие и наиболее характерные для Руси сланцевые, или шиферные, пряслица тоже достаточно хорошо представлены в материалах раскопок. Можно было бы предположить, что после разгрома монголо-татарами в 40-х гг. XIII в. волынских мастерских, где в основном было сосредоточено производство таких пряслиц, обитателям Ви-

щинского замка, как и всему населению Руси, пришлось снова вернуться к самодельным глиняным. Однако этому противоречит тот факт, что они были найдены не в слоях середины XIII в., а в более древних. Поэтому эти глиняные предметы следует интерпретировать как рыболовные грузила (рис. 50, *7*, *8*).

Конечно, рыболовство, помимо своего промыслового значения, во все времена оставалось увлекательнейшим, близким к спорту занятием. Поэтому находки на городище рыболовных крючков, блесен и острог могут отражать и эту сторону жизни Вищинского замка.

В раскопках было найдено четыре рыболовных крючка. Все они больших размеров и рассчитаны на крупную рыбу – щуку, сома и др. (см. рис. 50). Один крючок (рис. 50, *1*) имеет в длину 12 см. Все крючки, как и современные, снаб-

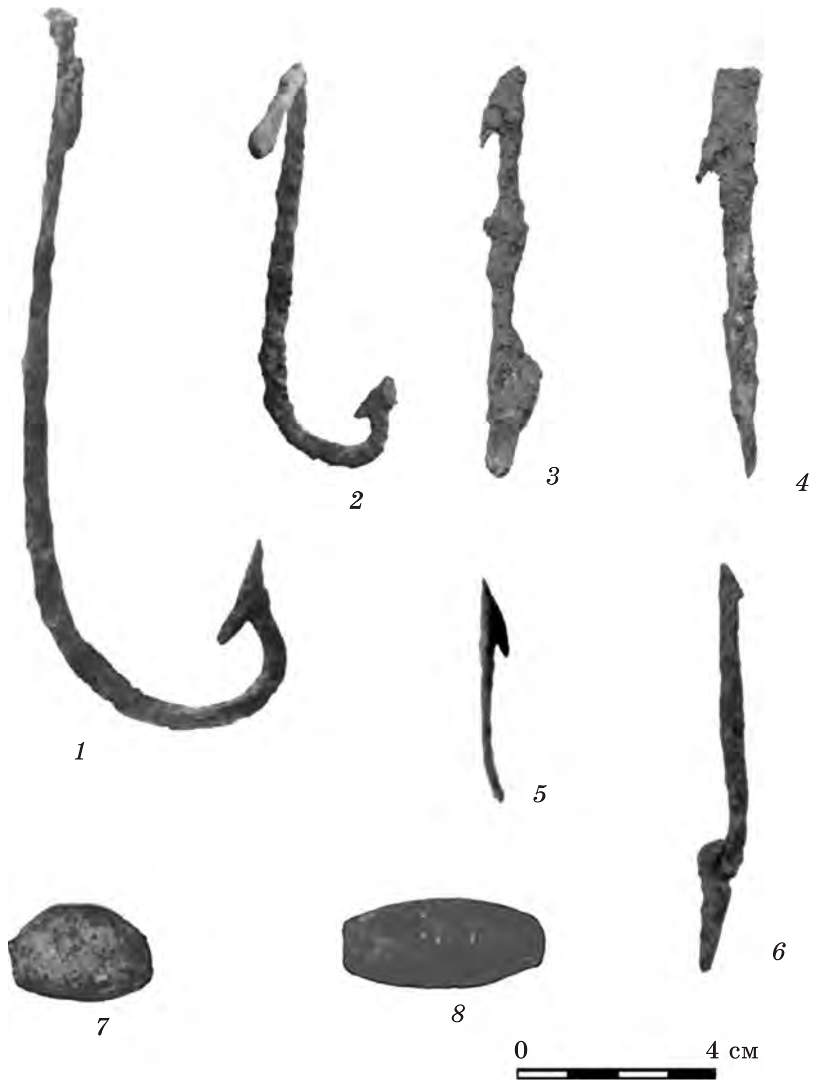

Рис. 50. Рыболовные принадлежности

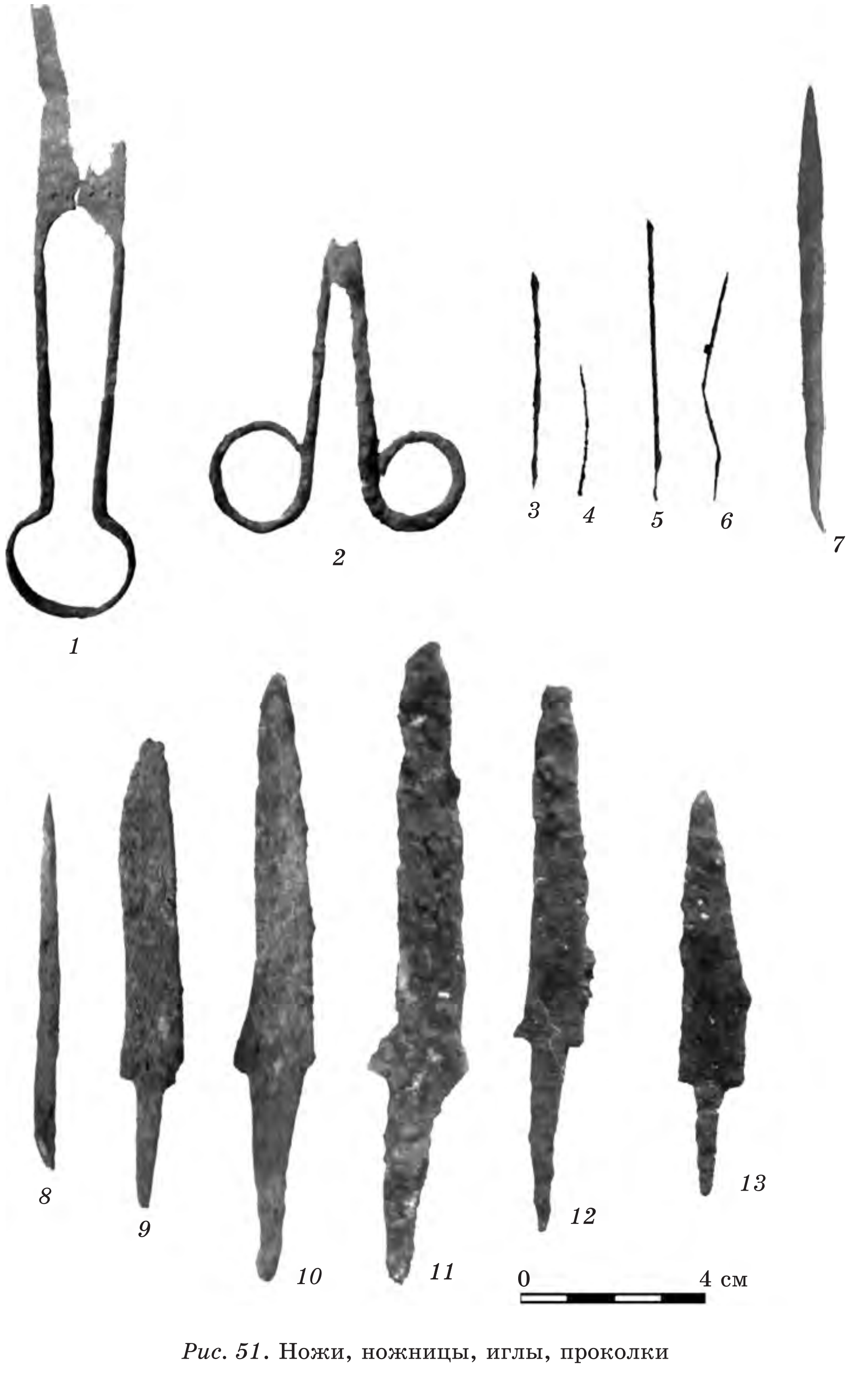

Рис. 51. Ножи, ножницы, иглы, проколки

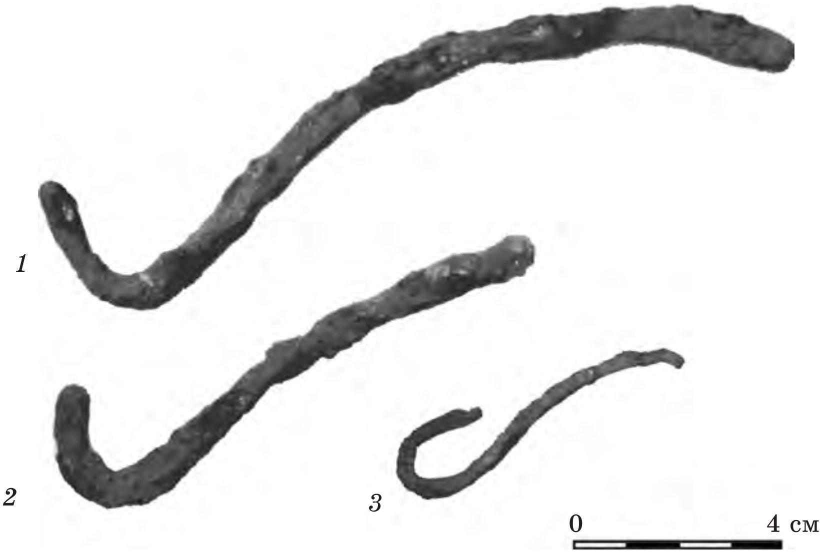

Рис. 52. Ручки от ведер

жены бородком, который препятствовал соскакиванию рыбы с крючка. Хищную рыбу ловили также на блесну. Небольшая металлическая блесна с обломанным крючком была найдена на участке 15 в квадрате 5. Кроме того, было обнаружено пять острог. Одна из них однозубая с плоским черенком, другие представляют обломки многозубых острог.

С прядением, ткачеством, шитьем одежды и обуви связаны находки шиферных пряслиц, железных игл, шильев, ножниц (рис. 51). Как известно, многие инструменты (трепала, веретена, ткацкие станки и др.) делались из дерева, которое истлело и не сохранилось, равно как и готовая продукция из органических веществ. С деревянными ведрами связаны находки железных ручек (рис. 52).

Нити сучили при помощи деревянных веретен, на конец которых для большей устойчивости при вращении надевался каменный кружок – пряслице. В домонгольской Руси на Волыни возникло массовое производство точеных из мягкого сланца пряслиц, которые развозились по всей Руси коробейниками. Академик Б. А. Рыбаков составил карту находок сланцевых пряслиц, которая полностью совпала с картой Древнерусского государства [14]. Это одно из удивительных явлений в средневековой истории, когда привозным товаром удовлетворялись повсеместные потребности в такого рода предметах. Сланцевые пряслица полностью вытеснили глиняные. После разгрома волынских мастерских монголо-татарами шиферные пряслица вышли из употребления. В Вищине их найдено 110 штук (цв. вклейка – рис. 17).

1. История культуры Древней Руси: В 2 ч. Ч. 1. М; Л., 1951; *Каргер М. К.* Древний Киев: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 383.
2. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 315–316.

3. *Воронин Н. Н.* На берегах Клязьмы и Немана. По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953. С. 281–282.

4. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 262. Табл. I, *2*.

5. *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 319.

6. Там же. С. 315–316.

7. Там же. С. 305, 315–316; *Гуревич Ф. Д.* К истории культурных связей древнерусских городов Понеманья с Киевской землей // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 24.

8. *Каргер М. К.* Указ. соч. Т. 1. Табл. LXIV.

9. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 79.

10. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1962.

11. *Загорульский Э. М.* Указ. соч. С. 308. Табл. IV, *7*.

12. *Колчин Б. А.* Указ. соч. С. 51.

13. Там же. С. 56.

14. История культуры Древней Руси. Ч. 1. С. 356. Рис. 214.

ГЛАВА 4

АНАЛИЗ ВЕЩЕВОГО МАТЕРИАЛА

4.1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Значительное место в вещевом материале Вищинского замка занимают ювелирные изделия. Они представлены головными украшениями, привесками, предметами христианского культа, украшениями в виде миниатюрных предметов быта, булавками, браслетами, перстнями, деталями костюма и т. д.

Одним из самых распространенных женских украшений на Руси, особенно среди сельского населения, были височные кольца, которые в археологической литературе традиционно считаются этноопределяющим признаком различных восточнославянских племен. Это обстоятельство обусловило повышенный интерес исследователей к такой категории находок. Однако вопрос этот достаточно спорный [1], Вищинский замок существовал совсем в другую эпоху, когда племен как таковых уже не было, и местные традиции, мода и областные центры по производству украшений, связанные со спецификой древнерусского деревенского ремесла, определяли декор русских женщин.

Височные кольца крепились в волосах и подвешивались к головным уборам в области виска, отсюда и их название. На Вищинском городище найдено шесть экземпляров височных колец. Все они относятся к группе проволочных, т. е. изготовленных из тонкой проволоки, и имеют форму простого или более сложного кольца.

Четыре височных кольца относятся к типу проволочных перстнеобразных полутораоборотных (рис. 53, *2–4*). Это небольшие кольца из проволоки, концы которой на пол-оборота и более (два из них имеют два оборота) заходят за кольцо и придают ему вид полутораоборотной спирали. Такой тип височных колец особенно часто встречается в курганах юго-западной Руси [2].

Одно височное кольцо относится к типу эсовидных (рис. 53, *1*): у него один конец проволоки отогнут наружу и закручен. Такие кольца более характерны для западных районов Руси, а также для западных славян, в частности сельского населения Мазовии [3]. Еще один экземпляр (рис. 53, *8*), вероятно, относится к типу загнутоконечных височных колец, один конец которых расплющен и свернут трубочкой. Такие кольца принято считать общеславянскими. От одного височного кольца сохранился только обломок, и установить его тип не представляется возможным. Можно сказать только, что оно относится к круглопроволочным кольцам.

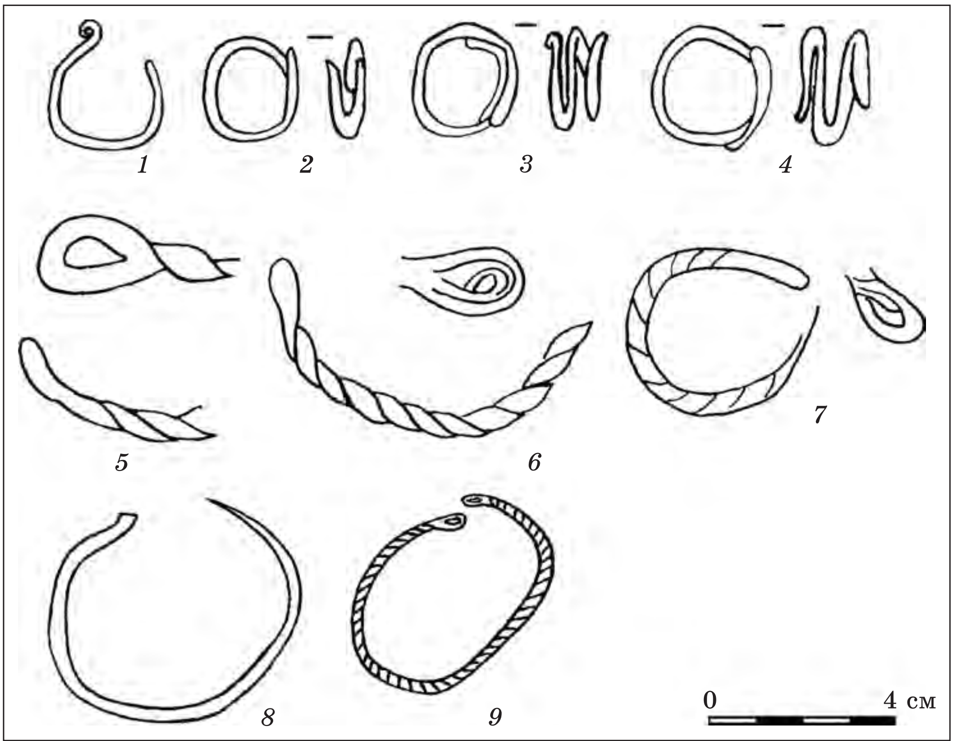

Рис. 53. Украшения из металла

Все вищинские височные кольца по общерусской хронологии датируются XI–XII вв. [4].

К более дорогим головным украшениям относятся рясны и колты. В Вищине они были обнаружены в составе клада и представлены превосходными экземплярами, которые мы рассмотрим в отдельной главе.

Почти непременным атрибутом декора древнерусской женщины были различного рода привески, входившие, как правило, в состав ожерелья, украшавшего шею. Многие из них имели также и символическое значение амулетов-оберегов, восходившее к мифологическим представлениям древних славян.

Эта категория металлических украшений включает в себя монетообразные орнаментированные и петлистые привески, а также миниатюрные изображения некоторых предметов быта (цв. вклейка – рис. 8).

Из категории монетообразных орнаментированных привесок в Вищине найдено четыре экземпляра. Три из них почти целые, все имеют орнаменты, не повторяющие друг друга, и отлиты в разных формах.

Три привески относятся к одному типу и очень сходны между собой по рисунку орнамента, который различается только в деталях. Одна из них сохранилась целиком и имеет хороший рельефный рисунок (цв. вклейка – рис. 8, *1*). Ее диаметр 3,5 см. В центре привески выпуклый круг, изображающий солнечный диск. Вокруг него насечками в один ряд показаны расходящиеся от солнца короткие лучи. Солнце окружают шесть полукружий с завернутыми внутрь концами (волюты), внутри которых размещено по шарику. Все изображение окру-

жено краевым валиком. Привеска была найдена на участке 11 в квадрате 5. Вторая привеска, обнаруженная на участке 8 в квадрате 20 (цв. вклейка – рис. 8, *3*), чуть меньше по размеру и имеет очень слабо выраженный рельеф рисунка. Однако нетрудно заметить те же мотивы: просматривается солнечный диск, шесть дуг от волют и шарики. Ушко привески отломано. Третья привеска представлена фрагментарно, сохранилась только ее верхняя часть с ушком. Но она, безусловно, того же типа. У нее хороший рельеф, заметны дуги (волюты) и шарики, которые, в отличие от предыдущих привесок, располагались между волютами (цв. вклейка – рис. 8, *4*). Найдена она на участке 12 в квадрате 12.

Привески подобного типа датируются в основном XII–XIII вв. и особенно характерны, по наблюдению А. В. Успенской, для славянских курганных захоронений X–XII вв. в Волыни и южной Белоруссии [5]. Вищинские привески не выходят за эти хронологические рамки.

Крупная монетообразная привеска диаметром 4 см была обнаружена на участке 16 в квадрате 8 (цв. вклейка – рис. 8, *2*). Рельефный рисунок на ней имеет ярко выраженный солярный характер: в центре изображен солнечный диск, от которого расходятся семь лучей, выполненных поперечной штриховкой. По краю привески идет рельефный валик. Ушко отломано.

Кроме монетообразных на городище найдена одна небольшая петлистая привеска (цв. вклейка – рис. 8, *5*). Такого рода привески хорошо известны в деревенских древностях Руси и датируются преимущественно концом XI–XII вв. Б. А. Рыбаков считал их особенно характерными для населения Посожья [6]. Интересно отметить, что аналогичная привеска была обнаружена экспедицией БГУ в курганном могильнике, расположенном около д. Гадиловичи, недалеко от Вищина. Видимо, с привеской связан обрывок бронзовой цепочки (цв. вклейка – рис. 8, *6*).

Особую группу составляют привески-амулеты. В Вищине их было найдено две штуки. Одна представляет собой миниатюрный топорик (цв. вклейка – рис. 8, *8*). Амулеты-топорики довольно частая находка на территории Руси, однако они не являются ни чисто русской, ни даже чисто славянской вещью. Топорики характерны также для древностей Швеции и Дании [7].

Вторая привеска-амулет представлена миниатюрным бронзовым, несколько уплощенным ключиком со звеном цепочки, которое изготовлено из трех перевитых проволочек (цв. вклейка – рис. 8, *7*). Ключик найден на участке 16 в квадрате 6. Его стержень украшен рядом поперечных выпуклых полосок. По краям прослеживается литейный шов, который свидетельствует о том, что изделие было отлито в двустворчатой форме. Ключик – типичный оберег от грабителей. По мнению Н. П. Журжалиной, привески такого типа несколько более ранние, чем другие. Четыре раза их находили вместе с монетами X в. и четыре раза – с монетами XI в. Однако, по мнению исследовательницы, более надежно датировать такие амулеты концом X – началом XII в. [8].

Среди ювелирных изделий, найденных на Вищинском городище, насчитывается восемь металлических крестов-тельников. Все они индивидуальны и почти не повторяют друг друга. Но в соответствии с принятой типологической классификацией их можно разделить на три типа. Три крестика относятся к типу крестов-тельников с прямоугольными концами. Один из них был обнаружен на участке 1 в квадрате 1 в третьем пласте (цв. вклейка – рис. 9, *1*). Другой (цв. вклейка – рис. 9, *2*) – на участке 1А в квадрате 19. Оба креста простой формы, состоят из двух пересекающихся перекладин. По характеру оформления концов перекладин к этому типу условно можно отнести и бронзовый крестик,

найденный на участке 16 в квадрате 25 (цв. вклейка – рис. 9, *3*). Три его конца прямые, а один (нижний) завершается шариком. Крестик имеет квадратное средокрестие.

Три крестика принадлежат к типу тельников с округлым завершением лопастей. Один из них (цв. вклейка – рис. 9, *5*) был найден на участке 39 в квадрате 19 в первом пласте. У него круглые в сечении перекладины с шариками на концах и круглое средокрестие, конец с ушком отломан. У другого (цв. вклейка – рис. 9, *4*) тоже круглые в сечении короткие перекладины с каплеобразными окончаниями и ромбическое средокрестие. Крестик был обнаружен на участке 16. Третий нательный крестик этого типа с ромбическим средокрестием (цв. вклейка – рис. 9, *6*) происходит из участка 11.

Бронзовый нательный крестик, найденный на участке 34 в первом пласте квадрата 21, плоский, с квадратными расширениями на концах перекладин. Перекрестье ромбическое, нижний конец крестика обломан (цв. вклейка – рис. 9, *7*).

Крупный бронзовый крестик с лепестковыми окончаниями перекладин (нижний конец обломан) был найден на участке 8 (цв. вклейка – рис. 9, *8*). Фрагмент бронзового нательного креста обнаружен на участке 40 в квадрате 12 при зачистке материка (цв. вклейка – рис. 9, *9*). Его концы тоже лепестковые. Оба креста напоминают крестообразные булавки с проушинами для цепи. У обоих обломан нижний конец, по которому можно было бы дать более точное заключение об их назначении.

Типичным, чисто женским и наиболее распространенным на Руси украшением были металлические браслеты. Их носили как на правой, так и на левой руке или на обеих одновременно, нередко по несколько штук – от одного до восьми [9].

Браслеты делятся на разные виды и типы: круглопроволочные (или дротовые), витые, ложновитые, крученые, плетеные, пластинчатые и др.

Простейшими по способу изготовления являются круглопроволочные разомкнутые браслеты. В Вищине было найдено два браслета этого типа. Один, почти целый круглопроволочный браслет с острыми разомкнутыми концами (цв. вклейка – рис. 10, *1*) обнаружен на участке 40 в квадрате 19. Второй представлен обломком.

Семь браслетов относятся к типу витых. Пять из них сделаны из сложенной вдвое и затем перевитой проволоки. Один целый витой из двух проволок браслет с расплющенными плоскими концами (цв. вклейка – рис. 11, *3*) был найден на участке 35 в квадрате 5 во втором пласте. Другой (цв. вклейка – рис. 10, *3*) происходит из участка 1А. Еще один браслет такого же типа представлен обломком (см. рис. 53, *5*). Один целый браслет свит из очень тонкой проволоки. Он маленький по размеру и, возможно, принадлежал ребенку (см. рис. 53, *9*; цв. вклейка – рис. 10, *4*).

Два обломка свиты из трех проволок. Их концы оформлены в виде петель (см. рис. 53, *6, 7*). Среди витых такие браслеты были наиболее распространенными. Их делали из сложенной втрое круглой в сечении проволоки. Составленный и перевитый жгут изгибался с помощью деревянной болванки по форме руки. Концы расплющивались и имели вид петли со свободным концом внутри нее. Браслеты этого типа особенно часто встречаются у славян Верхнего Поднепровья и Подвинья, Верхнего Поволжья и в Новгородской земле [10].

Один из вищинских браслетов относится к типу узкомассивных (см. цв. вклейка – рис. 10, *5*). В сечении он треугольный, заканчивается стилизованной

головкой. В составе найденного на Вищинском городище клада имелся великолепный экземпляр витого серебряного браслета.

Девять браслетов относятся к виду пластинчатых (рис. 54). Один из них целый (рис. 54, *1*), остальные представлены фрагментами. В сечении они имеют форму вытянутого прямоугольника. Их изготавливали из тонкой кованой пластины шириной 1–2 см. По оформлению концов браслетов выделяют несколько типов. Один из вищинских пластинчатых браслетов можно отнести к типу овально-конечных (рис. 54, *8*). Его подрезанный, близкий к овалу конец отделен от корпуса незначительным сужением. Браслет украшен при помощи штампов треугольным и ромбическим орнаментами. Несмотря на очень широкую географию распространения – от Венгрии до Урала [11], такие браслеты, по мнению В. В. Седова, можно считать наиболее типичными для славян Волго-Клязьминского междуречья [12]. В Новгороде они были характерны для середины XII–XIII в.

Три обломка пластинчатых браслетов принадлежат к типу загнутоконечных (рис. 54, *1, 5, 11*). Плоские пластины корпуса на концах отогнуты наружу и свернуты в трубочку. Браслеты украшены геометрическим орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком и пунсоном. В Новгороде наибольшее распространение загнутоконечных браслетов приходится на конец XII – XIII в. [13].

Все вищинские пластинчатые браслеты украшены геометрическим орнаментом в соответствии с традиционной славянской языческой символикой, что являлось не только украшением, но и своего рода оберегом [14].

Особую группу ювелирных изделий составляют перстни, столь же широко распространенные на Руси, как и браслеты. Они изготавливались по той же технологии и были, по существу, уменьшенными браслетами. Их носили на левой, правой и на обеих руках одновременно, причем не только женщины, но и мужчины. Сходство формы и технологии изготовления браслетов и перстней определяет общие принципы их типологической классификации. В Вищине найдено около двадцати перстней. Значительная их часть представлена обломками, что затрудняет установление типа.

Как и в случае с браслетами, наиболее простыми по форме являются круглодротовые перстни с разомкнутыми заходящими концами. В Вищине их найдено несколько штук. Перстни этого типа широко распространены в славянских древностях.

Разновидностью круглодротовых являются перстни с насечкой на поверхности, имитирующей перекрученность проволоки. В вищинской коллекции они представлены тремя экземплярами. У одного, найденного на участке 40 в квадрате 23, концы обрублены и как бы зашлифованы. Бронзовый рубчатый перстень обнаружен также на участке 35 в квадрате 2. Н. В. Рындина, исследовавшая рубчатые перстни из Новгорода, пришла к заключению, что они изготавливались способом литья в разъемной жесткой форме, после чего при помощи зубильца мастера углубляли насечку на тыльной стороне перстня [15].

Пять перстней вищинской коллекции принадлежат к виду пластинчатых. Как и пластинчатые браслеты, они изготавливались из выкованных из дрота пластин и в сечении имели форму вытянутого прямоугольника. По оформлению концов выделяется несколько типов пластинчатых перстней. Три вищинских перстня относятся к типу широкосрединных (рис. 54, *7, 10;* цв. вклейка – рис. 13, *2*), два из них – к широкосрединным с незамкнутыми концами (рис. 54, *7*; цв. вклейка – рис. 13, *2*, *3*). У них расширенная средняя часть и плавно сужа-

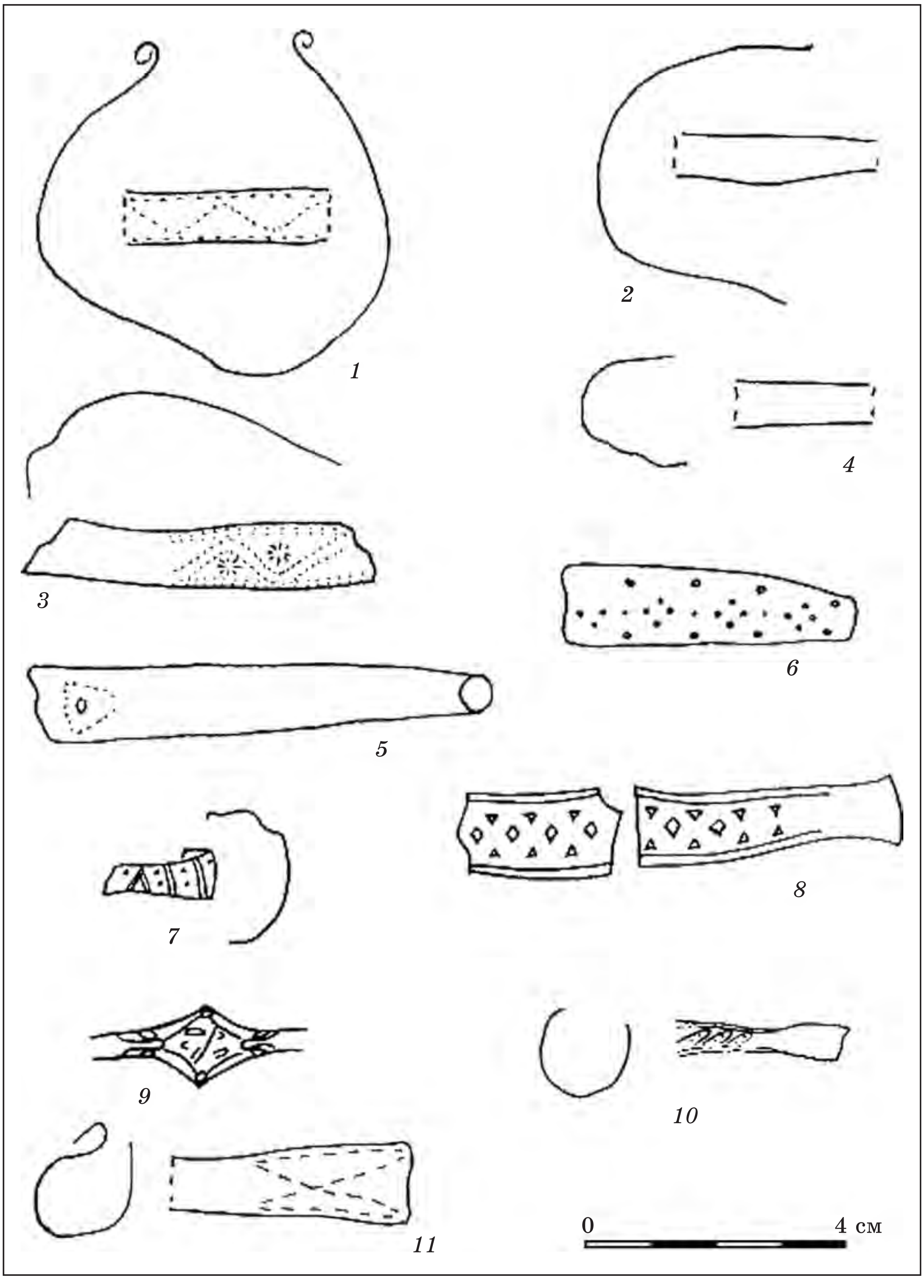

Рис. 54. Украшения для рук (пластинчатые браслеты, перстни)

ющиеся концы. У одного перстня концы заходят друг за друга. Один перстень имеет несколько расплющенные, вероятно сходящиеся, концы (один конец у него обломан) (рис. 54, *10*).

Один перстень изготовлен из пластины, которая имеет одинаковую на всем протяжении ширину, и относится к типу узкопластинчатых с замкнутыми концами. Его поверхность украшена рядом точечных насечек. Этот перстень интересен тем, что может быть отнесен к наиболее ранним вищинским находкам и использован для установления времени возникновения поселения. По мнению М. В. Седовой, такие перстни были характерны для X–XI вв. [16].

Два перстня относятся к виду плетеных. Один, с обрубленными концами, был найден на участке 34 в квадрате 1 во втором пласте. Великолепный целый серебряный перстень с плетеной средней частью и гладкими заходящими друг за друга концами, раскованными в дроты, был обнаружен на участке 11 (цв. вклейка – рис. 11, *4*). Не исключено, что он попал в культурный слой из клада, некоторые составляющие которого были перемещены в результате распахивания площадки городища. Возможно, щитком от перстня является серебряная шестигранная пластинка, на которой имеется выгравированное изображение креста с «процветшей» поперечной планкой. Выемки между рисунком заполнены черненой массой (рис. 55, *2*).

Одним экземпляром представлен перстень малого диаметра из тонкого дрота квадратного сечения с круглым наружным приемником для вставки из стекла или камня, найденный на участке 34 в квадрате 19. Вставка не сохранилась.

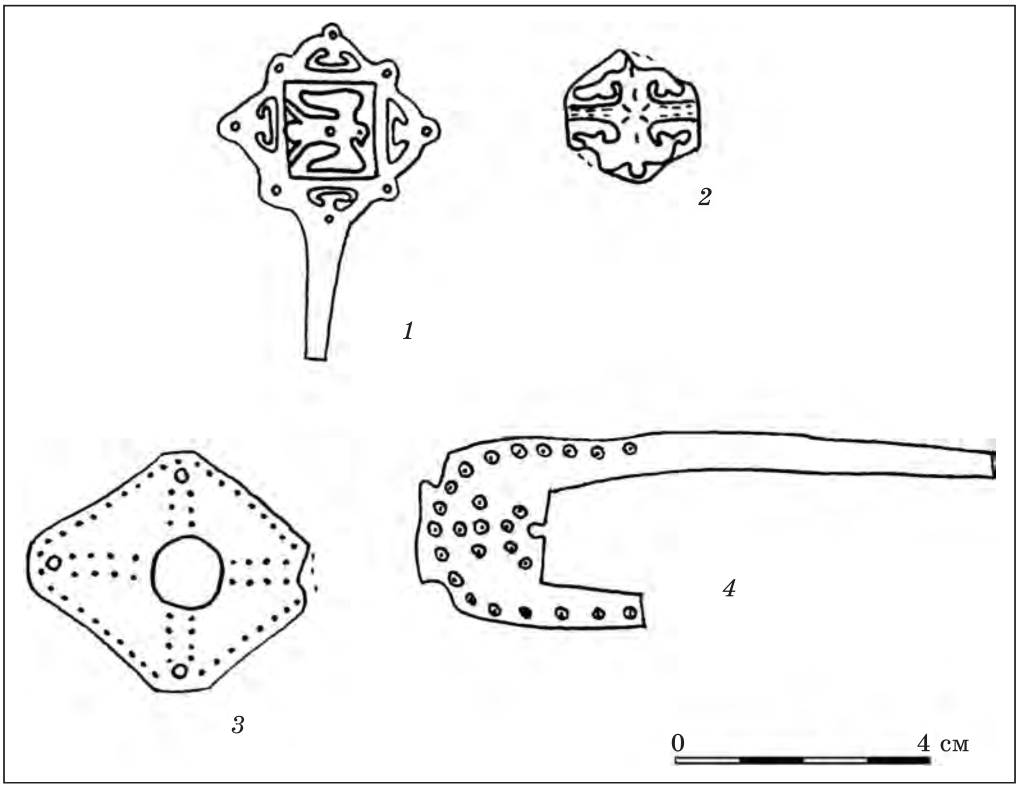

Рис. 55. Изделия из меди и бронзы

Древнерусская одежда, как женская, так и мужская, украшалась различными металлическими изделиями: булавками, фибулами, бляшками, бубенчиками, пуговицами, бусами и др. Часть таких предметов была обнаружена и на Вищинском городище.

Булавка с квадрифолийной формой головки была найдена на участке 6 в квадрате 15 (рис. 55, *1*). Она отлита в открытой форме из красной меди и покрыта позолотой. Пластина головки украшена рельефным орнаментом в виде волют и шариков на лопастях. В центре имеется квадрат, в котором изображен орел с повернутой налево головой и распростертыми крыльями. Пластина украшена желтой выемчатой эмалью. Плоский стержень булавки отломан. Булавки с похожей головкой известны из материалов раскопок городища Воищина на Смоленщине [17], Новгорода [18], Старой Рязани [19] и др. Наиболее близкой аналогией вищинской находке является квадрифолийная булавка из Серенска [20].

Выше говорилось о двух крестиках, напоминающих верхнюю часть булавок с ушком. Такие булавки, служившие застежками для верхней одежды, известны в восточнославянских древностях. Через проушины обычно цепочкой соединялись две булавки. Они придерживали на плечах края плаща или длинной женской безрукавки. Большая часть таких булавок найдена в Эстонии. Их принято считать этнически определяющими изделиями для эстов и датировать XI–XII вв. [21].

Еще более распространенными были бубенчики. Их на Вищинском городище было найдено семь экземпляров. Как и везде, они представлены несколькими типами, при этом четыре имеют крестообразную прорезь.

Четыре входят в группу бубенчиков с рельефным пояском. Один из них, небольшой бронзовый с крестообразной прорезью и декоративным пояском в нижней части, обнаружен на участке 34 (см. цв. вклейка – рис. 12, *1*), другой – на участке 16 (цв. вклейка – рис. 12, *2*). Два бубенчика с крестообразной прорезью были найдены на участках 39 (см. цв. вклейка – рис. 12, *3*) и 12. Более крупный шарообразный бубенчик с прямоугольной прорезью происходит из участка 20 (см. цв. вклейка – рис. 12, *4*). Все описанные бубенчики, очевидно, изготовлены техникой литья по восковой модели. В Новгороде такие бубенчики датируются последней четвертью XI – первой половиной XIII в. [22]. Изучавшая технологию изготовления новгородских бубенчиков Н. В. Рындина констатировала использование местными мастерами именно техники литья по восковой модели [23]. Видимо, по такой же технологии изготовлен и один из вищинских миниатюрных бубенчиков, на котором не было дополнительных украшений.

Один тонкостенный бубенчик, представленный двумя фрагментами, возможно, был изготовлен техникой тиснения. Он найден на участке 39 во втором пласте.

Из металлических ювелирных изделий, связанных с одеждой, следует особо выделить найденную на участке 11 в третьем пласте квадрата 1 крупную бронзовую бусину (см. цв. вклейка – рис. 11, *1*). Ее поверхность украшена сканью и зернью. Такие бусины в археологической литературе рассматриваются в качестве этнически определяющих для дреговичей [24]. Однако они датируются XI – началом XII в., когда племен уже не было. Поэтому речь может идти о них не как о показателях этнической принадлежности их пользователей, а как о предметах, характерных для южной Белоруссии, где они, очевидно, изготавливались и в основном распространялись.

С одеждой связаны также найденные на городище бронзовые пряжки. Бронзовая пряжка хорошей сохранности была обнаружена на участке 43 в квадрате 9 во втором пласте, другая – на участке 17.

Были найдены также две накладки (рис. 55, *3, 4*). Одна из них литая и украшена выпуклым точечным орнаментом. Фрагмент второй накладки украшен узором, выполненным чеканкой точечным пунсоном.

4.2. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СТЕКЛА

На Вищинском городище были найдены практически все виды известных на Руси изделий из стекла. Это прежде всего модные в те времена стеклянные украшения: браслеты, перстни и бусы, а также стеклянная посуда. В отличие от бус, имевших широкое распространение среди всех социальных слоев Древней Руси, стеклянные браслеты, перстни и посуда – изделия, характерные для городской культуры и, как можно видеть, не только для горожан, но и для той социальной группы, которая хотя и жила за пределами городов в своих усадьбах-замках, но была тесно связана с городской культурой, культурой сословия феодалов.

Самым распространенным украшением из стекла были браслеты (цв. вклейка – рис. 14). В Вищине найден 831 обломок браслетов, целого – ни одного. Это обычное явление, поскольку материал слишком хрупок. Такое количество браслетов следует считать достаточно большим, если учитывать относительно короткий период функционирования поселения (приблизительно 150 лет), небольшой культурный слой и незначительное количество проживавших в замке людей (семья феодала с некоторым числом обслуживавших ее людей). Даже в городах насыщенность культурного слоя стеклянными браслетами нередко оказывается значительно меньшей, чем на Вищинском городище. Обитательницы замка, проживая в сельской местности, не теряли связи с городом и ни в чем не уступали горожанкам в искусстве украшать себя. Общепризнанно, что стеклянные браслеты – это типично городское украшение. Их наличие в материальной культуре того или иного поселения рассматривается как один из важнейших показателей, по которому поселение определяется как городское. Жители деревни, как правило, их не носили. В сельских погребениях браслеты встречаются в исключительных случаях. Впрочем, и другие материалы, связанные с украшениями и деталями костюма, в такой же степени убеждают в теснейшей связи обитателей Вищинского замка с городом.

По типам браслеты распределяются так: крученые составляют 59,8 %, гладкие – 36,2 %, остальные – всего 4 %. Единичными экземплярами представлены браслеты раннего типа (треугольные в сечении). При сравнении соотношения крученых и гладких браслетов по участкам наблюдалось небольшое колебание данных. Цветовая гамма браслетов достаточно разнообразна, но в количественном отношении распределение браслетов по цвету неодинаковое. Сине-голубые и бирюзовые вместе составили 24,8 %, браслеты зеленого бутылочного цвета – 37,2 %, черного – 34,5 %, коричневого – около 2,5 %. Единичными экземплярами представлены желтые и красные браслеты. Относительно немного найдено браслетов, перевитых стеклянной ниткой другого цвета (обычно желтого).

Браслеты заполняют на городище всю толщу культурного слоя, от материка до дерна. Это один из самых убедительных аргументов для датирования памятника, поскольку бытование стеклянных браслетов почти повсюду на Руси

ограничивается домонгольским периодом. После разрушения монголо-татарами в 1240 г. Киева и его стеклодельных мастерских, обеспечивавших рынок браслетов, они быстро вышли из употребления.

В отличие от стеклянных браслетов, стеклянные перстни представлены в вищинской коллекции всего шестью находками. Все они гладкие, зеленого цвета. Подобные изделия, судя по Новгороду, появились на Руси в XI в. и были характерны для всего XII в. [25].

Более многочисленны, чем стеклянные перстни, стеклянные бусы. Их носили повсеместно, и в городе, и в деревне, представительницы различных социальных и возрастных групп. Даже в деревенских курганах они являются непременным атрибутом женских украшений. И обитатели Вищинского замка не были исключением. Разработанность датирования стеклянных бус делает эти находки особенно интересными для решения хронологических вопросов. Чем больше данных по датировкам, тем более надежной и аргументированной становится историческая интерпретация памятника. Как и раньше, мы будем обращаться к новгородским аналогиям – общепризнанному эталону в археологии Древней Руси.

Во время раскопок Вищинского городища найдено 38 бусин. Они представлены различными типами (цв. вклейка – рис. 15).

Данные о типах имеются по 27 экземплярам. Они распределяются следующим образом. Больше всего среди них зонных – десять штук, или 26 %. Равным количеством представлены боченковидные, шарообразные и цилиндрические. Их по четыре экземпляра, т. е. по 10,5 %. Найдены также четыре хрустальные бусины (цв. вклейка – рис. 15, *1–4*). Одним экземпляром представлена бусина кубической формы (цв. вклейка – рис. 15, *6*).

По цвету бусины располагаются в таком порядке: голубые, желтые, синие. Голубой и желтый цвет характерен для зонных бусин. Зонные голубые имеют в среднем следующие размеры: их внешний диаметр от 9 до 12 мм, высота 6–8,5 мм, диаметр отверстия – 3–4,5 мм. Почти все их можно отнести ко второму типу зонных бусин, варианту 2. Стекло бусин прозрачное. Синие зонные бусины 2-го варианта не встречаются в памятниках X–XI вв. Распространение их в курганах и в Новгороде приходится на XII в. и более позднее время.

Диаметр желтых зонных бусин приблизительно 12 мм, диаметр отверстия 4 мм, высота 10–11 мм. В Новгороде основная масса таких бусин сосредоточена в 11–20 ярусах [26]. На городище были найдены две трехчленные (тройные) желтые зонные бусины (цв. вклейка – рис. 15, *35*), которые характерны для всего древнерусского периода, но особенно, по мнению Ю. Л. Шаповой, для XII–XIII вв.

Цилиндрические бусины имеют диаметр 8 мм, высоту 18,5 мм, диаметр отверстия 2,8 мм. Одна из них коричневого цвета, по кругу украшена широкой волнистой полоской светло-коричневого цвета. В Новгороде такие бусины характерны для 15–28 ярусов, однако небольшое количество экземпляров пока не позволяет считать их типичными для какого-то определенного времени [27]. Другая цилиндрическая бусина сделана из черного стекла, ее диаметр 9,8 мм, диаметр отверстия 4,0 мм, высота 10 мм. Аналогичные бусины, только синего цвета, сосредоточены в Новгороде в 26–27 ярусах.

Шарообразные бусины почти все происходят из юго-восточной части городища. По-видимому, они принадлежали одному рассыпавшемуся ожерелью или просто хранились вместе. Поскольку они были найдены на небольшом расстоянии друг от друга, можно предположить, что где-то поблизости находилась жи-

лая постройка. Хотя культурный слой этого района замка весь перепахан и остатки сгоревших сооружений разрушены и разнесены плугом, кое-какие признаки построек все же удалось проследить, о чем было сказано во второй главе.

Среди шарообразных бусин имеются хрустальные, которые в большинстве своем представляли собой восточный импорт. На Руси были наиболее распространены именно шарообразные хрустальные бусины, которые встречались в течение всего домонгольского периода, но особенно характерны, как свидетельствуют новгородские раскопки, для XII в. Так, из 18 найденных к 1957 г. в Новгороде хрустальных шарообразных бусин только две приходятся на слои X в. и одна – на слои XIII в. [28].

Хорошим показателем состоятельности владельца Вищинского замка являются находки стеклянной посуды. Это был достаточно дорогой предмет, приобретавшийся посредством торговли и не предназначенный для каждодневного пользования даже среди феодалов. Поэтому ее немного. К сожалению, древнерусское столовое стекло очень хрупкое и плохо сохраняется в культурном слое. Даже, казалось бы, хорошо сохранившиеся остатки стекла, будучи извлеченными из земли, часто рассыпались на глазах. В материалах раскопок Вищинского городища стеклянная посуда представлена небольшими осколками бокальчиков. Зафиксировано 17 таких находок.

Венчик стеклянного сосуда был обнаружен на участке 5 в квадрате 14. Еще один венчик – на участке Б в квадрате 24. Найдены три осколка донцев сосудиков: один на участке 5 в квадрате 10, другой – на участке 3 в квадрате 12 и третий фрагмент – на участке 6 в квадрате 20. Остальные двенадцать находок представлены мелкими осколками стенок сосудов. Два фрагмента, возможно, от одного сосуда, были найдены в квадрате 1 участка 3; один фрагмент – в материковой яме на участке 4 (квадрат 14), один – на участке 16 в квадрате 20, один – на участке 17 в квадрате 6, два осколка – на участке 21 в квадратах 15 и 16, один фрагмент – на участке 35 в квадрате 7, один фрагмент – на участке 40 в квадрате 21, два осколка – на участке 43, один в материковой яме в квадрате 9 и один в квадрате 25. Наконец, один осколок стеклянного сосуда был найден в раскопках 1982 г. И это практически все. Однако, как нам представляется, делать на основании таких скудных находок вывод, что вищинский феодал проигрывал по убранству и сервировке своего стола другим древнерусским вельможам, едва ли правильно. Следует учитывать не только плохую сохраняемость в вищинском грунте стекла, но и то, что сотни лет городище постоянно распахивалось и хрупкие, тоненькие целые сосуды, как и их жалкие осколки, постоянно подвергались механическому разрушению.

Находки фрагментов стеклянных сосудов интересны еще в одном аспекте: они ценны для изучения характера застройки замка, что особенно важно для данного объекта, культурный слой которого очень пострадал от распашки. В силу специфики стекла как материала, с одной стороны, несомненно дорогого, доступного в те времена далеко не всем (ведь не случайно стеклянная посуда практически отсутствует в материалах из раскопок деревенских памятников), с другой стороны – чрезвычайно хрупкого, остатки стеклянной посуды, по идее, должны концентрироваться в районе жилых построек. Поэтому топография таких находок может помочь в дешифровке внутреннего плана городища, его застройки. В этом смысле нельзя не отметить, что, несмотря на относительно небольшое количество осколков стеклянной посуды, они концентрируются в нескольких местах. Одна их группа (четыре фрагмента) располагалась как бы

на одной линии на участках 4 и Б. Другая – в юго-западной части участка 4, третья – в юго-восточной. Выше рассматривались и другие материалы, указывающие на то, что в этих местах находились жилые объекты.

4.3. КЕРАМИКА

Самую большую группу в материалах вищинской коллекции составляет керамика, в основном это обломки бытовой посуды, а также фрагменты привозных сосудов с поливой и амфор. В раскопках было обнаружено несколько целых или почти целых горшков (цв. вклейка – рис. 18, 19). Бросается в глаза однородность керамического материала, большую часть которого составляют кувшины. Некоторые сосуды накрывались крышками, имели ручки. Найдены также обломки мисок. Вся глиняная посуда была изготовлена на гончарном круге.

Около тысячи венчиков с различных участков были подвергнуты типологической классификации, было прослежено распределение выделенных типов в толще культурного слоя. Поскольку культурный слой на городище небольшой и в основном дал два полных более или менее сопоставимых пласта, то керамика была поделена соответственно на две группы: из верхнего (первого) и из нижнего (второго) пласта. Выделено шесть наиболее распространенных форм венчиков (рис. 56).

Тип 1 представлен отогнутым наружу венчиком с закругленным краем. В общей массе венчиков он составляет 7 %. Несмотря на очевидную простоту формы, этот тип по сравнению с другими встречается несколько чаще как в первом, так и во втором пластах (соответственно 4,1 и 2,9 %).

Наиболее распространена керамика второго и третьего типов. Они достаточно близки между собой. Исходной формой является тип 2, который характеризуется отогнутым наружу венчиком. Его край завернут внутрь и имеет вид круглого валика. Керамика этого типа насчитывает 28 %. В первом пласте она составляет 17 %, во втором – 11 %.

Венчик типа 3 имеет косой срез края с внешней стороны. Керамика этого типа составляет 29,1 % от всего керамического материала. В первом пласте ее 15,5 %, во втором – 13,6 %. Следует заметить, что первый пласт в целом дал несколько больше керамики, чем второй (соответственно 58 и 42 %), что следует учитывать при выводах о распространенности этого типа в хронологическом отношении.

Тип / Пласт	1 	2 	3 	4 	5 	6 	Всего
1	4,1	17	15,5	13	5,5	0,4	55,5
2	2,9	11	13,6	3,1	4,2	3,4	38,2
Всего	7	28	29,1	16,1	9,7	3,8	93,7

Рис. 56. Типологическая таблица горшков

Венчик типа 4 имеет горизонтальный срез на краю, иногда – незначительную ложбинку. Керамика этого типа составляет 16,1 % и в основном приходится на первый пласт (13 % – в первом пласте и 3,1 % – во втором).

Таким образом, типы 2–4 в общей сложности составили 73,2 % всех найденных венчиков. Из других форм можно отметить также короткие венчики с внутренним косым срезом (тип 5), которые составили 9,7 % всей керамики. Они приблизительно одинаково представлены в первом и втором пластах. Обнаружено также небольшое количество сосудов (3,8 %), у которых слегка отогнутый наружу стебель венчика имеет на конце валик (тип 6). Этот тип в основном приходится на второй (нижний) пласт.

Совсем мало было найдено клейменой посуды. Клейма имеют вид круга, колеса, креста, свастики, двузубца. По поводу сосудов с клеймами в науке высказано несколько мнений. Широкое признание в свое время получила идея Б. А. Рыбакова о том, что клейма были знаками ремесленников. Изучая различные клейма, он пришел к выводу об усложнении их рисунка в связи с наследованием гончарного ремесла. Особое внимание Б. А. Рыбаков и другие

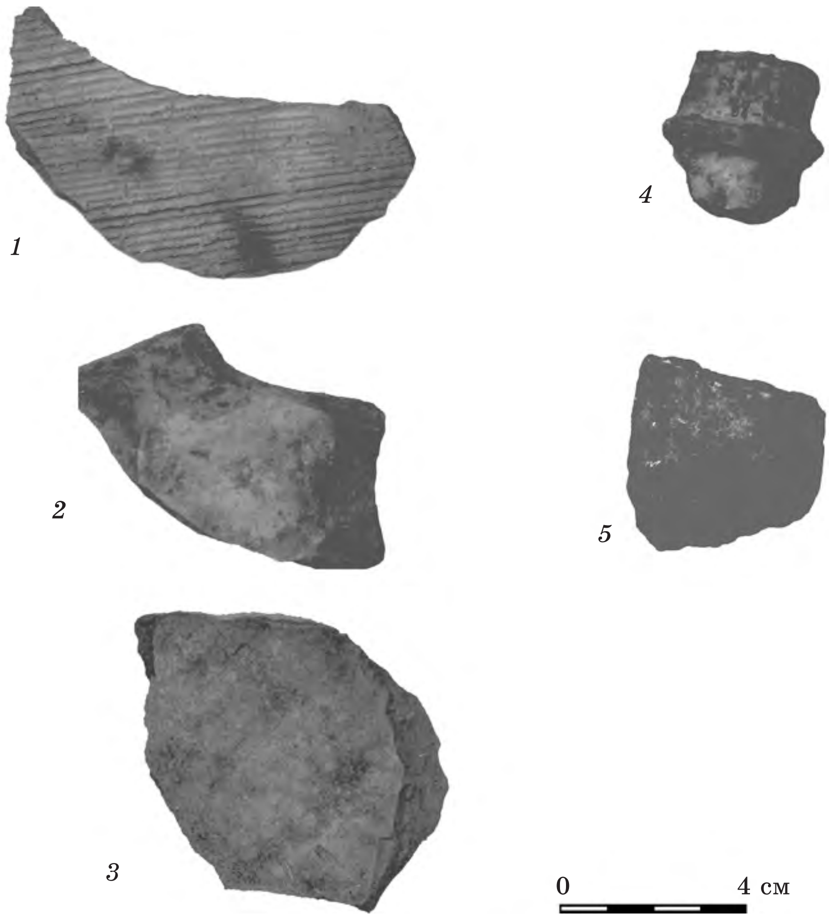

Рис. 57. Обломки амфор

исследователи обратили на клейма в виде двузубца или трезубца, так называемые родовые знаки Рюриковичей. Посуду с такими клеймами связывали с деятельностью вотчинных гончаров. Такого рода посуда в Вищине была найдена только дважды. Одним экземпляром представлено днище горшка с клеймом в виде свастики, вписанной в круг. Учитывая владельческий характер вищинского поселения, можно было бы ожидать большего количества клейменой посуды. Впрочем, А. Л. Монгайт, ссылаясь на этнографические материалы, высказывал предположение о совсем другой природе клейм. По его мнению, клейма проставлялись ремесленниками по желанию покупателя. Существовало поверье, что клейменая посуда «лучше варит».

Среди керамического материала из Вищина достаточно много поливной посуды – около 150 фрагментов и обломков амфор (рис. 57; цв. вклейка – рис. 21). Полива густая и непрозрачная, яркого желтого или желто-зеленого тонов. Меньшая часть фрагментов поливной керамики принадлежала сосудам из белой глины. В основном посуда с поливой сделана из глины серого цвета. Вищинская поливная керамика имеет наиболее близкие аналогии в Любечском замке XI–XII вв., для которых характерна в основном серовато-белая в изломе глина с буро-зеленой поливой желтого оттенка.

Вищинская коллекция насчитывает около 50 крупных фрагментов амфор. Все они относятся к византийскому культурному кругу. Подавляющая часть обломков принадлежит амфорам «триллийской» группы (69 %). Около 15 % обломков относится к трапезундской группе. Единичными экземплярами представлены белоглиняные амфоры и так называемые «амфоры клейма SSS» [29].

4.4. ДРУГИЕ БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Среди бытовых вещей большой интерес представляют находки замков и ключей. Трубчатые навесные замки принадлежали к категории наиболее сложных в техническом и технологическом отношениях изделий древнерусского ремесла. Они состояли из корпуса и съемной дужки, на которой крепилась серия пластинчатых пружин, запиравших замок и составлявших его секрет. При вводе дужки в корпус замка пружины, проходя через специальные отверстия в верхней части замка, сжимались, а затем, пройдя их, разжимались, препятствуя тем самым извлечению дужки из корпуса. Чтобы открыть замок, необходимо было ввести в корпус ключ, который бы поджал все пружины. Только тогда дужку можно было извлечь из корпуса замка. Ключ был индивидуален для каждого замка. Открыть его отмычкой было практически невозможно. Надежность замков определяла их популярность и делала предметом экспорта. В Чехии их называли «русскими замками». Отдельные экземпляры замков насчитывали до 40 деталей, которые необходимо было подогнать и скрепить заклепками или твердым припоем.

В Вищине найдено 92 предмета, имеющих отношение к замкам (корпусы, дужки трубчатых замков, детали накладных замков). Из них трубчатых замков 57 и дужек от них 27. Деталей от накладных замков – восемь единиц (рис. 58–60). Основная масса замков относится, как видим, к категории навесных трубчатых. Они представлены разными размерами и разными типами. К сожалению, сильная коррозированность изделий из железа привела к деформации многих замков в такой степени, что важные детали, по которым можно точно установить тип изделия, просто не просматриваются. Но представление о

Рис. 58. Замки

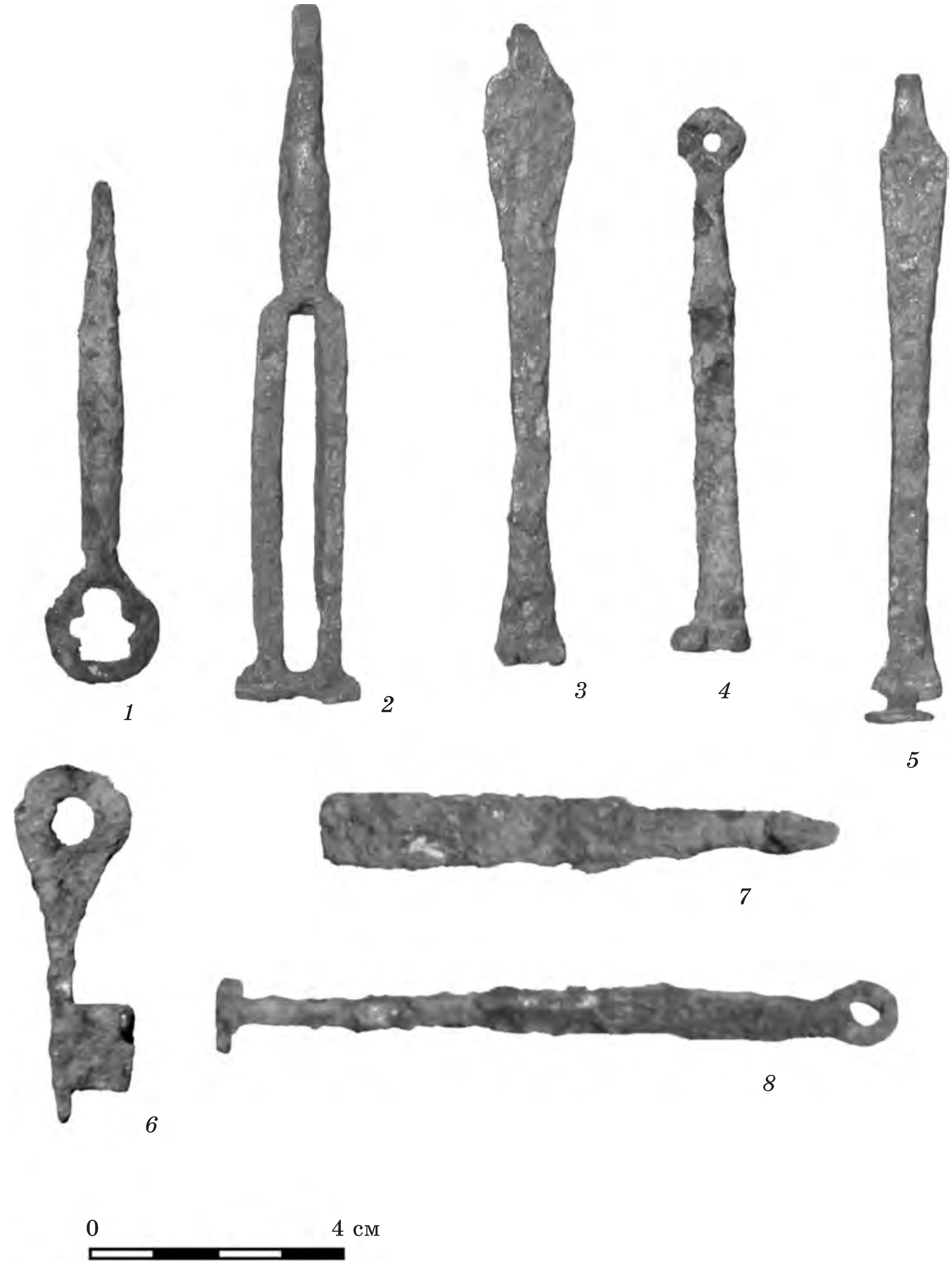

Рис. 59. Ключи

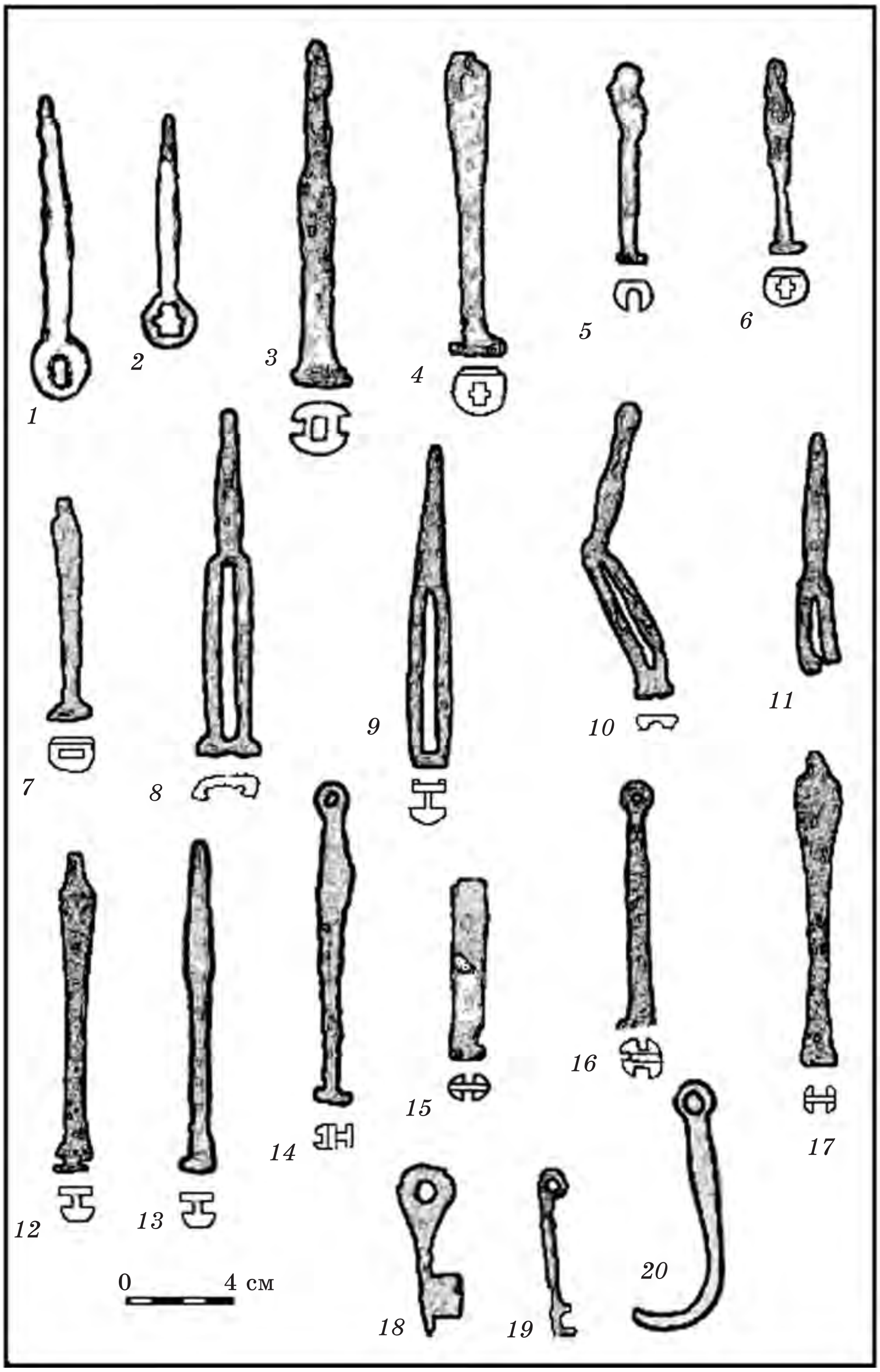

Рис. 60. Ключи

типах замков можно получить по ключам, типология и хронология которых была разработана по Новгороду Великому Б. А. Колчиным [30]. Мы воспользуемся его классификацией при оценке этой категории вищинских находок.

Из 30 ключей только 21 пригоден для определения типа замка. Самыми распространенными оказались ключи типа Б. Их найдено девять штук (два из них повреждены и могут быть отнесены к этому типу предположительно). Пятью экземплярами представлены ключи типа В, четырьмя – типа Г, двумя – типа А и одним – типа Ж (?). Найден также небольшой ключ от цельнометаллического накладного замка и один ключ от комбинированного.

Ключи типа А – самые ранние. Они бытовали только до конца XII в. Остальные (за исключением ключей типа Г и Ж) характерны для XII и XIII вв. Не все ясно с вищинскими ключами типа Г. В Новгороде они появились приблизительно в 70–80-е гг. XIII в. Между тем Вищинский замок, если судить по абсолютному большинству находок, к тому времени уже прекратил свое существование, и наличие в его коллекции таких ключей нуждается в объяснении. Можно заметить, что классический ключ типа Г несколько отличается от вищинских экземпляров. Возможно, мы имеем дело с каким-то локальным вариантом этого типа ключей, переходным от типа В к типу Г, который возник немного раньше – в середине XIII в.

Столь же неожиданной представляется находка ключа типа Ж (рис. 60, *19*). Правда, все ключи этого типа имеют три-четыре зубца, а у вищинского экземпляра их два. Возможно, это ключ от накладного замка, так как слои XIV в., когда появляются замки типа Ж, в Вищине отсутствуют.

Кроме навесных трубчатых замков использовались также накладные цельнометаллические и комбинированные (состоявшие из металлических и деревянных деталей). Однако в Вищине их использовали совсем редко. На городище были найдены только один небольшой ключ от цельнометаллического замка (рис. 60, *18*) и ключ-отмычка от комбинированного (рис. 60, *20*).

Почти все найденные типы ключей характерны для домонгольской Руси. Заметна большая концентрация замков и ключей в северо-западной части замка, в районе участков А и 1. Именно здесь были сосредоточены основные жилые постройки. Вторая, меньшая группа концентрируется на участках 3 и 4. Немало находок было сделано на участках 16–17 и в юго-восточной части замка.

Такое количество замков и ключей в небольшом и очень специфическом поселении, каким был Вищин, принадлежавший одному владельцу и, очевидно, заселенный членами одной семьи, не может не вызвать вопроса: не слишком ли много замков и от кого все запиралось?

С приемом пищи некоторые исследователи связывают металлический заостренный стержень с кольцевидной головкой, через которую продето кольцо. Предполагают, что стержень служил столовой вилкой и его носили вместе с ножом на поясе [31]. Может, так оно и было, но нельзя не заметить, что находки подобных предметов крайне малочисленны. В Вищине было немало обитателей, а «вилка» найдена только одна (рис. 61, *1*), хотя раскопано $^3/_4$ площади городища.

Огонь высекали при помощи кремня и металлического кресала. В Вищине найдены три кресала удлиненно-овальной формы, наиболее характерной для этого периода (рис. 61, *3–5*).

Незначительная часть найденных на городище предметов была изготовлена из камня и кости. Кроме жерновов и некоторого числа орудий, связанных с неолитической стоянкой, в материалах Вищинского городища каменные изделия представлены нательными крестиками и точильными брусками.

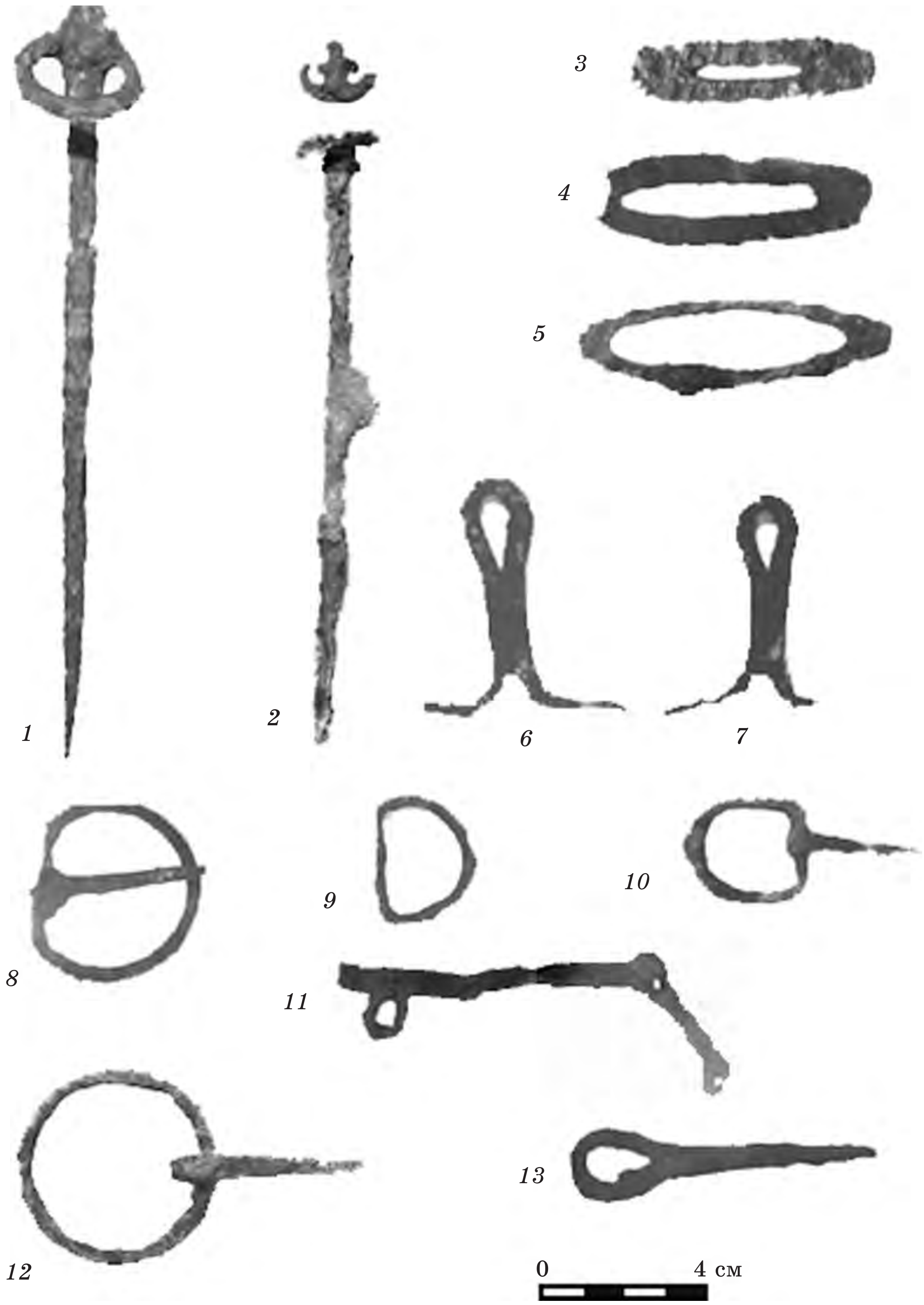

Рис. 61. Различные изделия из железа

Рис. 62. Фрагмент рогового гребня

Нательных крестиков найдено четыре экземпляра. Все они миниатюрные, простой четырехконечной формы с просверленным отверстием для нити в верхнем конце (см. цв. вклейка – рис. 9, *10, 11*).

Точильные каменные бруски различных размеров насчитывают 46 экземпляров. Почти все они достаточно сработаны (цв. вклейка – рис. 22). Интересно, что большая их часть была найдена на окраинах городища. Возможно, это объясняется крупными строительными работами, которые велись в связи с возведением крепостной стены. Здесь их и теряли больше.

К сожалению, в культурном слое городища почти не сохранились изделия из кости. Они представлены единичными находками. Так, на участке 1 обнаружено два обломка роговых гребней. Один – в квадрате 14, другой – в квадрате 4. Двухсторонний костяной накладной гребень характерного для XII в. типа найден на участке 1А в квадрате 25 (рис. 62).

Кроме гребней на участке 5 были найдены три костяные ручки от ножей. На участке 2 в квадрате 12 обнаружена костяная накладка. Небольшая коллекция вищинских костяных изделий представлена также двумя проколками.

1. *Загорульский Э. М.* О летописных «племенах» восточных славян // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 3. 1992. № 3.

2. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. Т. 2. М., 1982. С. 93.

3. *Левашова В. П.* Височные кольца // Труды ГИМ. Вып. 43: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. С. 16.

4. Там же. С. 37–38.

5. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Труды ГИМ. Вып. 43: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. С. 111.

6. *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2. С. 123.

7. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. М., 1977. С. 131.

8. *Журжалина Н. П.* Указ. соч. С. 131.

9. *Левашова В. П.* Браслеты // Труды ГИМ. Вып. 43: Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. С. 207.

10. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 96.

11. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930. С. 22.

12. *Седов В. В.* Указ. соч. С. 233. Табл. 9.

13. *Седова М. В.* Указ. соч. С. 113.

14. *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. Т. 2. М., 1951. С. 402–404.

15. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. 1963. № 117. С. 240.

16. *Седова М. В.* Указ. соч. С. 131.

17. *Седов В. В.* Сельские поселения Центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 33.

18. *Седова М. В.* Указ. соч. С. 78. Рис. 27.

19. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 89. Табл. 27, *7*. Рязанский образец, в отличие от вищинского, сделан техникой перегородчатой эмали.

20. *Никольская Т. Н.* Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 41–46. Рис. I, *3*.

21. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода // МИА. 1959. № 65. С. 240.

22. *Седова М. В.* Указ. соч. С. 156.

23. *Рындина Н. В.* Указ. соч. С. 247.

24. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–VIII вв. С. 202–213. Табл. XXVIII, XXXIX.

25. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2. С. 107–108.

26. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода //МИА. 1956. № 55. С. 167–168.

27. Там же. С. 171.

28. Там же. С. 165–166.

29. Выражаю благодарность В. Ю. Ковалю за первичный анализ вищинского амфорного материала.

30. *Колчин Б. А.* Указ. соч. С. 94–97.

31. *Голубева Л. А.* Назначение железных игл с кольцами // СА. 1971. № 4. С. 114–126.

Рис. 25. Глиняная фигурка всадника (увеличено)

Рис. 26. Глиняная фигурка всадника (вид с четырех сторон)

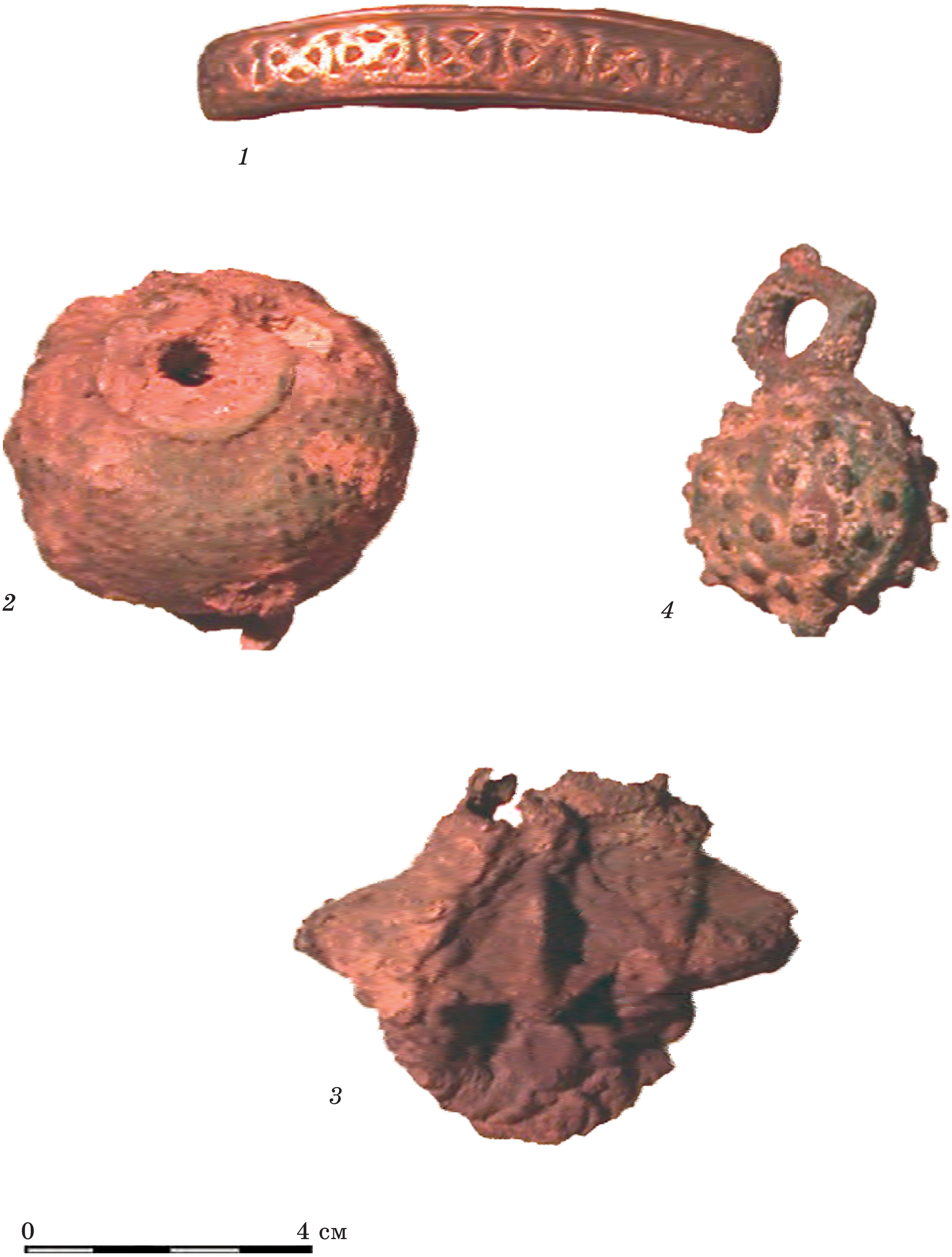

Рис. 27. Оружие ближнего боя (перекрестье меча, булавы, кистень)

Рис. 28. Наконечники копий и шпора

Рис. 29. Кистень

Рис. 30. Наконечники стрел

Рис. 31. Клад среди камней

Рис. 32. Вещи из вищинского клада

Рис. 33. Вещи из вищинского клада

Рис. 34. Цепочки из колодочек

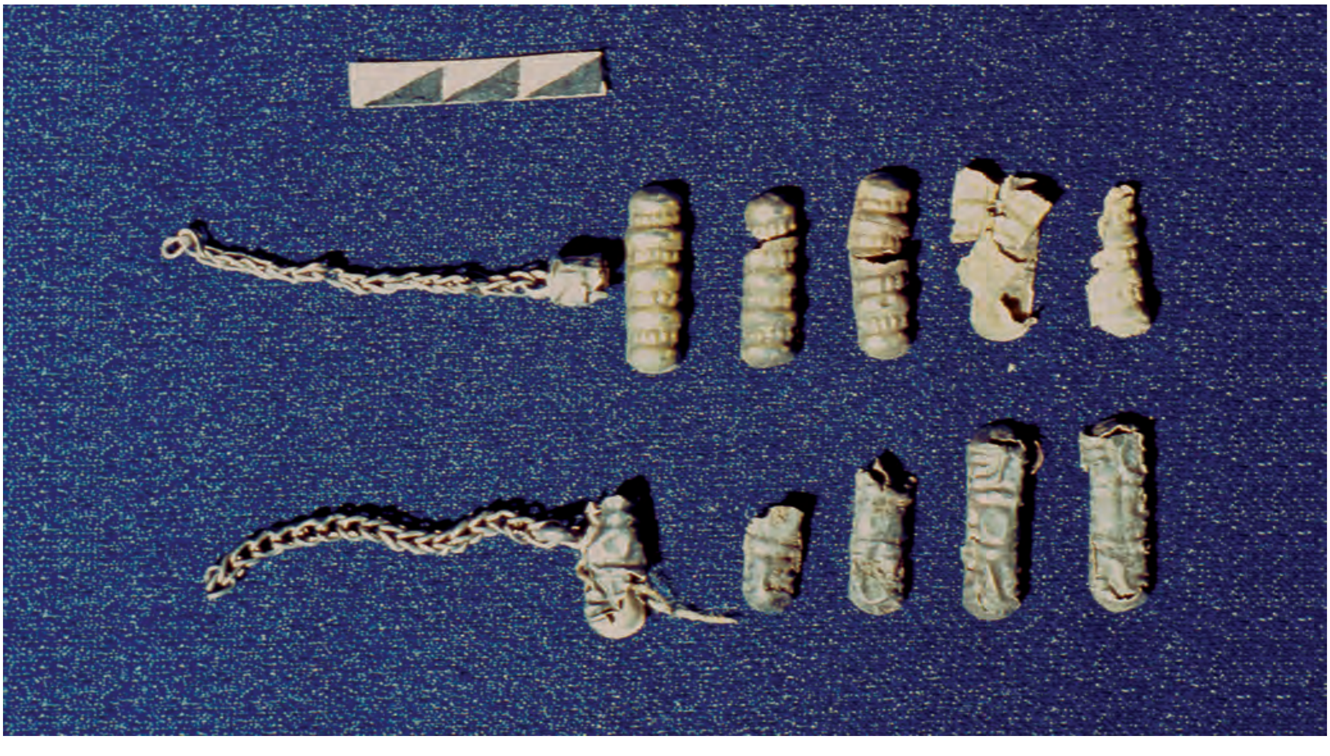

Рис. 35. Колты из желтого металла

Рис. 36. Звездчатый и ажурный колты

Рис. 37. Колт из желтого металла (увеличено)

Рис. 37. Колт из желтого металла (увеличено)

Рис. 38. Шумящие подвески

Рис. 39. Конус шумящей подвески (вид с четырех сторон)

Рис. 40. Днища конусов

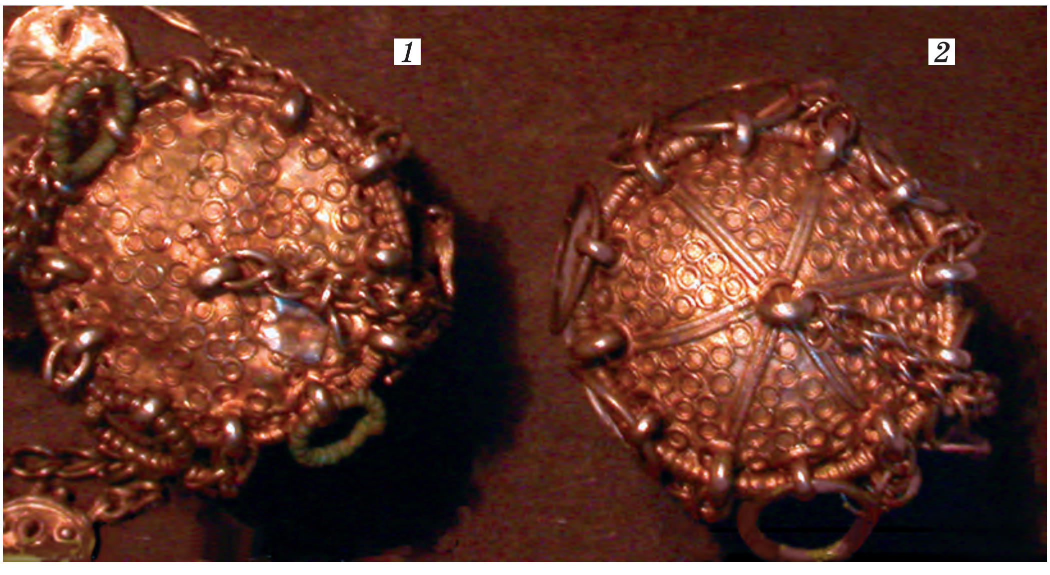

Рис. 41. Типы бляшек на цепочках

Рис. 42. Конус шумящей подвески

Рис. 43. Криновидные подвески и бусины

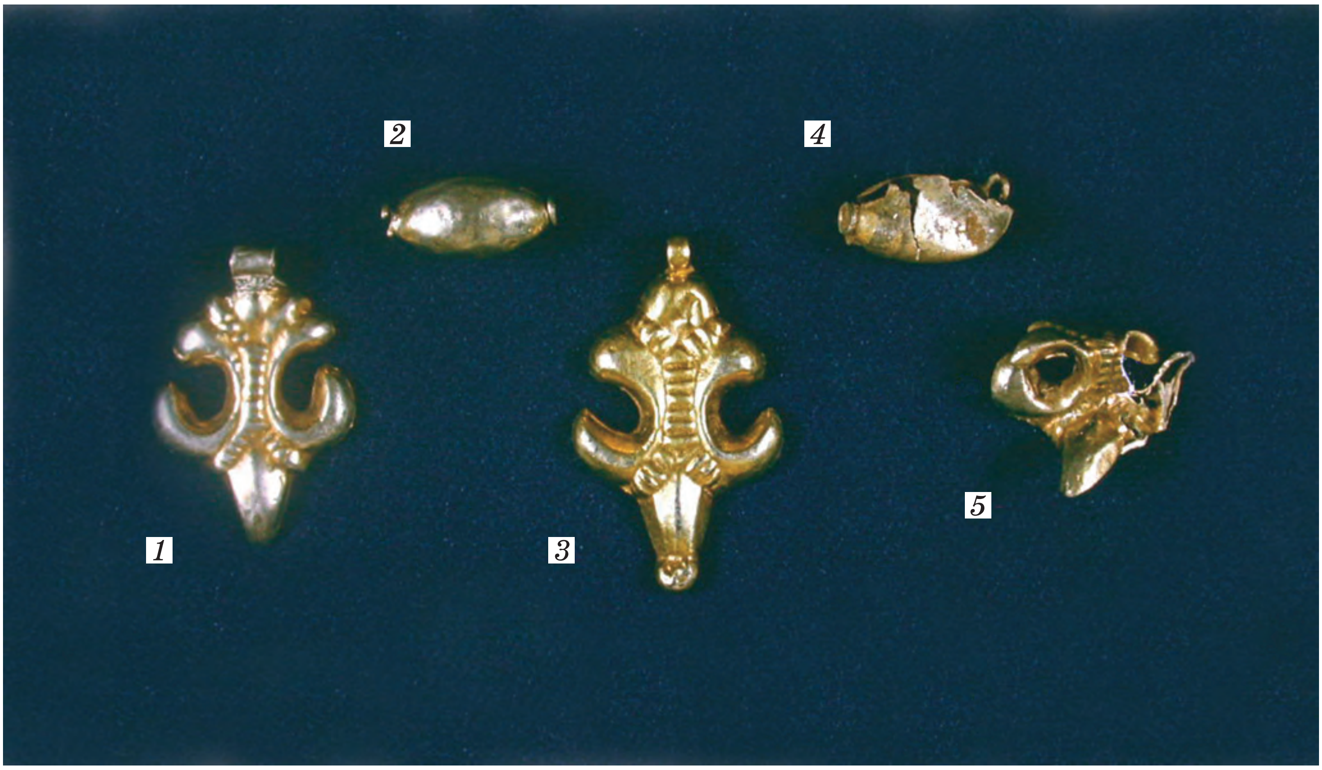

Рис. 44. Створчатый браслет

Рис. 45. Створчатый браслет (деталь)

Рис. 46. Крученый браслет

Рис. 47. Концы крученого браслета

Рис. 48. Гривны

ГЛАВА 5

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА

Одной из отличительных особенностей Вищинского замка является его превосходная коллекция разнообразных предметов, связанных с военным делом, в которой отразилась специфика поселения. Прежде чем перейти к подробному анализу этих вещей, мы хотели бы напомнить о находке глиняной фигурки всадника, которая, как и оружие, убедительно подчеркивает специфику поселения, является своего рода его символом. Ее обнаружили в северо-западной части городища, где был сосредоточен основной жилой комплекс замка. Фигурка сделана из светлой глины и хорошо обожжена. Местами сохранились следы поливы. Она изображает воина в шлеме верхом на коне. В правой руке всадника сабля, поднятая клинком вверх, которая тыльной стороной касается его плеча. Левая рука всадника и голова коня обломаны (цв. вклейка – рис. 25, 26).

5.1. ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ

Оружие ближнего боя представлено в вищинской коллекции перекрестием меча, пятью наконечниками копий, двумя навершиями булав и бронзовой гирей от кистеня.

Перекрестье меча было найдено на участке 8 (цв. вклейка – рис. 27, *1*). Оно узкое, бронзовое; украшено с обеих сторон гравировкой в виде примыкающих друг к другу окружностей, разделенных крест-накрест диагоналями (солярные знаки «колеса»). Находки мечей или деталей от них достаточно редки при раскопках, поскольку эти предметы не теряли и не выбрасывали.

Основным и наиболее распространенным оружием ближнего боя на Руси было копье. Это важнейшее оружие всадника и пешего воина имело ряд преимуществ перед другими видами. Оно было длиннее любого другого оружия ближнего боя и позволяло достать противника. Копьем можно было эффективно поражать даже защищенного броней и щитом врага. В летописи нередко описываются сцены использования копья как при обороне, так и при нападении. Копье не было таким дорогим и уникальным оружием, как, например, сабля или меч, и поэтому считалось массовым и демократическим оружием, что убедительно подтверждается археологически. Схватка противников начиналась обычно с применения копья, затем в ход пускалось другое оружие. Копье нередко определяло тактику ведения боя: вооруженная копьями конница сражалась в правильных построениях.

Очень крупный железный наконечник копья был найден в Вищине на участке 5 в третьем пласте квадрата 6 (рис. 63, *1*, цв. вклейка – рис. 28). К сожалению, посреди лезвия наконечник разломан на две половинки. Длина наконечника 45,5 см, длина лезвия 32 см, ширина 3,6 см. Диаметр втулки 3 см. Во втулке сохранились остатки истлевшего древка. Лезвие имеет ромбическое сечение. Плечики скошены, что позволяло удлинить копье без увеличения веса. Для определения типа наконечника копья воспользуемся типологией, предложенной А. Н. Кирпичниковым [1]. По форме лезвия его можно отнести к наконечникам удлиненно-треугольной формы типа III Б. Они появились на Руси в X в., но в X–XI вв. их было еще мало. Довольно широкое распространение этот тип копья получил в XII–XIII вв. По наблюдению А. Н. Кирпичникова, такие копья находят в феодальных замках и погребениях воинов, что позволяет отнести их к боевому, а не промысловому оружию [2].

На участке Б в третьем пласте квадрата 1 был найден наконечник узкого черешкового ромбовидного в сечении копья или дротика (рис. 63, *2*). Длина наконечника вместе с черешком – 25 см, причем черешок длиннее лезвия. На участке 12 в квадрате 9 был обнаружен черешковый наконечник дротика или сулицы (рис. 63, *3*). Перо плоское, достаточно широкое у основания. Кончик пера и черенок обломаны. Длина пера 4,3 см. Небольшой втульчатый железный наконечник копья с несколько обломанным концом узкого пера (рис. 63, *4*) был найден на участке 20 в квадрате 18 в первом пласте. Найденное на участке А в яме квадрата 20 изделие, возможно, также представляет собой втульчатый наконечник копья с обломанным узким лезвием или втулку копья (рис. 63, *5*).

Следующая категория оружия ближнего боя представлена булавами и гирей от кистеня.

Булавы считаются одним из древнейших видов оружия, ведущего свое происхождение от палицы или простой дубины. От одной вищинской булавы, найденной на участке Б в квадрате 30, сохранился только сильно деформированный бронзовый корпус навершия (цв. вклейка – рис. 27, *3*). Булава побывала в огне, отчего местами оплавилась и лишилась свинцового наполнения. Ее можно отнести к наиболее распространенному типу III булав с четырьмя боковыми пирамидальными шипами, расположенными в окружении восьми небольших округлых выступов. Между шипами местами просматривается орнамент в виде проволочного плетения. Навершия таких булав отливались по восковой модели в двухсторонней разъемной глиняной форме [3].

Второе навершие было найдено на участке 9 в квадрате 8 (см. цв. вклейка – рис. 27, *2*). Оно массивное, свинцовое (?), тяжелое, шаровидной формы (точнее, овальное в сечении: 50×30 мм). Вверху имеется несколько возвышающаяся круглая плоская площадка диаметром 20 мм, в центре которой проделано отверстие диаметром 6 мм. В нижней части булавы отверстие для крепления с рукояткой круглое, большое, диаметром 21 мм. Поверхность булавы покрыта ложной зернью. Навершие не похоже на классические булавы с шипами и, по-видимому, принадлежит к редкому типу подобного оружия. По своей форме оно очень напоминает костяные кистени из хазарского слоя городища Цимлянское, но больше их по размерам [4]. Изделие несколько деформировано в нижней части, возможно, повреждено плугом.

Подсобным ударным оружием ближнего боя на Руси был кистень. Боевая гиря привязывалась ремешком или веревкой к кисти правой руки или, чаще, – к короткой рукоятке. Кистень был легким, подвижным и в какой-то степени скрытым оружием, удобным для применения в быстрых конных схватках.

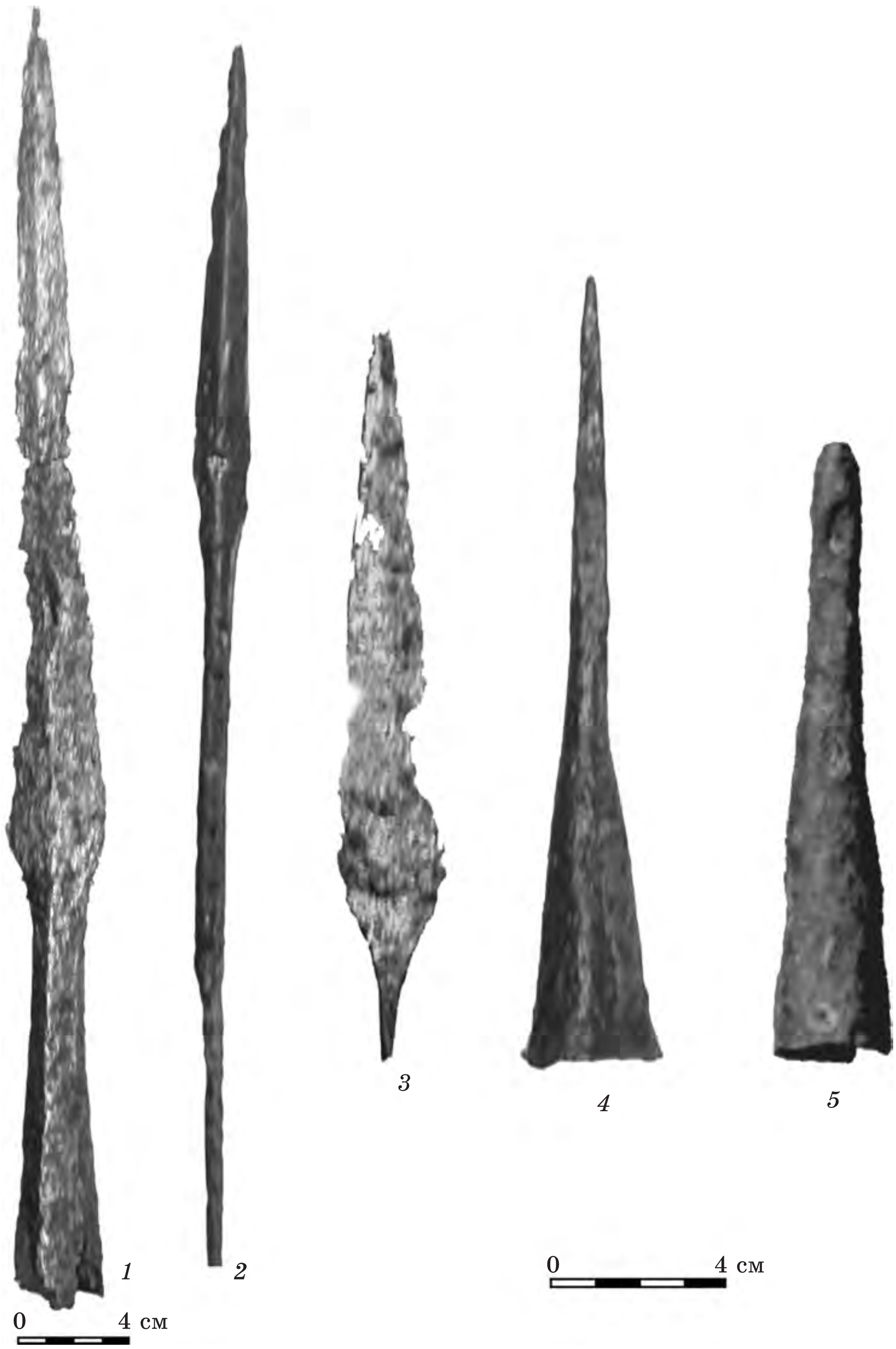

Рис. 63. Наконечники копий

Ловкий и внезапный удар мог поразить или оглушить противника. Обычно им пользовались, когда нельзя было применить основное оружие: во время неожиданных столкновений, в рукопашных схватках.

Кистень был найден на участке 2 в третьем пласте квадрата 12 (цв. вклейка – рис. 27, *4*; 29). По классификации, предложенной А. Н. Кирпичниковым, гиря относится к типу 2А. Она имеет шаровидную форму и покрыта мелкими горошкообразными выпуклостями, что является характерной чертой гирь этого типа. Такие гири получили распространение в XII–XIII вв., и в большинстве случаев их находили в городах южной и юго-западной Руси [5].

5.2. НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Следующая, наиболее многочисленная категория находок, относящихся к предметам вооружения, представлена на Вищинском городище наконечниками стрел. Всего их было найдено 15 экземпляров. Это не так уж много. Основные запасы, видимо, разграбили разрушители замка.

Как и всюду на Руси, наконечники из Вищина имеют различную форму, которая зависела главным образом от цели их применения. Так, для пробивания железных доспехов делались наконечники с узким массивным острием, а для стрельбы по незащищенному противнику – с широким. Имелось немало наконечников, отличных по внешнему виду, но одинаковых по функции. Форма наконечников дает возможность судить о степени развития техники, они являются хорошим материалом для датирования и в отдельных случаях позволяют судить об этнической принадлежности их владельцев.

Два вищинских наконечника относятся к типу втульчатых плоских двушипных [6]. Один (цв. вклейка – рис. 30, *1*) был найден на участке 1 в первом пласте квадрата 6. Его длина 65 мм, длина пера 40 мм, ширина пера 25 мм. Второй – на участке 1 в квадрате 23 в третьем пласте (цв. вклейка – рис. 30, *2*). Его длина 68 мм, длина пера 40 мм, ширина пера 20 мм. Двушипные втульчатые наконечники были распространены в западных районах Руси и, возможно, были заимствованы у западных соседей. Они употреблялись с VIII до середины XIII в. После монголо-татарского нашествия они исчезли. Наконечники этого типа в небольшом количестве найдены в Новгороде, Изяславле, Минске, Волковыске, на селище Хотомель и в других местах.

Остальные вищинские наконечники относятся к отделу черешковых. По форме пера они делятся на ряд типов.

Черешковый плоский наконечник стрелы с упором был обнаружен на участке 1 в квадрате 14 в третьем пласте (цв. вклейка – рис. 30, *3*). Его перо сделано из очень тонкой пластины. По форме пера наконечник близок к листовидным. Черешок короткий и тонкий. На одной стороне лезвие обломано. Длина наконечника 70 мм, длина пера 45 мм, ширина пера 20 мм. Наконечники этого типа были распространены повсеместно в течение XI–XIV вв. Ромбовидные с упором наконечники были найдены в Новгороде, Волковыске, Новогрудке и др.

Черешковый плоский листовидный наконечник найден на участке 34 в квадрате 8 в первом пласте (цв. вклейка – рис. 30, *4*). Кончик пера обломан. По форме в целом наконечник напоминает кинжаловидные, но его перо, широкое и тонкое, позволяет отнести наконечник к листовидным.

Черешковый плоский миниатюрный наконечник стрелы с ромбовидным, близким к листовидному пером и с упором был найден на участке 13 в квадрате 15 (цв. вклейка – рис. 30, *5*).

Особо следует выделить находку плоского черешкового срезня на участке 34 в квадрате 14 (цв. вклейка – рис. 30, *6*). Его перо широкое и массивное, заканчивается тупым углом. Хорошо выражен упор перед черенком. Похожий срезень в виде узкой удлиненной лопаточки с тупым острием и с упором был найден в Минске в слое последней четверти XIII в. [7]. Два таких наконечника были обнаружены в Новгороде в слоях второй половины XIII в. [8].

По наблюдениям А. Ф. Медведева, такие наконечники встречаются в древнерусских городищах, разгромленных монголо-татарами, и, видимо, связаны с монгольским нашествием. Они характерны для оружия монголо-татар. Много таких наконечников было найдено в валах Изяславля Волынского, разрушенного во время монголо-татарского нашествия.

Несколько наконечников можно отнести к типу кинжаловидных. Таковым является наконечник с длинным тонким плоским пером и плоской шейкой, заканчивающейся слегка утолщенным упором (цв. вклейка – рис. 30, *7*), найденный на участке 13 в квадрате 13 (кончик пера согнулся).

Другой наконечник стрелы (цв. вклейка – рис. 30, *8*) – черешковый, близкий по форме к кинжаловидному, но его перо утолщено, более массивное и приближается в сечении к плоскому диску. Упор в сечении почти круглый. Найден наконечник на участке 40 в квадрате 15.

Кинжаловидный наконечник с плоским и широким пером, переходящим в длинную, хорошо выраженную шейку, в сечении почти круглую, с упором (кончик пера обломан) был обнаружен на участке 4 в квадрате 19 (цв. вклейка – рис. 30, *9*).

Черешковый кинжаловидный наконечник стрелы с более короткой шейкой и вытянутым копьевидным массивным пером, дисковидным в сечении, с плоским упором был найден на участке 43 в квадрате 8 (цв. вклейка – рис. 30, *10*). По типу он близок к бронебойным.

Безусловно к бронебойным относятся пять наконечников. Черешковый бронебойный наконечник в виде кинжальчика с узким длинным пером, на котором хорошо выражено ребро, обнаружен на участке 5 в квадрате 21 (цв. вклейка – рис. 30, *11*). В верхней части перо в сечении дисковидное, ниже – ромбовидное с перехватом. Длина наконечника 68 мм, длина пера 35 мм, ширина пера 8 мм. Наконечники этого типа были распространены с IX до XIV в. Они были найдены в Новгороде, Волковыске и других местах.

Черешковый бронебойный, близкий к кинжаловидному наконечник стрелы происходит из квадрата 10 участка 43 (цв. вклейка – рис. 30, *12*). Его перо в сечении дисковидное, местами прослеживается ребро. Шейка в сечении круглая, плавно переходит в черенок (упор почти не заметен).

Черешковый бронебойный наконечник с короткой ромбической в сечении головкой и длинной круглой в сечении шейкой был найден на участке 5 в квадрате 1 в третьем пласте (цв. вклейка – рис. 30, *13*). Он может быть отнесен к кинжаловидным бронебойным наконечникам, для которых характерна более массивная головка кинжаловидной формы и более короткая граненая или крученая шейка. Длина наконечника 65 мм, длина головки с шейкой 42 мм, ширина головки 8 мм. Наконечники этого типа были распространены в XII–XIII вв. Их находили на Княжьей Горе, Девичь-Горе и в других местах.

Черешковый бронебойный игловидный (штыковидный) наконечник, четырехгранный, почти квадратный в сечении, был обнаружен на участке 43 в квадрате 6 (цв. вклейка – рис. 30, *14*).

Черешковый миниатюрный бронебойный наконечник стрелы с короткой шейкой, граненый, копьевидный, ромбический в сечении был найден на участке 11 в квадрате 3 (цв. вклейка – рис. 30, *15*).

Итак, из 15 найденных в Вищине наконечников 13 являются черешковыми. Половина из них (6 шт.) бронебойные. Особенностей в локализации находок наконечников не прослеживается – они разбросаны по всему городищу. Можно отметить, что $^1/_3$ была найдена в юго-восточных раскопах. Это, очевидно, утерянные или непригодные наконечники стрел. Цельные и пригодные, несомненно, унесли в качестве военного трофея воины, захватившие и разорившие замок.

5.3. ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

С возникновением феодального войска и развитием различных видов оружия и оснащения воина совершенствовались военные доспехи, или защитное вооружение. По его характеру можно в такой же степени судить о развитии военного дела, государственности и ремесла, как и по самому оружию. В Ипатиевской летописи с нескрываемой гордостью описываются сверкающие золотом доспехи и оружие галицко-волынского князя Даниила во время его пребывания в Венгрии в 1252 г. [9].

Защитное вооружение в материалах раскопок Вищинского городища представлено обрывками кольчуг и пластиной от пластинчатого доспеха.

Основным доспехом на Руси была кольчуга. Во французском эпосе XII в. ее называют «русской рубашкой». Считается, что кольчугу изобрели ассирийцы. В Европе она появилась во время великого переселения народов.

На Руси кольчуга известна с VIII–IX вв. [10]. Она представляла собой металлическую рубашку длиной 60–70 см. Ширина в поясе была около 50 см, длина рукава – около 25 см. Все кольчуги имели небольшой вес: 5–6 кг. Их изготовление было очень кропотливым и трудоемким делом, требовало огромного терпения и хороших навыков. Кольчуги изготавливались из спаянных железных колечек, выкованных из железной проволоки толщиной до 1,5–2 мм. По внешнему диаметру колечки достигали 7–9 или 13–14 мм. На плетение одной кольчуги требовалось в среднем 600 м железной проволоки, или около 20 тыс. колец [11]. Но все это компенсировалось удобством и надежностью этого средства защиты, что определило его популярность и широкое распространение.

В вищинской коллекции представлены обрывки от кольчуги-рубашки и других защитных приспособлений (предположительно бармицы).

Обрывок кольчуги 8,5×8,5 см был найден на участке 44 во втором пласте (рис. 64, *1*). Кольчуга состояла из крупных колец, имевших внешний диаметр 14–15 мм. Другой обрывок (рис. 64, *3*) был обнаружен на участке 1 в квадрате 17 в первом пласте. Его размеры 3×2,5 см, кольца более мелкие, в диаметре около 10 мм. Сечение проволоки около 1,5 мм. Этот обрывок, вероятно, не от самой кольчуги-рубашки, а от бармицы шлема. Отдельные колечки от кольчуги были найдены и на других участках.

Кроме кольчуги в качестве защитного вооружения использовались панцирные пластинчатые доспехи. Они проникли в русское войско еще в период образования древнерусского государства и были распространены вплоть до XV в. [12]. Довольно широкое бытование панцири получили в районах, граничивших со странами, в которых этот тип доспехов был обычным для тяжеловооруженного рыцаря.

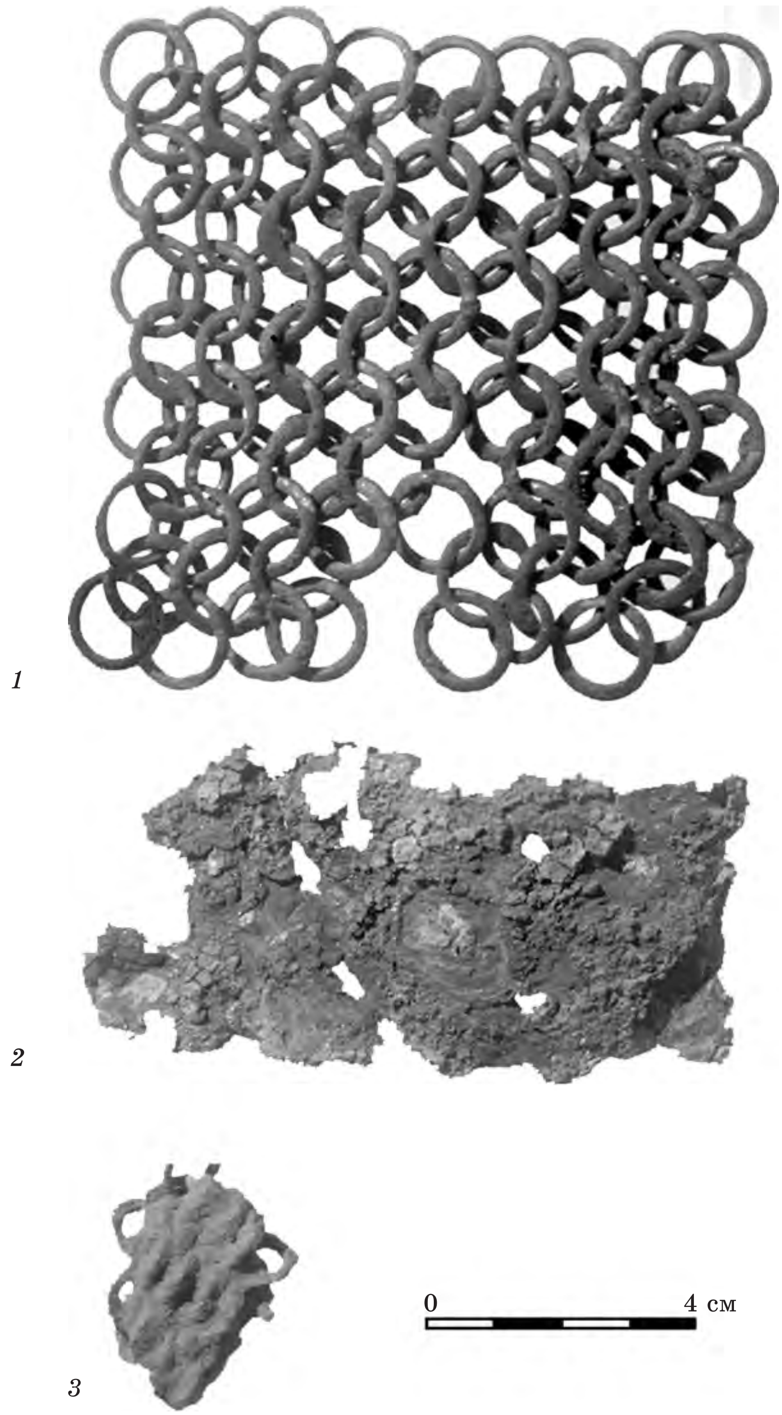

Рис. 64. Фрагменты защитного вооружения

Этот вид доспехов представлен на городище пластиной, которая нашивалась на кожаную подоснову (рис. 64, *2*). Ее нашли на участке 1 в третьем пласте квадрата 9. Размеры пластины 4×8,5 см. По ее краям расположены отверстия, которые служили для прикрепления к кожаной подоснове. Подобная пластина от рукава была найдена в Минске в слое середины XIII в. [13].

Железные пластинчатые доспехи были дорогими и употреблялись только для оснащения социальных верхов войска, что важно подчеркнуть при оценке состава населения Вищинского замка.

5.4. СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА И ВЕРХОВОГО КОНЯ

Всадник на Руси – это прежде всего воин-профессионал, который отличался высокой профессиональной выучкой и был разнообразно экипирован. Его боевой конь был своего рода живым оружием. При изготовлении снаряжения для всадника и верхового коня использовались те же передовые технические достижения, что и при производстве холодного оружия.

Снаряжение всадника и верхового коня на Вищинском городище представлено восемью шпорами, шестью стременами и двумя целыми удилами.

5.4.1. ШПОРЫ

Средневековые шпоры – это атрибут феодально организованных конных воинов, знак рыцарского достоинства. Их находки – надежный признак присутствия конной феодальной дружины. В Западной Европе шпоры имели важное символическое и общественное значение. Вместе с мечом их вручали при посвящении в рыцарство и преподносили в знак особого расположения [14].

По применению шпор Русь не только не отставала от западноевропейских стран, но и была одной из передовых рыцарских держав того времени. Производство шпор было подорвано в результате монгольского нашествия и в течение XIV–XV вв. постепенно угасло.

Одна из вищинских шпор (рис. 65, *1*) была найдена на участке 5 в квадрате 6. В профиле она имеет коленчато-изогнутую форму. Ветви дужки увенчаны дисковидными петлями. Длинный шип наклонен в сторону дужки на 129 градусов. По классификации А. Н. Кирпичникова, шпору можно отнести к типу III. Такие шпоры предназначались для тяжеловооруженных воинов и были распространены во второй половине XII – первой половине XIII в.

Шпора с длинным шипом, отогнутым книзу почти под прямым углом, была найдена на участке 20 в квадрате 19 (рис. 66, *3*). Одна дужка отломана. Петелька дисковидная. Шпору также можно отнести к типу III.

Похожая по профилю и шипу, но с прямоугольной петлей и двумя прорезями шпора (рис. 66, *1*) была обнаружена на участке 20 в квадрате 9 в первом пласте. Дужка и шип инкрустированы медью и серебром (?) в виде косых насечек.

Целая шпора с отогнутым прямым шипом и прямоугольной петелькой, имеющей две параллельные прорези, была найдена на участке 1А в квадрате 19 (на валу). Одна дужка погнута. Шпора относится к типу III (см. рис. 65, *2*).

Шпора с пирамидальным шипом и узкой прямоугольной петлей с двумя прорезями (см. рис. 65, *3*) была найдена на участке 4 в квадрате 25. По своим признакам она соответствует шпорам типа III.

Рис. 65. Шпоры

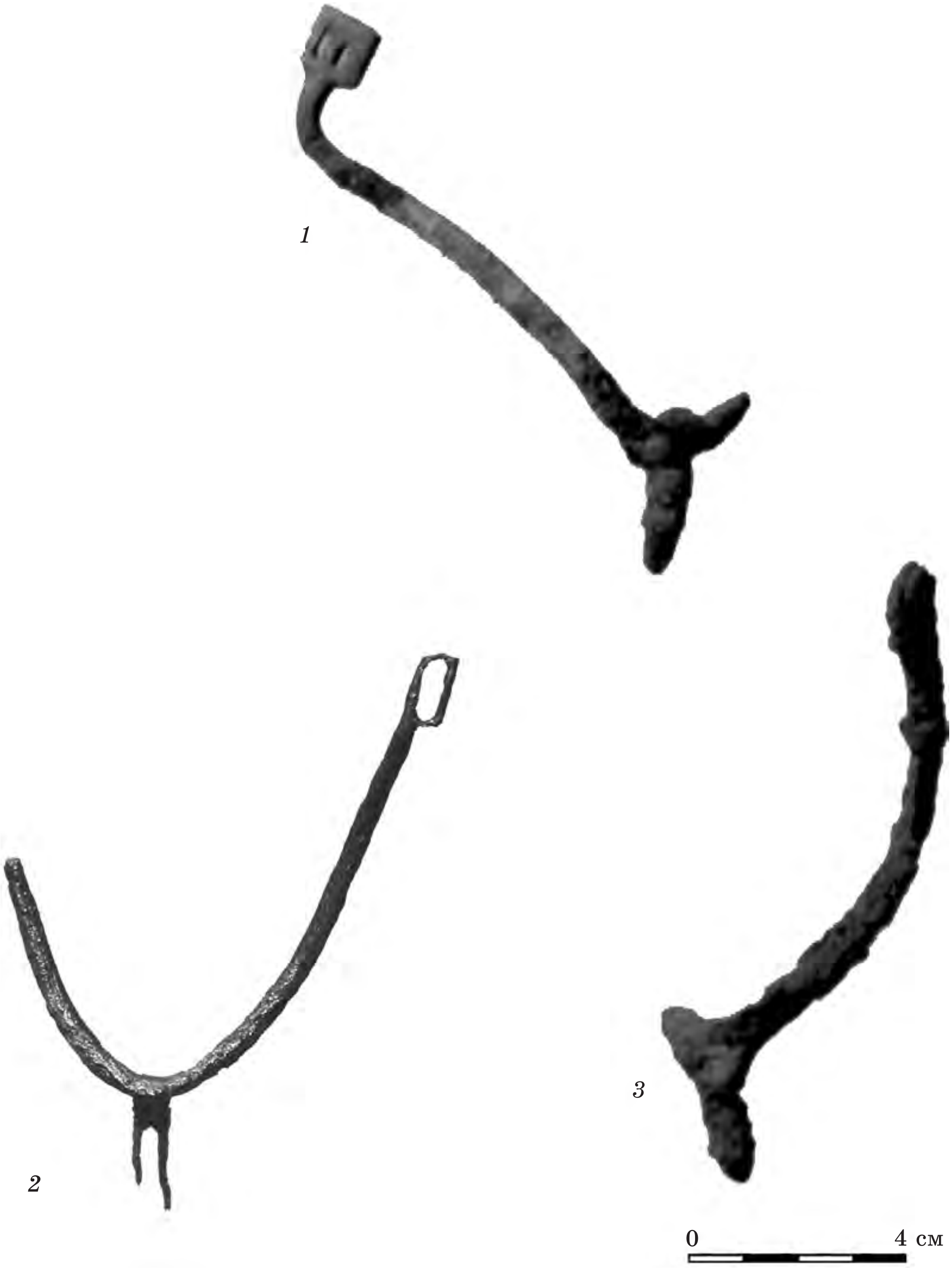

Рис. 66. Шпоры

Шпора с полуциркулярным изгибом дуг была обнаружена на участке А в квадрате 24 (рис. 65, *4*). Она имеет дисковидную петлю и шаровидный с острием шип, наклоненный к плоскости изгиба почти под прямым углом.

Особый интерес представляют колесиковые, или звездчатые, шпоры, которые рассматриваются как выдающееся техническое достижение. Колесиковые шпоры были единственным на Руси приспособлением для ножного управления конем, пережившим монгольское время. Их появление на Руси относят к 20–30-м гг. XIII в. В Вищине найдены две колесиковые шпоры. Одна была обнаружена на участке Б в квадрате 21 при расчистке материковой ямы. У нее узкая прямоугольная петля с одной прямоугольной прорезью для ремешка (рис. 66, *2*).

При всем разнообразии вищинских шпор нельзя не заметить, что обитатели замка, несомненно принадлежавшие к рыцарскому сословию, предпочитали шпоры одного типа – со стержневидным шипом. Вместе с тем они были в состоянии приобретать самые совершенные и, очевидно, самые дорогие шпоры с колесиком.

5.4.2. СТРЕМЕНА

В Европе стремена появились в период великого переселения народов. Металлические стремена и полужесткое седло, сабля, бронебойное копье и дальнобойный лук резко повысили боевую мощь войска. За счет прочного упора ног всадники приобрели устойчивость в ближнем бою [15].

Находки стремян на поселениях не так уж часты. Достаточно сказать, что в Минске, например, где были проведены самые крупные в Белоруссии раскопки, было обнаружено всего два обломка стремян. В Вищине же было найдено четыре целых стремени и два фрагмента.

Один экземпляр стремени имелся на участке 2 в квадрате 1 (рис. 67, *1*). У него круговой контур и прямоугольный выступ для ушка. По устройству дужки, подножки и ушка для путлища стремя, согласно типологии А. Н. Кирпичникова, относится к типу V, для которого характерна кольцевидная или овальная дужка. Такие стремена появились на Руси в X в. и были заимствованы у кочевников [16]. Их типологические признаки не были устойчивыми и трансформировались под воздействием более развитых конструкций. Так, стремя этого типа, найденное на Княжьей Горе, было снабжено подножкой и ушком, присущим типу стремян VII А. Близкая аналогия вищинскому стремени происходит из Бородинского замка на Смоленщине [17].

Второй экземпляр стремени (см. рис. 67, *3*) был найден на участке 5 в квадрате 1 при зачистке профиля стенки раскопа. Стремя имеет арочную форму и немного прогнутую подножку. Выступ для ремня прямоугольный. Подножка в плане овально-заостренная. Боковой профиль в виде перевернутой буквы «Т». Вся дужка украшена орнаментом: фигурной насечкой из прямых линий.

На боковых частях дужки в местах сочленения с подножкой хорошо выражены «кулачки». «Кулачки» на стременах рассматриваются как своего рода шпоры, облегчавшие управление конем. По форме и по профилю стремя можно отнести к типу VII А, который был широко распространен по всей Руси в XII в. и удерживался до середины XIII в. Массовое производство таких стремян объясняется желанием профессиональных всадников иметь устойчивую плоскую опору для ног. Эти стремена предназначались для тяжеловооруженных воинов, обутых в обувь с жесткой подошвой. Все погребения, в которых были

обнаружены стремена этого типа, включали оружие, присущее именно тяжеловооруженным воинам. По мнению А. Н. Кирпичникова, такие стремена являются своеобразным показателем ударной мощи войска, особенно возросшей в XII в. [18].

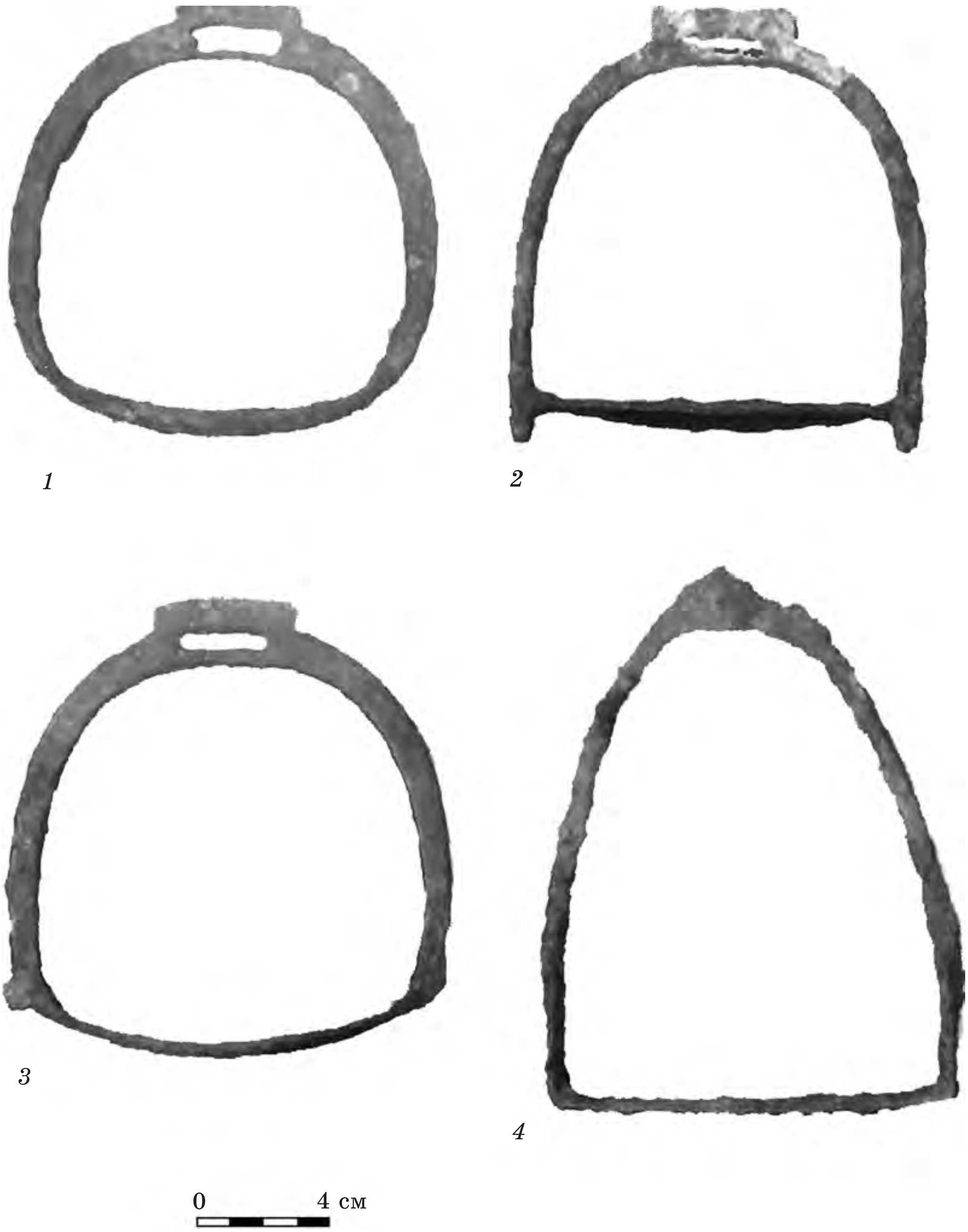

Рис. 67. Стремена

Третий экземпляр стремени, найденный на участке 5 в квадрате 1 (рис. 68, *1*), имеет почти такую же форму, что и описанный выше, но отличается хорошо прогнутой подножкой. Дужка в верхней части уплощена и украшена насечкой. В местах сочленения дужки с подножкой также имеются небольшие выступы-«кулачки». Прорезь для путлища прямоугольная. По форме это стремя можно отнести к типу VII, который отмечен «смягченной угловатостью»: плавным переходом дужки в прямую или несколько прогнутую подножку. Ушко для путлища всегда прорезано в верхней части дужки, которая иногда имеет стрельчатое завершение.

Стремена типа VII появились на Руси в XI в., однако основная масса находок приходится на XII–XIII вв. Именно в это время они становятся наиболее популярными, что объясняется удобным устройством их слегка прогнутой подножки, предназначенной для обуви с подошвой разной степени жесткости. Основная часть стремян данного типа из погребений поросских черных клобуков была найдена вместе с оружием, принадлежавшим тяжеловооруженным воинам (мечами, саблями, кольчугами, шлемами, стрелами и т. п.).

По мнению А. Н. Кирпичникова, производство таких стремян приобрело стандартный характер благодаря налаженности городского ремесла. Эволюция стремян этого типа была прервана монгольским нашествием [19]. Наиболее близкая аналогия вищинскому стремени происходит из Бородинского замка на Смоленщине [20].

Четвертый экземпляр стремени (см. рис. 67, *2*), найденный на участке 2 в квадрате 1, имеет арочную форму дужки и прямоугольный выступ с прорезью для путлища, как и стремена типа VII А. Но по технологии сочленения дужки с подножкой стремя может быть отнесено к типу VIII: у него подножка приварена к дужке, а концы дужки свободно свисают за подножку. Однако для стремян типа VIII характерно иное устройство дужки и ушка. Вищинский экземпляр совмещает в себе признаки стремян типа VII А и VIII и занимает как бы промежуточное положение между ними. Однако при определении типа данного стремени нам представляется более существенной чертой форма не верхней его части, а нижней, связанной с иной техникой изготовления стремени. Поэтому мы относим его к типу VIII. Несомненно, что и оно предназначалось для тяжеловооруженного всадника. Кроме целого стремени в Вищине была найдена также нижняя часть стремени такого же типа – подножка со свисающими концами дужки (рис. 68, *1*).

Наконец, шестой целый экземпляр вищинского стремени был обнаружен на валу городища сразу под дерном. Стремя имеет несколько необычную вытянутую форму с прямой подножкой. В заостренной верхней части вместо прорези – крупная заклепка (см. рис. 67, *4*). Хотя изделие найдено почти на поверхности и не может быть увязано стратиграфически с конкретным слоем, оно является органической частью древнерусского вещевого комплекса, относящегося, по-видимому, к заключительному периоду существования замка. Оно близко к типу X древнерусских стремян, датирующихся XII–XIV вв. Их называют трапециевидными. А. Н. Кирпичников считает, что такой тип появился на Руси под влиянием европейской конной борьбы после 1150–1200 гг.

Таким образом, все стремена, найденные на Вищинском городище, предназначались для тяжеловооруженных всадников и в целом относятся к одному периоду: второй половине XII – первой половине (или середине) XIII в.

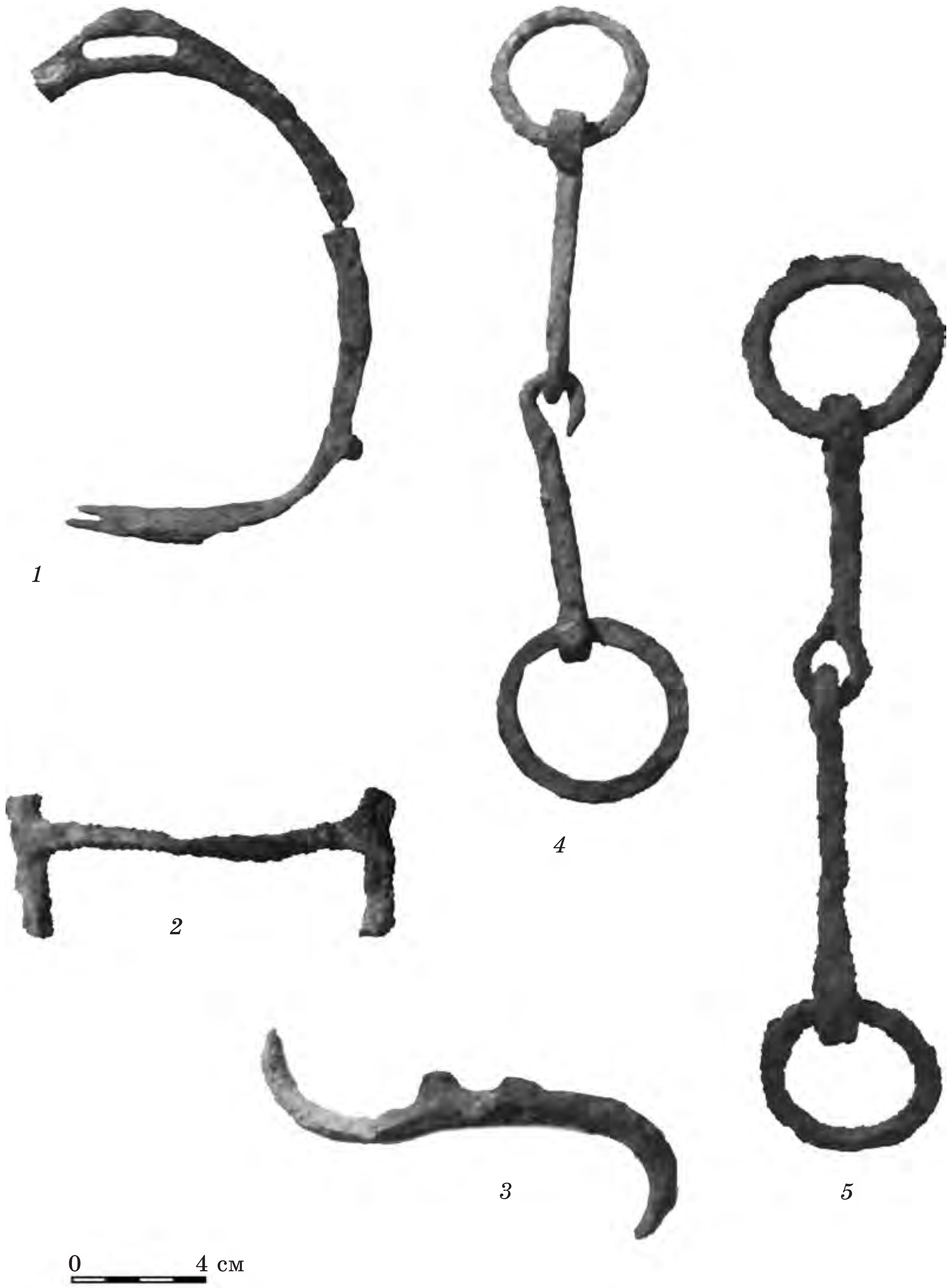

Рис. 68. Предметы снаряжения всадника и верхового коня

5.4.3. УДИЛА

Третья категория предметов снаряжения всадника и верхового коня представлена двумя целыми удилами и одним звеном от грызла с обломанной петлей. Удила являются весьма ответственной частью узды. Они состоят из единого или двух-, трехчленного грызла (межзубья), колец и боковых ограничителей – псалий. Для определения типа удил Вищинского городища мы также воспользуемся классификацией А. Н. Кирпичникова.

Целое удило (рис. 68, *4*) было найдено на участке 5 в квадрате 10 во втором пласте. По своему устройству оно относится к типу IV и состоит из двух подвижных звеньев и двух колец. Функцию псалий у удил этого типа выполняют поводные кольца. Удила с одной парой колец наиболее универсальны. С их распространением значительно упростился процесс изготовления узды. Распространение на Руси удил с одной парой колец совпало с выдвижением конницы как главной формы организации войска. Их появление относится к IX–X вв. В XI–XII вв. они уже использовались повсеместно [21]. Постепенно кольчатые удила вытеснили все другие формы. Другое целое, очень крупное удило такого же типа было обнаружено на участке 6 в квадрате 13 (рис. 68, *5*).

Звено от грызла с обломанной петлей было найдено на участке 1 в квадрате 13. Определить по нему тип удила затруднительно, так как большинству типов присущи практически одинаковые грызла. Но можно предположить, что и оно принадлежало удилу типа IV. В раскопках попадались также кольца, возможно, от удил.

Несколько неожиданной оказалась находка на участке 16 в квадрате 8 эсовидного псалия – детали особого рода уздечки (рис. 68, *3*), выполнявшей роль прищечного ограничителя. Псалии соединялись с удилом и облегчали управление конем. Удила с псалиями были очень эффективны при обуздании коня [22]. Необычность вищинского экземпляра состоит в том, что аналогичные псалии встречаются на Руси крайне редко, и автору этой книги не известна ни одна подобная находка не только на территории Беларуси, но и в соседних областях. Более того, по мнению А. Н. Кирпичникова [23], эсовидные псалии датируются довольно ранним временем – VII–IX вв., что никак не соответствует хронологии вищинского культурного слоя. В книге, специально посвященной предметам снаряжения всадника и верхового коня, А. Н. Кирпичников приводит рисунок близкого по типу псалия из могильника Максимовка около Мурома, раскопанного В. А. Городцовым в 1878 г. [24]. Находка датирована X в. [25]. Однако, судя по найденным в нем стременам, могильник функционировал и в XIII в. [26]. Поэтому вполне правомерно предположить, что и найденный в нем псалий относится к более позднему периоду. В таком случае вищинская находка, как и все остальные предметы материальной культуры, не выходит за хронологические рамки XII–XIII вв.

Завершая обзор находок, связанных с военным делом, можно отметить, что по составу предметов вооружения и снаряжения всадника Вищинское городище очень напоминает соседние феодальные замки Смоленской земли. Чувствуются общие источники поступления предметов вооружения и сходный уклад жизни обитателей укрепленных усадеб, которые, очевидно, поддерживали между собой постоянный контакт. Единый характер вооружения определялся не только общими тенденциями развития военного дела на Руси, но и региональными особенностями, тесными связями областного рыцарства, общими

политическими и социальными интересами феодальной верхушки. Участие в совместных походах, вассальные отношения предоставляли достаточно возможностей для «обмена опытом» и унификации военной амуниции, определяли как специфический образ древнерусского феодального класса в целом, так и некий областной колорит.

1. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966.
2. Там же. С. 14.
3. Там же. С. 53.
4. Там же. Табл. XXX, *2*.
5. Там же. С. 62.
6. Типология наконечников дается по книге: *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострелы) VIII–XIV вв. М., 1966.
7. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Мн., 1982. С. 219. Табл. X, *6*.
8. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 167.
9. ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 813–814.
10. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971. С. 9.
11. Там же. С. 13.
12. Там же. С. 16–17.
13. *Загорульский Э. М.* Указ. соч. Табл. XI.
14. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. С. 51.
15. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIV вв. Л., 1973. С. 43.
16. Там же. С. 48.
17. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М., 1960. С. 112. Рис. 57, *10*.
18. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIV вв. С. 51.
19. Там же. С. 50.
20. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). С. 112. Рис. 57, *11*.
21. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIV вв. С. 16.
22. Там же. С. 12.
23. Выражаю благодарность А. Н. Кирпичникову за консультацию.
24. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIV вв. С. 13. Рис. 5, *2*.
25. Там же. С. 90 (таблица).
26. Там же. С. 104 (таблица).

ГЛАВА 6

ВИЩИНСКИЙ КЛАД 1979 г.

Третий год раскопок Вищинского городища увенчался открытием, о котором никто не мог и мечтать. 24 июля 1979 г. на участке В, где исследовались остатки крепостных сооружений – сгоревшая деревянная стена, был найден уникальный клад. Ему предшествовала находка сверкающей золотом криновидной подвески, которая лежала под дерном на плоской поверхности большого камня (см. цв. вклейка – рис. 11, *2*). Вскоре в квадрате В2 между скоплением крупных камней, разбросанных вдоль остатков крепостной стены, был обнаружен клад, спрятанный в лунку между камнями (рис. 69; цв. вклейка – рис. 31). Вероятнее всего, он был помещен в мешочек, ибо вещи располагались компактно, плотно одна к другой и не в горизонтальной, а в вертикальной плоскости. Сложить их так без тары едва ли было возможно, да и времени для этого у владельца клада, очевидно, не оставалось. Клад был едва прикрыт землей. Захоронение происходило в спешке, хозяин явно рассчитывал очень скоро за ним вернуться, но не смог. Военная опасность, осада и штурм замка войском грабителей, охвативший крепость пожар, скорее всего, побудили владельца второпях спрятать самое дорогое, что у него было. Видимо, смерть в бою помешала ему вернуться за своим богатством. То ли клад был зарыт втайне ото всех, то ли погибли и другие соучастники этого действа, но он пролежал в земле, на ничтожной глубине, почти на поверхности 726 лет. Эту цифру мы попытаемся обосновать позже.

Не раз рядом прошелся плуг, но то ли большие камни, окружавшие сокровище, то ли близость рва (тайник располагался на окраине городища) заставляли пахаря разворачивать коня перед самым местом, где оно было зарыто. Впрочем, частично клад все-таки был потревожен. Криновидная подвеска была найдена чуть в стороне от него. Когда клад был извлечен из земли, возникло подозрение, что в нем отсутствуют некоторые предметы, которые должны были быть. Он выглядел как бы некомплектным. Не хватало, в частности, одного колта, которые в декоре обычно представлены парами. Не дожидаясь, пока будет раскопан весь участок В, мы заложили небольшую траншею от места расположения клада к востоку. Слова автора этой книги, что сейчас мы найдем еще один колт, были восприняты как шутка. Но судьба была благосклонна к нам. В метре от клада мы нашли недостающий колт и одну золотистую бусину. Комплектность была восстановлена. Три года спустя на участке 11 были найдены еще одна аналогичная криновидная подвеска, а также плетеный серебряный перстень, которые могли входить в состав клада, но

выпали из мешочка по дороге к месту захоронения. Во всяком случае, они хорошо дополняли комплект.

И лопата, и нож, и даже кисточка были слишком грубыми инструментами для расчистки и извлечения из земли клада. Спрятанные вещи были окружены камнями и, чтобы не нарушить общей картины и лучше представить себе обстоятельства, при которых был зарыт клад, а также как можно точнее задокументировать его, не хотелось ни разбирать, ни перемещать камни. Мы стали его выдувать, насколько это было возможно. Добровольцы с большой охотой ложились на землю и по очереди дули на скопление присыпанных песком сверкающих предметов. Все это нужно было пережить. Клады редко находят в раскопках. Археологов, которым посчастливилось найти дорогие клады, можно пересчитать по пальцам. Обычно их обнаруживают другие люди, далекие от археологии, и очень часто науке становится известной только часть кладов или же часть содержавшихся в них предметов. Многое было безвозвратно утрачено. А здесь такая удача!

Всю процедуру извлечения клада мы сняли на цветной фильм. Прошло более двадцати лет, а необыкновенные ощущения настолько живы и сильны, что,

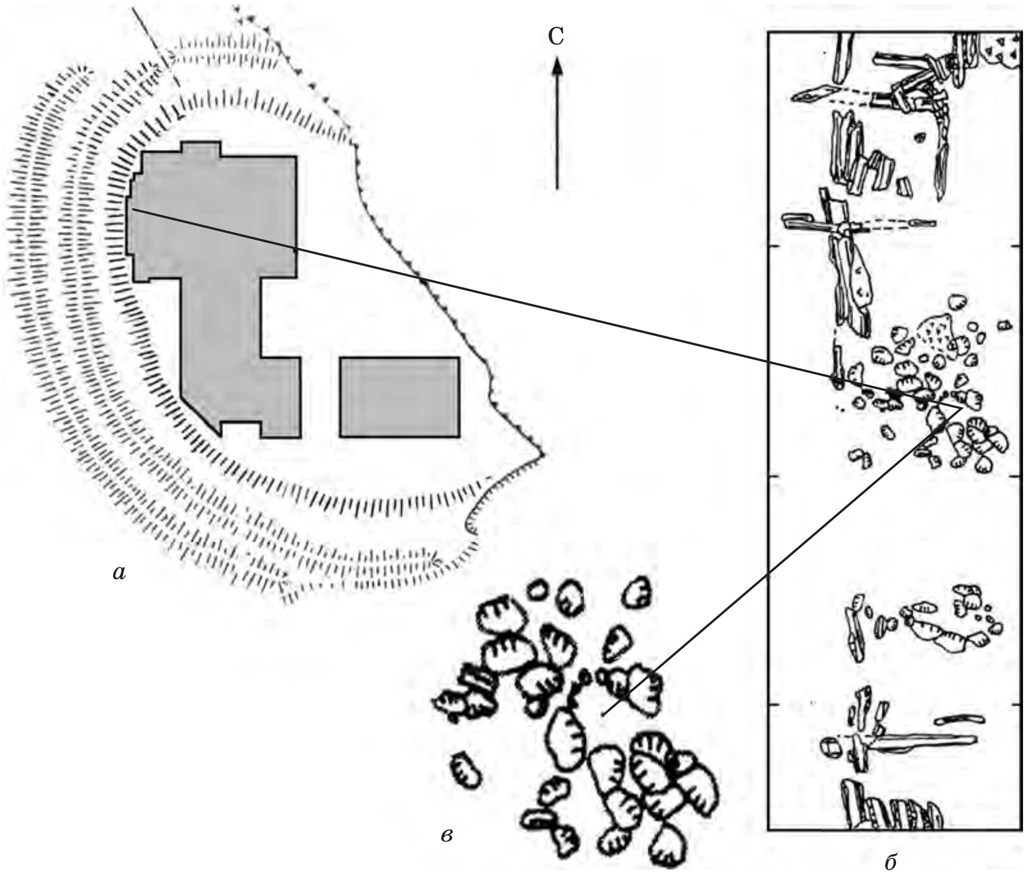

Рис. 69. Место захоронения клада:
а – местонахождение клада на городище; *б* – место клада в раскопе В;
в – место клада в скоплении камней

кажется, помнится каждый момент того дня. Вот перечень вещей, которые содержал вищинский клад.

1. Колт из желтого металла с перегородчатой эмалью и изображением птиц и крина.
2. Колт из желтого металла с перегородчатой эмалью и изображением птиц и крина (найден неподалеку от клада).
3. Колт серебряный звездчатый шестиконечный.
4. Колт серебряный с ажурной каймой.
5. Шлемовидная шумящая подвеска (рясна). Серебро.
6. Шлемовидная шумящая подвеска (рясна). Серебро.
7. Браслет серебряный витой из трех проволок.
8. Двухстворчатый серебряный браслет-обруч.
9. Подвеска криновидная из желтого металла.
10. Подвеска криновидная из желтого металла.
11. Подвеска криновидная из желтого металла.
12. Ушко от криновидной подвески.
13. Бусина овальная пустотелая из желтого металла.
14. Бусина овальная пустотелая из желтого металла (обломок).
15. Бусина овальная пустотелая из желтого металла (обломок).
16. Цепочка от колта, составленная из полуцилиндриков.
17. Цепочка от колта с согнутым полуцилиндриком.
18. Полуцилиндрик от цепочки.
19. Полуцилиндрик от цепочки (фрагмент).
20. Гривна денежная новгородского типа. Серебро.
21. Гривна денежная новгородского типа. Серебро.
22. Гривна денежная новгородского типа. Серебро.
23. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
24. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
25. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
26. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
27. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
28. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
29. Гривна денежная «литовского» типа. Серебро.
30. Гривна денежная «литовского» типа ($^2/_3$ гривны). Серебро.
31. Гривна денежная «литовского» типа ($^1/_3$ гривны). Серебро.
32. Гривна денежная киевского типа. Серебро.
33. Гривна денежная киевского типа. Серебро.
34. Гривна денежная киевского типа. Серебро.
35. Гривна денежная киевского типа. Серебро.
36. Гривна денежная киевского типа. Серебро.
37. Гривна денежная киевского типа. Серебро.

Таким образом, клад состоял из 37 единиц и включал в себя вещи и денежные слитки, т. е. является денежно-вещевым. Поскольку Вищинский замок относится к категории владельческих поселений, клад приоткрывает завесу над тем, чем располагал рядовой феодал, каковы были его накопления, выраженные в дорогих украшениях и денежных слитках. Напомним, что тот период был безмонетным и в качестве денег ходили серебряные палочки-гривны или их куски, отрубленные от целой гривны. Находка клада интересна еще и пото-

му, что замок подвергся разграблению и при раскопках были обнаружены только те вещи, которые были случайно утеряны или пришли в негодность. Поэтому обо всем комплексе предметов материальной культуры, которыми располагал владелец замка, мы имеем лишь фрагментарное представление. Нарисованная на основании раскопок картина неадекватна тому, что было на самом деле (цв. вклейка – рис. 32, 33).

Перейдем к более обстоятельному анализу содержимого вищинского клада. Как видим, он представлял собой комплект дорогих украшений, включавший два колта с перегородчатой эмалью, два серебряных колта (звездчатый и колт с ажурной каймой), две шлемовидные подвески, два браслета (витой и обруч), ожерелье из трех криновидных привесок и золоченых бусин, цепочки, с помощью которых колты закреплялись на очелье. Возможно, как уже упоминалось, с кладом связан также серебряный перстень, оброненный по пути к тайнику или перемещенный во время вспашки. Все перечисленные украшения – шедевры древнерусского ювелирного ремесла, и клад может быть поставлен в один ряд с известнейшими кладами из Киева, Старой Рязани и других мест.

Самыми дорогими и сложными вещами, несомненно, являются колты из желтого металла, украшенные перегородчатой эмалью (цв. вклейка – рис. 35, 37). Они входили в состав сложного головного убора древнерусской женщины и при помощи цепочек крепились к очелью. Как правило, они состояли из двух спаянных пластин со свободным пространством между ними. Предполагается, что туда закладывались пахучие вещества, благовония – своего рода духи.

В кладе имелось два таких колта. Интересно отметить, что эмаль лучше сохранилась на том экземпляре, который находился в составе клада. Другой колт был выпахан и несколько перемещен. Видимо, условия среды оказались менее благоприятными для сохранения эмали, со временем она почти полностью разрушилась. Тем не менее рисунок на колтах и техника изготовления вполне просматриваются.

Оба колта небольшие по размеру и близки по форме к кругу. Перегородчатая эмаль украшает обе их стороны. На каждом рисунке изображены две птички, повернутые друг к другу головками и хвостами. Птицы – излюбленный образ и в языческой мифологии, и в христианстве. Они считались предвестниками приятных новостей, покровителями и хранителями семейного благополучия.

Между изображениями птиц в условной форме показан крин (лилиевидный цветок). Детали рисунка, выполненного перегородками, видны хорошо, но эмаль зеленого цвета, которая заполняла промежутки, к сожалению, сохранилась фрагментарно только на одном из колтов.

Колты с эмалью в дорогих уборах стали популярны со второй половины XI в., но лучше всего представлены в киевских кладах, зарытых в период между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. В них можно найти наиболее близкие аналоги вищинским колтам. Скорее всего, такие колты изготавливались на заказ из материала заказчика ювелирами киевских мастерских [1].

В середине XII в. с развитием ювелирных техник тиснения, зерни и скани в моду вошли легкие и изящные серебряные колты, украшенные чернью, которые дополнили золотой декор состоятельных женщин Древней Руси. К таким украшениям относятся два серебряных колта из вищинского клада. Один из них звездчатый, или лучистый, другой – с ажурной каймой (цв. вклейка – рис. 36).

Звездчатый серебряный колт был сильно поврежден еще в древности (цв. вклейка – рис. 36). У него отломан один луч, отсутствует лунница на одной стороне, в

верхней части нет ушка и петли. Зато такое состояние колта позволило заглянуть внутрь и лучше понять его устройство и технику изготовления. Это довольно сложное изделие, требовавшее от мастера высокого профессионализма и умения владеть различными техническими приемами.

Колт имеет шесть лучей, завершающихся на концах пирамидками из пяти напаянных шариков. Диаметр колта 52 мм, центрального шарика 3 мм, концевых – 2,5 мм, мелких на концах – 2 мм. Поверхность колта украшена сканью и зернью. Высокая центральная полусфера была вытиснена на матрице или, скорее, получена техникой выплеска. Ее поверхность украшена четырьмя сканными кольцами. Между ними внизу уложены пирамидкой по три проволочных колечка. Сканные кольца, в свою очередь, украшены четырьмя проволочными колечками, образующими крестики. В верхней части полусферы четыре зерна образуют основание, на которое припаян шарик. Вокруг основания центральной полусферы расположены два сканных кольца и ряд проволочных колечек. Лунница плоская, окаймлена сканью. Верхняя часть украшена проволочными колечками. Дужка представляет собой кольцо, на которое надета и припаяна на концах рогов лунница. Это хорошо видно изнутри. Один конец дужки впаян в рог лунницы и обвит сканью, второй расплющен и имеет отверстие. На другом роге лунницы кольцо изготовлено из пластины.

Шесть концов колта сделаны из цельных пластин в форме пустотелых конусов, или капель, имеют один боковой шов. От концов лучей к основанию расходятся шесть сканных линий. На каждом конце припаяно по пять серебряных шариков (на одном конце они не сохранились). Из-за отсутствия на обратной стороне колта полусферы можно видеть внутреннюю конструкцию изделия. В основании колта лежит цилиндр из серебряной полоски, концы которой заведены один за другой и не спаяны. К цилиндру с двух сторон припаяны центральные полусферы, которые, по-видимому, выдавливались из пластины. Полусфера, таким образом, возвышается на плоском основании. Концы колта скреплялись с цилиндром проволокой, продетой через основания концов. Проволока обворачивалась вокруг цилиндра, концы ее скручивались, и лучи колта прижимались к цилиндру. Ни концы, ни полусферы к цилиндру не припаивались. Лучи же спаивались с пластиной полусферы. Чтобы замаскировать соединения и пайку, по наружному краю припаивались в два ряда проволочные колечки.

Близкие аналоги вищинскому звездчатому колту хорошо известны в киевских кладах [2], в Старой Рязани, на городище Княжья Гора и т. д. [3].

Второй серебряный колт относится к типу ажурных (цв. вклейка – рис. 36). Он имеет форму легкого овала, близкого к кругу. Его ширина 46 мм, высота 36 мм. В своей основе колт имеет круглую коробочку для благовоний, на которой с двух сторон крепятся вставки с изображениями. От коробочки отходят проволочные лучики, соединенные по краям общим внешним обручем и составляющие ажурное обрамление колта.

На одной серебряной вставке, которая, вероятно, находилась на лицевой стороне колта, изображены две птички на черненом фоне. Их головки повернуты друг к другу. Между птичками помещен крин. Фон вставки черненый. Детали изображения доработаны резцом. Оборотная сторона колта украшена вставкой с изображением крина, который по бокам окружен чернеными геометрическими линиями в виде скобок. Вверху изображение несколько повреждено.

С обеих сторон плоскостей коробочки припаяны две пластины, соединенные между собой третьей. Обе лицевые пластины украшены витой проволоч-

кой. Вверху лицевые пластины соединены общим стержнем со множеством нанизанных на нем мельчайших колечек. На концах стержня устроено крепление с дужкой. Через цепочку, соединенную с дужкой, колты обычно подвешивались к головному убору. Элементы таких цепочек имелись среди предметов из клада, но не были закреплены на колтах.

Изображение на вставках выполнено методом штамповки (тиснения) на матрицах. При изготовлении колтов применялись скань и чернь. Техника чернения состояла в покрытии изображения особым составом черного матового цвета. Чернью выполнены изображения на обеих сторонах вищинского колта. Правда, на обратной стороне чернь сохранилась плохо. Практически все части колта украшены сканью.

Серебряные колты с ажурной каймой, аналогичные вищинскому, встречались чаще всего в кладах и хорошо известны. Так, в 1884 г. в г. Переяславле (Украина) во время рытья ямы для подвала был обнаружен клад, в котором также имелся серебряный колт с ажурной каймой. Вставки были украшены чернью и геометрической гравировкой [4]. При проведении земляных работ в Киеве случайно был найден ряд кладов, которые тоже содержали подобные колты. В 1893 г. на углу Сретенской и Малой Владимирской улиц во время канализационных работ на значительной глубине был обнаружен клад в глиняном горшке, прикрытом железным кружком, с парными серебряными колтами с каймой из проволочных петель. На обеих сторонах одного колта на черненом фоне имелись изображения. От второго колта сохранилась только дужка.

В 1903 г. в ограде Михайловского монастыря при закладке фундамента для монастырской гостиницы на глубине 2,3 м лошадь провалилась ногой в небольшую яму, в которой был найден клад в горшке. Клад содержал парные серебряные колты с ажурной каймой. На черненом фоне вставок был изображен грифон [5].

Некоторые колты были найдены в процессе проведения археологических исследований. Так, в 1908 г. в Киеве на усадьбе Десятинной церкви во время раскопок был обнаружен клад, в состав которого входили парные серебряные колты с ажурной каймой. На вставках имелись изображения на черненом фоне. Там же в 1936 г. во время работ Киевской археологической экспедиции АН УССР на глубине 3 м был найден клад, в котором имелись и серебряные колты с ажурной каймой.

В Белоруссии серебряные колты с ажурной каймой были найдены при раскопках Минска и Бреста [6].

Исследователи помещают колты с ажурной каймой в хронологические рамки 1170–1240 гг. [7]. Сравнивая все известные находки колтов с ажурной каймой, нельзя не заметить, что хотя они относятся к одному типу, имеют одну и ту же конструкцию и состоят из одинаковых элементов, но тем не менее все они разные. Нет совершенно идентичных экземпляров. Даже в составе одного клада, будучи представленными парами, колты отличаются друг от друга. Как это объяснить? Почему, выполняя заказ (а изделия подобного рода, несомненно, изготавливались на заказ, а не шли на рынок потоком), мастер не копировал их, что было бы значительно проще, ибо не только литье, но и работа на матрицах позволяли это делать? Говорит ли это о требовательности к себе мастера, который рассматривал свое изделие как произведение искусства и не желал повторяться? Такого исключать нельзя. Великие мастера, не желавшие ставить свое творчество на поток, существовали, вероятно, всегда. Но, видимо, та-

ковы были и требования заказчика. Знатные женщины не хотели носить совершенно одинаковые вещи. И все же такое объяснение не может удовлетворить полностью. Наверное, во все времена были и женщины, которые желали иметь точно такие же вещи, как и у соперниц. Но, судя по всему, даже парные колты, принадлежавшие одному владельцу, не были совершенно одинаковыми. Здесь уже определяющим моментом была или мода на ношение в чем-то отличавшихся друг от друга элементов головного убора, или какое-то устойчивое поверье, исключавшее абсолютную идентичность. Между прочим, это наблюдение касается не только колтов с ажурной каймой, но и других дорогих украшений.

Кроме колтов, украшения для головы были представлены в вищинском кладе двумя великолепными серебряными шлемовидными шумящими подвесками – ряснами, которые были одним из самых изящных, изысканных и виртуозно исполненных изделий древнерусских ювелиров.

Каждая подвеска представляет собой полую коническую верхушку со свисающими цепочками, на которых в три яруса размещены полые бляшки. В верхней части конуса есть петля, при помощи которой подвески крепились к головному убору (цв. вклейка – рис. 38).

Верхушка одной подвески имеет шлемовидную форму (отсюда и название) с выпуклым сферическим дном (цв. вклейка – рис. 38, *2*). Высота верхушки 20 мм, диаметр у основания 25 мм. Поверхность конуса разделена полосками на четыре сектора. Каждый сектор, представляющий собой равнобедренный треугольник, украшен орнаментом, выполненным зернью. При этом рисунки не повторяются (цв. вклейка – рис. 39). Один сектор покрыт ромбиками из четырех зернышек. Второй – ромбиками, в которых количество зернышек уменьшается по мере приближения к верхушке треугольника (от десяти внизу до четырех вверху). Третий и четвертый секторы украшены ромбиками с различной комбинацией зерен, при этом они не повторяют друг друга. Секторы отделены жгутиками из проволочки с нанизанными на нее мелкими колечками. Таким же жгутиком окаймлен низ верхушки. Основание конуса несколько выпуклое и разделено полосками из перекрученных и уплощенных проволочек на шесть частей, которые заполнены сетью примыкающих друг к другу проволочных колечек (цв. вклейка – рис. 40). В одном из секторов их 17 штук.

По краю днища закреплены крючки, на которые надеты вперемежку кольца и шесть цепочек. В центре днища тоже имеется крючок-кольцо, к которому присоединялась седьмая цепочка. Звенья цепочек делались из проволочного кольца, дважды перегнутого: восьмеркой и вторично в узкой части восьмерки. Самая длинная цепочка имеет 17 см в длину, остальные короче. Возможно, они укоротились в результате ремонта.

Сверху на конус припаяно кольцо, в которое продевалось медное колечко. Интересно, что на нем сохранился обрывок нити, очевидно, благодаря консервирующему воздействию огня. Пожар полыхал прямо над кладом, едва присыпанным песком.

Коническая верхушка другой подвески более выпуклая и разбита на шесть секторов, одинаково украшенных зигзагами из зернышек, напоминающими елочный орнамент (цв. вклейка – рис. 38, *1*; 42). Дно верхушки более плоское, сплошь покрыто колечками (цв. вклейка – рис. 40, *1*). Подвеска подвергалась ремонту: в одном месте ко дну припаяна небольшая полоска-заплатка. Возможно, были заменены и некоторые колечки на днище, ибо они сделаны из некачественного серебра, о чем можно судить по налету окиси меди.

По краю основания конуса закреплены семь цепочек, и одна – в центре днища. Между ними размещаются крупные кольца, сделанные из перевитой проволоки. Подвески отличаются друг от друга и колечками по краю верхушек: на одной они более крупные, на другой – мелкие и тонкие.

На каждой цепочке располагалось от двух до четырех полых прорезных медальонов (бляшек), создававших при движении шумовой эффект (поэтому подвески называют шумящими). Скорее всего, количество бляшек на цепочках в новом изделии было одинаковым. Можно заметить, что их расположение подчинено определенной системе: они находятся на одинаковых уровнях.

Бляшки несколько различаются по общей конфигурации и форме прорези. На вищинских экземплярах подвесок представлены пять типов бляшек (цв. вклейка – рис. 41).

Плоские прорезные бляшки спаяны из трех пластин, по краю они украшены сканью. Из нее же составлены узоры в виде лепестков на плоских сторонах бляшек. В лепестках проделаны сквозные отверстия. Через два отверстия на ободке пропускалась проволока с петлями. Через них бляшка скреплялась с цепочками. Между прорезями напаяны шарики.

Другие бляшки имеют сердцевидные отверстия, края которых обрамлены сканью. Между двумя отверстиями напаяны три колечка, на ободках – петельки.

У третьего типа бляшек на плоской стороне располагаются четыре сквозных круглых отверстия, обрамленных сканью. Между ними напаяны зернышки. По ободку идет линия из тринадцати зернышек. Некоторые бляшки имеют ромбовидную или каплевидную форму. Их обычно помещали на концах цепочек.

Таким образом, подвески даже одного комплекта различаются между собой в деталях, сохраняя в целом единство художественных и технических принципов. Как и в случае с колтами, нигде не было найдено двух совершенно одинаковых подвесок. Значит, это было правилом: изделия не должны были абсолютно повторять друг друга.

Долгое время среди исследователей дискутировался вопрос о том, кого украшали такими подвесками. Из-за размеров (вспомним, что некоторые достигали в длину почти 20 см) их предлагали считать украшением коня. Это мнение было в конце концов отвергнуто, когда стало ясно, что шумящие шлемовидные подвески находят в кладах, которые содержат почти исключительно женские украшения. Значит, они явно предназначались для женщин. Вместе с тем именно большие размеры позволяют считать их украшениями головы. Скорее всего, они крепились к ленте или головному убору сбоку.

По сравнению с колтами шумящие шлемовидные подвески довольно редко встречаются как в раскопках, так и в русских кладах конца XII–XIII вв. Вместе с тем единство древнерусского металлического убора и мода на определенные виды украшений делают шлемовидные подвески хотя и дорогими, но общерусскими украшениями. Немногочисленные их находки происходят из разных регионов Руси и могут быть предметом специального изучения, раскрывая особенности древнерусского ювелирного ремесла и торговли. Они представляют известную ценность и при решении хронологических вопросов.

Аналогичные вищинским шлемовидные подвески были найдены на территории бывших Киевского, Черниговского и Рязанского княжеств. Особенно прославилась Старая Рязань: там такие подвески находили в 1868 [8], 1967 и 1973 гг., в двух последних случаях – во время проведения археологических

раскопок. Клад, обнаруженный в 1967 г., содержал одну подвеску, а клад 1973 г. – сразу три [9].

Дважды подвески находили в Тульской губернии. В 1876 г. в г. Ефремове в кладе были обнаружены две шлемовидные [10]. Вторая находка относится к 1899 г. [11].

В 1886 г. у с. Мартыновка Каневского уезда Киевской губернии было найдено три подвески [12]. В составе клада 1938 г., обнаруженного в местечке Мирополь Житомирской обл. (Украина), имелись мелкие фрагменты шлемовидной подвески. Таким образом, кроме вищинских экземпляров известно еще девять шлемовидных подвесок, целых или их фрагментов.

Чаще всего шлемовидные подвески представлены парами. Причем, даже найденные в паре, они всегда, как и вищинские, хоть чем-то отличаются друг от друга: формами медальонов, орнаментом на секторах верхушек, количеством секторов и цепочек, оформлением оснований. Совершенно точных аналогий нет, есть только идентичные элементы. Так, проволочные цепочки всех подвесок составлены из скрученных дважды колец. Почти у всех подвесок имеются круглые медальоны с четырьмя сквозными отверстиями, между которыми сканью выложен крест или пять сканных кружочков с зернышком посередине. Так что наши наблюдения над колтами находят подтверждение и на примере шлемовидных подвесок.

Вищинские подвески отличаются от других количеством и разнообразием форм медальонов. Если у вищинских экземпляров представлено пять видов медальонов, то у других – не больше двух. Секторы конусовидных верхушек у вищинских подвесок разделены толстой сканью, тогда как у других – крупной зернью. Нигде не встречалось такой близкой по форме к конусу верхушки, как на одном из вищинских экземпляров.

В состав вищинского клада входили также три криновидные серебряные подвески, изготовленные техникой тиснения и покрытые позолотой (см. цв. вклейка – рис. 43). Носились они на шее в составе ожерелья. Подобные подвески являются довольно частой находкой. Чаще всего они попадаются в кладах XII–XIII вв. [13]. Как уже упоминалось, в Вищине была найдена матрица для тиснения таких подвесок, но ни один из вищинских экземпляров не был изготовлен на этой матрице. Есть основания предполагать, что криновидные подвески включали в состав ожерелья вперемежку с крупными серебряными золочеными пустотелыми бусинами, также изготовленными техникой тиснения на матрицах. В Вищине их найдено три штуки, одна целая, две – в обломках (см. цв. вклейка – рис. 43).

Украшения для рук в вищинском кладе представлены двумя браслетами. Вероятно, с кладом связан и серебряный перстень, найденный неподалеку.

Один браслет имеет вид широкого пластинчатого серебряного обруча. Такие браслеты составляли декор праздничной одежды знатных женщин, имевшей длинные широкие рукава, длиннее, чем сама рука. Рукава подтягивали кверху и обжимали такими браслетами.

Браслет состоял из двух створок, соединенных шарнирами (цв. вклейка – рис. 44, 45). Диаметр застегнутого браслета 64 мм, ширина 55 мм, толщина листа 0,5 мм. Длинные края браслета завернуты внутрь. Бортик выступает на 2,3–2,5 мм. Вдоль короткого края с наружной стороны напаяны позолоченные полоски. Глубокий позолоченный желоб с выдавленной на дне ложной зернью делит поле стенок на четыре части. Нижняя представляет широкую полосу, тянущуюся вдоль всей створки. В ней мелким зигзагом выгравирован причудли-

вый растительный орнамент, обрамленный рамкой из крупного зигзага. Фон выбран резцом и покрыт чернью.

На верхнем ярусе каждой створки имеются три сводчатых квадрата – клейма. В крайних клеймах той же техникой мелкого зигзага выгравированы одинаковые птицы с повернутыми влево головами. В средних клеймах – стилизованный крин. Изображения птиц настолько схожи, что можно предположить использование мастером специальных металлических трафаретов для нанесения контура рисунков, который затем дорабатывался резцом. Поля также выбраны резцом и покрыты чернью. Остальная поверхность створок украшена зигзагами, придающими ей матовый оттенок (или чешуйчатость). Довольно близкие варианты таких браслетов были найдены в Киеве [14], в с. Викторов близ Галича [15], в Старой Рязани [16]. Возможно, все они были изготовлены в одной мастерской.

Второй серебряный браслет из клада превосходно сохранился (цв. вклейка – рис. 46, 47). Он относится к типу витых и сделан из сложенной втрое и затем перевитой толстой серебряной проволоки. Концы браслета имеют форму стилизованной головки коня или змеи, что придавало изделию дополнительное значение оберега [17]. Такого типа браслет, но изготовленный из золота, был найден при раскопках Минска [18]. Довольно часто они встречаются в древнерусских кладах X–XIII вв. Сходные браслеты имелись в кладах из Киева [19] и Любеча [20].

Итак, вищинский клад содержит почти полный набор украшений знатной женщины. Не хватает только перстней, которые были непременным атрибутом законченного убора и нередко встречались в составе наиболее полных кладов. В связи с этим очень соблазнительно было бы прибавить к комплекту вищинских вещей из клада несколько украшений, найденных на городище. Это прежде всего криновидная подвеска точно такого же типа, как и найденные в кладе, и серебряный, плетеный в средней части перстень (см. цв. вклейка – рис. 11, *2*, *4*). Очень похожий перстень входил в состав украшений любечского клада [21]. Обе находки обнаружены в Вищине на одном участке. И хотя клад был несколько потревожен плугом и некоторые вещи оказались за его пределами, трудно себе представить, чтобы в процессе вспашки городища, пусть и многолетней, плуг смог бы переместить обе вещи в одном направлении на такое большое расстояние (приблизительно 30 м). Гораздо меньше оснований сомневаться в том, что клад и указанные находки принадлежали одному владельцу. Можно даже сказать больше: вполне вероятно, что именно в районе участка 11 располагалось жилище владельца клада. В спешке он мог их не найти или выронить из мешочка или куска ткани, куда были сложены или где хранились драгоценности.

Вищинский клад, несомненно, займет достойное место среди аналогичных памятников Руси. Но вот что хотелось бы отметить. Большинство украшений не только далеко не новые, но и имеют явные дефекты. У золотых колтов отсутствуют дужки, при помощи которых они скреплялись с цепочками. Отсутствует ось в шарнирах створчатого браслета, без которой невозможно им пользоваться. Очень сильно поврежден звездчатый колт. В таком наряде не появишься в свете. «Рабочими» были, пожалуй, только плетеный браслет и колт с ажурной каймой. Кажется странным, что живший или работавший в замке мастер-ювелир не смог придать украшениям надлежащий вид. Возникает даже вопрос, не были ли эти вещи переданы кем-то вищинскому мастеру для ремонта? Но это, видимо, не так, поскольку некоторые изделия не нуждались в ремонте.

Ценность вищинского клада состоит также в том, что наряду с украшения-

ми он содержал серебряные денежные слитки общим весом более 2 кг. Они представлены всеми известными на Руси типами гривен: шестью киевскими шестиугольными; двумя с половиной гривнами новгородского типа; восемью целыми и двумя обрубками гривен «литовского» типа (цв. вклейка – рис. 48).

Как известно, серебряные слитки-гривны выполняли на Руси функцию денег. Вспомним знаменитую берестяную грамоту из Витебска, в которой некий Степан, возможно ремесленник, просит Нежилу продать одежду и купить ему на шесть гривен ячменя. По подсчетам Б. А. Рыбакова, на шесть гривен тогда можно было купить 300 овчин, или 12 свиней, или двух кобыл, или трех коров, или нанять двух батраков на 12 лет [22].

1. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 379; *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 68–69, 105, табл. XIV; *Каргер М. К.* Древний Киев: В 2 ч. Ч. 1. М.; Л., 1958. С. 399; *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 27. Табл. 3.

2. *Каргер М. К.* Указ. соч. Табл. XII.

3. *Даркевич В. П.*, *Монгайт А. А.* Клад из Старой Рязани. М., 1978. С. 22–26. Табл. IV–VIII; *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. Табл. XIX.

4. *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. Табл. VII.

5. *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. Табл. XXIX, XXXI, XIII; *Килиевич С. Р.* Детинец Киева IX – половины XIII в. Киев, 1982. С. 132–133.

6. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Мн., 1982. Табл. XVII, *1*.

7. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. С. 310–311; *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. С. 70–71.

8. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936. С. 78. Табл. XIX, *2, 3*.

9. *Даркевич В. П.*, *Монгайт А. Л.* Указ. соч. С. 76; Они же. Старорязанские клады 1967 г. // СА. 1972. № 2.

10. *Гущин А. С.* Указ. соч. С. 37.

11. *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. С. 141.

12. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. М., 1977. С. 321.

13. *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. С. 56.

14. Там же. Табл. XXXVII, *10*; табл. X, *1*.

15. *Ратич О. О.* Древньоруські археологічні пам’ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957. Табл. XI, 23.

16. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из Старой Рязани. Табл. XVII.

17. *Седова М. В.* Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 230.

18. *Загорульский Э. М.* Указ. соч. С. 226.

19. *Корзухина Г. Ф.* Указ. соч. Табл. XXX, *4*; табл. XXIX, *11, 12, 17*; табл. XXXI, *6*; табл. XXXII, *2*; табл. XXXVII, *7*.

20. Древняя Русь и славяне. М., 1978. Цветная вклейка.

21. Там же.

22. *Драченина Н. Н., Рыбаков Б. А.* Берестяная грамота из Витебска // СА. 1960. № 1. С. 283.

ГЛАВА 7

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЯ

Всю феодальную Русь, по меткому определению Б. А. Рыбакова, можно себе представить как совокупность нескольких тысяч мелких и крупных феодальных вотчин: княжеских, боярских, монастырских, вотчин «молодшей дружины». Все они жили самостоятельной жизнью, представляли собой микроскопические государства в государстве, столицами которых был боярский двор со своим хозяйством, своим войском и своими неписаными законами. Неприкосновенность боярских вотчин была непременным условием нормального развития здорового ядра феодального землевладения [1].

Широкое распространение укрепленные поселения феодалов получили в конце XI и особенно в XII в. в связи с развитием феодальных отношений и постепенно приобрели черты замков-крепостей.

Их внешней отличительной особенностью исследователи называют малые размеры площадки городища при непропорционально мощных укреплениях. Некоторые замки отмечены правильной геометрической организацией плана [2]. Нередко они имели форму круга или полукруга. Вищинское городище, хотя и не идеально, но подходит под эти критерии. Его форма близка к полукругу. Площадь, пригодная для обитания, едва достигает 0,6 га. Площадь же, занятая под укрепления, почти равна жилой.

Экономической основой феодального хозяйства была собственность феодала на землю и основные сельскохозяйственные орудия. Труд зависимого сельского населения определял благополучие землевладельца. Теснейшая связь феодального замка с сельским хозяйством всегда находит отражение в материальной культуре такого рода поселений, и Вищин не является исключением. Картина была бы более выразительной, если бы замок не подвергся разрушению и разграблению. Археологам досталось лишь то, что не было найдено и унесено захватчиками, а также непригодные к употреблению обломки сельскохозяйственных орудий. Их оказалось не так уж много. Удивляет, в частности, небольшое количество серпов и кос. Возможно, работавшие на феодала крестьяне пользовались своими орудиями. Впрочем, не все хранилось в самом замке. Как раз в XII–XIII вв. вокруг замков возникали владельческие села, где жили зависимые от владельца боярской усадьбы крестьяне, холопы и рабы. Вместе с замком села составляли единый комплекс, и имущество феодала было сосредоточено не только в замке. Об

одном таком селе в Черниговской земле, принадлежавшем князю Игорю, рассказывает Ипатьевская летопись под 1146 г. Во время междоусобиц оно было захвачено и разграблено противниками князя: «Идоста на Игорево селче идеже бяше устроилъ дворъ добре; бе же ту готовизни много въ бретьиничахъ и в погребех вина и медове и что тяжкого товара всякого до железа и до меди не тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давидовича же повелеста имати на возы собе и воемъ. И потомъ повелеста зажечи дворъ и црковь святаго Георгия и гумно его, в немъже бе стоговъ 9 сотъ» [3]. В лесу около другого владельческого села Давидовичи забрали княжеский табун в 3000 кобыл и 1000 коней. Конечно, в летописи речь идет о княжеских селах. Имущество феодала средней руки было куда скромнее, однако различие в масштабах не отменяет общую тенденцию.

Феодалы были тесно связаны с городом. Многие, если не большинство из них, кроме своих сельских вотчин и усадеб имели собственные дворы в княжеских городах, периодически или постоянно проживали там, находились в контакте друг с другом и были приобщены к городской культуре. Они были основными потребителями качественной продукции городских ремесленников, особенно ювелиров, и привозных заморских товаров. Все это попадало и в их загородные замки, где они периодически принимали гостей. Быт феодалов, даже живших «по селам», в корне отличался от образа жизни сельского труженика, что находит отражение в археологическом материале из феодальных усадеб. С одной стороны, материалы свидетельствуют о сельскохозяйственном производстве как экономической основе поселения, с другой – подчеркивают принадлежность владельца замка к господствующим верхам Руси.

Типичными недеревенскими вещами, которыми пользовались феодалы в своих деревенских усадьбах, являются глиняные сосуды-амфоры. В них привозили заморское вино и пряности. Находки амфор в сельских поселениях рассматриваются археологами как показатель феодального владельческого характера таких поселений. Аналогичным критерием, позволяющим выделить усадьбу из ряда простых сельских поселений, считаются дорогие или сложные изделия городских ювелиров со сканью, зернью, чернью и эмалью, изделия, отлитые в тончайших литейных формах, и т. п.

«Дружина по селам», которой принадлежала большая часть владельческих усадеб, по предположению Б. А. Рыбакова, была основным потребителем и заказчиком всевозможных имитаций: медных и позолоченных подвесок, имитирующих зернь и скань; медных и серебряных колтов и др. [4]. Все перечисленные категории вещей прекрасно представлены в материалах вищинских раскопок. Бросается в глаза обилие таких типичных для горожанок массовых украшений, как стеклянные браслеты. Простые крестьянки их не носили, и даже, наверное, не потому, что они были недоступны по цене. Просто не было такой моды. Ношение стеклянных браслетов было привилегией городской или связанной с городскими обычаями женщины – барышни-дворянки.

Помимо обычной кухонной глиняной посуды, изготовленной местными гончарами, обитатели Вищинского замка пользовались привозной нарядной поливной и стеклянной посудой. Столь же показательно использование медной посуды, обломков которой в Вищине было найдено достаточно много (рис. 70).

Значительный удельный вес в вищинской коллекции составляют находки, связанные с военным бытом. И это тоже одна из характерных особенностей феодальной усадьбы. При описании пригородного двора галичского боярина Судислава летописец упоминает хранившиеся там «вино, и воща, и корма, и ко-

пии, и стрелъ» [5]. В специальной главе мы подробно рассмотрели разнообразное оружие и предметы, связанные с оснащением всадника и верхового коня, которые убедительно свидетельствуют о том, что в замке проживали тяжеловооруженные воины. Феодал на Руси был воином и был обязан выступать на войну вместе со своим сюзереном. В этом заключалась одна из особенностей феодальной эпохи. Закончив военный поход, князь распускал свое войско по селам. Найденные в Вищине предметы вооружения как нельзя лучше указывают на замковый характер поселения.

Раскопки Вищинского замка обнаруживают значительную имущественную дифференциацию среди его обитателей. Это, в частности, хорошо просматривается по находкам украшений. С одной стороны, вещи из клада могли принадлежать только очень состоятельной женщине, а предметы вооружения, несомненно, указывают на рыцарский сан их владельца. С другой стороны, некоторые найденные украшения могли носить обычные сельские женщины: прежде всего височные кольца, простые дротовые перстни и браслеты, некоторые типы бусин, амулеты-обереги. Многочисленные пряслица в большинстве своем, конечно, имеют отношение к занятиям женщин, которые проживали в замке и обслуживали хозяев. Вполне естественно, что наряду с феодалом и членами его семьи в замке проживали его телохранители и оруженосцы, слуги и холопы. Сколько их было, можно подсчитать лишь приблизительно, исходя из размеров замка и его застройки. Последняя, к сожалению, из-за большой поврежденности культурного слоя реконструируется в самых общих чертах. Но не приходится сомневаться в том, что значительная часть обслуживавших замок людей жила не столько в замке, сколько за его пределами, в селе. Известно, что путивльский двор князя Святослава обслуживало 700 человек челяди. Вищинский замок был поменьше раз-

Рис. 70. Обломок медного сосуда

мерами, да и хозяин его занимал более скромное место в иерархии феодального сословия. Но слуг и здесь хватало. Жаль, что социологических материалов недостаточно для надежных выводов о составе населения замка.

В Вищинском замке проживали грамотные люди, умевшие писать и читать. Даже на пряслицах, которыми пользовались только женщины, мы встречаем процарапанные буквы и знаки. Уже упоминалось пряслице с буквами «И А Б В Г Д» (цв. вклейка – рис. 16). За исключением буквы «И», знаки расположены в правильном алфавитном порядке, так, как они начинают изучаться при обучении грамоте. Сам автор этой надписи (скорее всего, девушка, которой принадлежало пряслице), видимо, еще не был силен в грамоте или писать ему приходилось не очень часто. Букву «Г» он сначала процарапал неправильно в зеркальном изображении. Но, заметив ошибку, поправился и повторил ее уже правильно. Затем снова сбился, процарапал два неразборчивых знака, после которых поставил букву «Д». Это вищинское пряслице можно сопоставить с костяным гребнем, найденным в Бресте, на котором также процарапана часть алфавита [6]. Такие находки как нельзя лучше свидетельствуют о широком распространении грамотности в Древней Руси, о проникновении ее и в сельскую местность. На другом пряслице процарапана буква «Л». Кроме того, в Вищине было найдено два писала (рис. 71, *1, 2*), типичного инструмента для обучения письму на дощечках, покрытых воском, и для письма на бересте. На бересте вели хозяйственные записи, составляли послания и писали письма. Археологи доказали существование на Руси такого рода почты. Писали адресатам, проживавшим даже в других городах и княжествах [7]. Обитатели Вищинского замка тоже, надо полагать, общались со своими знакомыми, князем и соседом-бояриным посредством переписки. Все это лишний раз подчеркивает особый характер Вищинского городища как поселения феодала.

Кто же был его сюзереном и в состав какого княжества входил Вищинский замок? На все эти вопросы хотелось бы получить ответ. Прямых ответов, к сожалению, нет. Можно лишь высказать на этот счет некоторые предположения. В раскопках Вищина были обнаружены две уникальные находки – вислые свинцовые печати (цв. вклейка – рис. 5, 6). Их подвешивали (отсюда и название «вислые») к грамотам, посланиям и вообще к документам, которым придавался официальный характер или при подтверждении авторства.

Одна из печатей (большего веса) была найдена на участке 12 в квадрате 25. Она круглая, диаметром 19 мм, один край срезан. Другая (меньшего веса) обнаружена на участке 35 в квадрате 4 в дерновом слое почти на поверхности. Ее диаметр также 19 мм. Края с обеих сторон косо срезаны.

На лицевой стороне обеих печатей изображен архангел Михаил, на обратной стороне – св. Иоанн Предтеча в рост с поднятой в благословляющем жесте рукой. Известно, что на русских печатях изображали святых, тезоименитых князьям, что позволяет установить имя князя. Вищинские печати могли принадлежать князю с христианским именем Михаил Иванович или Иван Михайлович. Наиболее вероятным князем с сочетанием имен Михаил и Иоанн был, как полагает В. Л. Янин, Мстислав Ростиславич Храбрый, отец которого, Ростислав Мстиславич, имел христианское имя Михаил. Оба они представляют Смоленскую династию князей и оба приглашались на княжение в Новгород.

Печати имеют близкую аналогию с печатью, найденной в Новгороде на Неревском раскопе в слое 17-го яруса (2-я половина XII в.). Сходство проявляется, в частности, в форме печатей с краевыми срезами с двух сторон. Однако

изображения святых, сохраняя сюжетное и каноническое единство, несколько различаются. Различны также и размеры печатей, что свидетельствует о разных матрицах, с которых они изготавливались [8].

Таким образом, находки в Вищине свинцовых вислых печатей могут свидетельствовать о связи замка со Смоленским княжеством. Наиболее вероятно, что замок находился на западных границах Смоленской земли, а его владелец был вассалом смоленского князя. Отметим, что Вищин располагался на границе Полоцкого, Смоленского, Туровского и Черниговского княжеств.

Одной из важнейших функций боярской усадьбы и княжеского замка было обеспечение господства над феодально-зависимым сельским населением. Мощные укрепления должны были обеспечить безопасность феодала и его имущества, защитить от гнева эксплуатируемых крестьян и от буйного соседа. С переходом Руси к феодальной раздробленности и обособлением отдельных экономически замкнутых княжеств, стремившихся к политической независимости, в условиях непрерывных столкновений между князьями появилась необходи-

Рис. 71. Писала

мость включить владельческие замки в общую систему обороны территории княжеств. Отсюда повышенные требования к конструкции укреплений, использование при их строительстве новейших идей и достижений в области фортификации. Вищинский замок являет собой как раз такой тип укрепленного поселения. В связи с появлением камнеметных орудий, разбивавших деревянные стены крепостей, замки стали окружать несколькими кольцами валов и рвов, чтобы затруднить подступ непосредственно к стенам. Новая защитная полоса не позволяла установить пороки на расстоянии, соответствующем поражающей способности орудий, и камни не долетали до цели. Именно такую систему укреплений имел Вищинский замок. Но и эти укрепления его не защитили. Замок был взят и разрушен.

И здесь мы подходим к одному из интереснейших сюжетов: кто именно и когда разрушил и сжег замок? То, что это, грубо говоря, имело место в середине XIII в., мы уже показали в главе 1. Теперь же попробуем обратиться к письменным источникам и приведем одно сообщение, содержащееся в Новгородской Первой летописи под 1258 г.: «Придоша Литва с Полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щит» [9]. Название «Воищина» очень близко названию «Вищин». И летописная Воищина, и Вищинское городище находились в Смоленской земле. Оба поселения были разрушены практически в одно время. Нельзя ли предположить, что летописная Воищина и Вищинский замок – одно и то же поселение? Некоторые несовпадения в названиях не столь существенны. Летописец мог допустить неточность, могло несколько измениться название белорусской деревни, возле которой располагался замок. Возможно, совсем не случайно в летописях больше ни разу не упомянута Воищина. Она просто уже не существовала, потому что, будучи разрушенной в 1258 г., больше не была отстроена. Вищинский замок был разрушен и сожжен в то же время и больше не восстановлен. Эти сопоставления дают право высказать предположение, что Вищинский замок был той самой Воищиной, о которой рассказала Новгородская Первая летопись.

Правда, по поводу местонахождения летописной Воищины существовало и другое мнение. Как отмечает В. В. Седов, до начала XX в. на Смоленщине были две деревни с названием Воиновщина. С одной из них исследователи исторической географии обычно связывали летописную Воищину. Но ни возле нее, ни около другой деревни с таким названием нет древнерусского поселения [10]. Поэтому В. В. Седов в своей работе, посвященной сельским поселениям Смоленской земли, отождествляет летописную Воищину с одним из раскопанных им владельческих замков около деревни Церковище. Основанием послужила местная легенда о том, что на городище когда-то жил воин. Поэтому исследователь высказывает предположение, что замок мог быть назван связанным с этим словом именем Воищина. Но название населенного пункта, около которого расположено городище, не имеет никакого, даже отдаленного, сходства с топонимом Воищина. Что же касается легенды, в которой, впрочем, тоже ничего не говорится о существовании в прошлом какого-либо другого названия городища, то всякие легенды – очень ненадежный источник. Ведь называются же в народе древнерусские курганы французскими или шведскими могилами, хотя никакого отношения ни к французам, ни к шведам они не имеют. Кстати, происхождение самого названия поселка Церковище могло быть связано с широко распространенными легендами о «провалившейся церкви», которые обычно

соотносят с городищами. Поэтому попытка связать городище Церковище с летописной Воищиной не кажется нам убедительной.

И здесь хотелось бы обратиться еще к одному событию, которое произошло в 1252 г. В записи под этим годом Ипатьевская летопись рассказывает о том, как князь Миндовг, правивший в «русских» областях Литвы, включавших Новогрудок, Гродно, Волковыск, Слоним, Здитов, Турийск и «много других городов», которые летописец, однако, не называет [11], разработал и осуществил план полного подчинения себе Жемайтии, где правил Викинт, и собственно Литвы, где правили племянники Миндовга – Едивил и Товтивил. Хотя Миндовг и считался великим князем всех этих трех частей страны, реальной власти над ними ему, видимо, не хватало. Некоторая самостоятельность отдельных частей литовского государства его уже не устраивала, и он стремился к установлению единоличной власти. С обычным для того времени коварством Миндовг посылал Викинта, Товтивила и Едивила воевать против Руси, к Смоленску, напутствуя при этом: «Кто что захватит, пусть тем и владеет» [12]. Эпизод как нельзя лучше раскрывает сущность политики литовских князей по отношению к Руси. Ими двигал лишь один мотив – побольше захватить и побольше награбить. Отправив своих родственников в поход, Миндовг тут же захватил все их земли, «бесчисленные их имения и прибрал к рукам их богатство» [13]. И это еще не все. Вслед за ними он послал своих воинов с приказом убить племянников и Викинта. Правда, тем удалось бежать во Владимир. Неизвестно, насколько преуспели литовцы в своем грабительском походе на Смоленск, но, видимо, кое-что сделать им все-таки удалось. Нетрудно предположить, что пострадать должны были прежде всего западные пограничные районы Смоленского княжества. Пройти в Смоленскую землю можно было только через территорию Полоцкого княжества. И можно допустить, что в этом походе приняли участие и полочане, как это было, судя по записи в Новгородской Первой летописи, в 1258 г.

Во всей этой истории заслуживает внимания то обстоятельство, что в Ипатьевской летописи, которая является основным источником по истории этого региона и составители которой пристально следили за происходившими событиями, тщательно и порой очень подробно фиксируя детали, совсем не упомянут поход на Смоленск 1258 г. Не могло ли здесь быть ошибки? Не перепутана ли дата в Новгородской летописи? Действительно ли литовцы провели за столь короткое время два похода против Смоленска, в 1252 и 1258 г., или в обоих сообщениях речь идет об одном и том же походе, а именно о походе Викинта, Едивила и Товтивила в 1252 г.? Такое допущение вероятно еще и потому, что в 1258 г. сама Литва подверглась разорительному нападению со стороны монголо-татарских и русских войск во главе с Бурундаем. Поэтому трудно представить, чтобы она была в состоянии в такое тяжелое для нее время организовать успешный поход против Смоленска. Ведь были вещи поважнее. Можно даже предположить, что своим грабительским походом на Смоленские земли в 1252 г. литовцы спровоцировали выступление татар.

Как бы там ни было, предположение, что Воищина была взята не в 1258, а в 1252 г., имеет свои основания. И если Вищинский замок и летописная Воищина одно и то же поселение, мы могли бы наметить более точную дату разрушения Вищинского замка, отнеся это событие к 1252 г. Судя по материалам раскопок, чем больше мы приблизим дату ко времени монголо-татарского нашествия на Русь, тем больше она будет соответствовать реальному времени гибели

Вищинского замка. Хотя в археологии разницу в шесть лет (было ли это в 1252 или в 1258 г.) уловить чрезвычайно трудно, все же очень сильно ощущение, что по совокупности вещей Вищинское городище практически не выходит за хронологические рамки домонгольской Руси. Древнерусские вещи заполняют все его культурные наслоения до дернового слоя включительно.

Мы вполне правомочны предположить, что существует прямая связь между гибелью Вищина и одним из упомянутых в летописях событий. Был ли Вищинский замок летописной Воищиной или это была другая владельческая усадьба эпохи Древней Руси – вопрос гипотетический. Такова особенность археологии: очень часто приходится оперировать и довольствоваться гипотезами. В конце концов, это не так уж и важно.

1. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 418, 430.

2. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. 1956. № 52. С. 211.

3. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 333.

4. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 463.

5. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758.

6. *Лысенко П. Ф.* Берестье. Мн., 1985. С. 216. Рис. 261.

7. *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту. М., 1963.

8. *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // МИА. 1956. № 55. С. 154–155.

9. Новгородская Первая летопись. М.; Л., 1950. С. 82, 310.

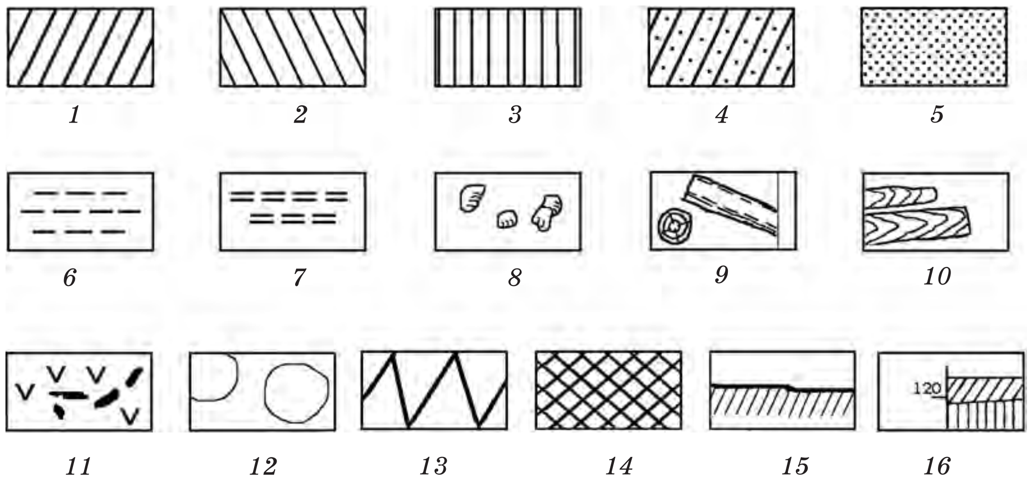
10. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII– XV вв.). М., 1960. С. 51–52.

11. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 815.

12. Там же.

13. Там же.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ К ЧЕРТЕЖАМ

1–3 – культурный слой различных оттенков; *4* – предматериковый гумусированный слой; *5* – песок; *6* – необожженная глина; *7* – обожженная глина; *8* – камни; *9* – круглое дерево; *10* – доски; *11* – уголь, куски обгоревшего дерева; *12* – ямы; *13* – перекоп; *14* – заполнение ям; *15* – материк; *16* – глубинная отметка от репера на профилях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Белорусская академия наук
БДУ – Беларускі дзяржаўны універсітэт
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА – Институт археологии РАН
ИАК – Известия археологической комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ – Повесть временных лет
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология

УКАЗАТЕЛЬ К РИСУНКАМ

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
45, *1*	Трубица сошника (фрагмент)	78/422	4	11		
45, *2*	Сошник	80/87	8	7	150	120/70
45, *3*	Сошник	85/2	34	21	188	
46, *1*	Мотыга	77/746	5	11	255	
46, *2*	Мотыга	77/603	5	6	170	
46, *3*	Мотыга	79/202	1А	19	100	
47, *1*	Серп	78/392	б	14	184	
47, *2*	Серп	83/128	17	7	189	
47, *3*	Коса	83/276	20	23	212	
47, *4*	Порхлица	77/500	1	22	146	пласт 3
47, *5*	Серп	79/125	1А	20	77	
47, *6*	Серп	82/137	15	4	166	
48, *1*	Зубило	77/417	2	18	144	пласт 3
48, *2*	Зубило малое	81/173	13	15	173	78/60
48, *3*	Пинцет	84/216	40	20	215	
48, *4*	Брусок железный	80/177	6	16	164	
48, *5*	Полоска железная	80/17	48	25	180	
48, *6*	Наковальня (?)	80/417	7	11	65	
49, *1*	Топор	80/155	9			
49, *2*	Лезвие топора (?)	83/61	16	7	182	
49, *3*	Молоток-гвоздодер	78/631	А		142	траншея
49, *4*	Сверло перовидное	81/279	13	18	190	28/170
49, *5*	Долото	81/191	13	15	163	128/87
49, *6*	Долото	83/382	21	5	195	
49, *7*	Долото	82/11	11	20		пласт 1
49, *8*	Долото	78/671	Б	28	231	
50, *1*	Рыболовный крючок	78/471	Б	20	196	
50, *2*	Рыболовный крючок	85/366	21	19	231	
50, *3*	Острога	80/243	8			материк
50, *4*	Острога	83/59	16	8	183	
50, *5*	Острога	82/73				
50, *6*	Острога	85/61	35	20	207	
50, *7*	Грузило глиняное	81/260	12	25	210	
50, *8*	Грузило глиняное	80/321	9	25	175	80/190
51, *1*	Ножницы	78/288	3	5	130	
51, *2*	Ножницы	78/149	3	11	137	
51, *3*	Игла	81/17	10	2	143	
51, *4*	Игла	81/75	12	11	163	51/110

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
51, *5*	Игла	81/301	10	21	200	160/140
51, *6*	Игла	81/299	10	25	197	83/90
51, *7*	Шило	81/201	12	13	168	40/35у
51, *8*	Шило	82/131				
51, *9*	Нож	82/234	44	13	209	39/15
51, *10*	Нож	82/276				
51, *11*	Нож	85/213	35	23	264	
51, *12*	Нож	85/49	3	11	189	
51, *13*	Нож	85/170	35	19	219	
52, *1*	Ручка от ведра	80/401	9	1	178	180/15
52, *2*	Ручка от ведра	80/72	8	8	145	120/175
52, *3*	Ручка от ведра	80/380	9	3	193	
53, *1*	Височное кольцо	79/158	1А	9	75	
53, *2*	Височное кольцо	78/508	5	13	201	
53, *3*	Височное кольцо	81/34	13	14	156	
53, *4*	Височное кольцо	78/323	4	17	178	
53, *5*	Браслет	78/320	4	4	151	
53, *6*	Браслет	78/469	Б	13	198	
53, *7*	Браслет	79/85	1А	4	25	
53, *8*	Височное кольцо	84/139	40	19	210	
53, *9*	Браслет из проволоки	78/673	Б	6	223	
54, *1*	Браслет пластинчатый	78/556	б	6	199	
54, *2*	Браслет пластинчатый	79/111	1А	9	64	
54, *3*	Браслет пластинчатый	83/164	16	16	208	
54, *4*	Браслет пластинчатый	83/167	20	14	184	
54, *5*	Браслет пластинчатый	81/231				
54, *6*	Браслет пластинчатый	78/497	Б	1	160	
54, *7*	Перстень пластинчатый	83/188	20	4	124	
54, *8*	Браслет пластинчатый	81/94	10	8	175	
54, *9*	Перстень	78/202	4	9	135	
54, *10*	Перстень пластинчатый	79/15	6	21	145	
54, *11*	Браслет пластинчатый	80/252	14	21	202	120/20
55, *1*	Булавка квадрифолийная	79/201	6	15	116	
55, *2*	Печатка перстня	79/23	6	8	52	
55, *3*	Накладка медная	77/578	2	13	145	
55, *4*	Накладка медная	77/490	1	20	142	
57, *1*	Амфора (фрагмент)	80/365	9	5	165	95/170
57, *2*	Амфора (фрагмент)	80/319	9	25	175	40/10
57, *3*	Амфора (фрагмент)	80/381	9	3	180	195/50

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
57, *4*	Горлышко сосуда	82/29	11	2	156	170/15
57, *5*	Амфора (фрагмент)	82/239				
58, *1*	Замок трубчатый	77/537	5	1	124	
58, *2*	Корпус замка трубчатого	78/651	А	11	203	
58, *3*	Корпус замка трубчатого	77/610	1	7	135	
58, *4*	Корпус замка трубчатого	78/532	Б	1	186	
58, *5*	Корпус замка трубчатого	83/137	16	14	202	
58, *6*	Корпус замка трубчатого	78/473	4	11	205	
58, *7*	Корпус замка путного	78/572	А	31	169	
58, *8*	Корпус замка путного	77/279	2	4	128	
59, *1*	Ключ	78/657	А	33	238	
59, *2*	Ключ	77/365	1	12	138	
59, *3*	Ключ	77/278	2	5	118	
59, *4*	Ключ	78/750	А	33	238	
59, *5*	Ключ	77/217	1	7	108	
59, *6*	Ключ	78/430	Б	16	190	
59, *7*	Ключ	78/159	3	12	143	
59, *8*	Ключ	80/151	8	16	160	
60, *1*	Ключ	84/225	40	9	215	
60, *2*	Ключ	78/657	А	33	238	
60, *3*	Ключ	77/708	2	13	211	
60, *4*	Ключ	82/237	44	2	296	180/64
60, *5*	Ключ	78/703	Б	21	283	
60, *6*	Ключ	80/213	14	16	197	50/180
60, *7*	Ключ	81/223	10	24	163	76/60
60, *8*	Ключ	77/365	1	12	138	
60, *9*	Ключ	78/483	Б	11	198	
60, *10*	Ключ	83/161	20	4	171	
60, *11*	Ключ	78/17	3	19	121	
60, *12*	Ключ	77/217	1	7	108	
60, *13*	Ключ	83/54	16	9	186	
60, *14*	Ключ	80/151	8	16	160	190/10
60, *15*	Ключ	77/250	1	5	110	
60, *16*	Ключ	78/750	А	33	238	
60, *17*	Ключ	77/278	2	5	118	
60, *18*	Ключ	78/430	Б	16	190	
60, *19*	Ключ	83/328	21	24	208	
60, *20*	Ключ	78/408	Б	4	162	
61, *1*	Острие с кольцом	78/326	4	5	124	

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
61, *2*	Маркер (?)	82/196	44	6	298	
61, *3*	Кресало	85/171	35	9	216	
61, *4*	Кресало	78/282	3	3	142	
61, *5*	Кресало	83/371	21	4	197	
61, *6*	Петля железная	80/134/1	8	13	158	10/5
61, *7*	Петля железная	80/134/2	8	13	158	10/5
61, *8*	Пряжка железная	82/259				
61, *9*	Пряжка железная	80/329	9	22	158	150/160
61, *10*	Пряжка железная	77/320	1	7	114	
61, *11*	Петля-накладка замка	82/107	11	16	171	57/17
61, *12*	Дверная ручка	77/720	1	5	120	
61, *13*	Пробой	82/115				
62	Гребень (фрагмент)	83/305	20	16		
63, *1*	Наконечник копья	77/600	5	6		пласт 3
63, *2*	Наконечник копья	78/529	Б	1	175	пласт 3
63, *3*	Наконечник сулицы	81/278	12	9	177	15/63
63, *4*	Наконечник копья	83/150	20	18	204	
63, *5*	Наконечник копья	78/754	А	29	268	яма
64, *1*	Кольчуга (фрагмент)	82/263	44			пласт 2
64, *2*	Пластина от доспеха	77/355	1	9	133	
64, *3*	Кольчуга (фрагмент)	77/60	1	13	99	
65, *1*	Шпора	77/601	5	6	170	
65, *2*	Шпора	79/92	1А	19	33	
65, *3*	Шпора	78/232	4	25	179	
65, *4*	Шпора	78/312	А	24	190	
66, *1*	Шпора	83/398	20	9	214	
66, *2*	Шпора	78/690	Б	21	279	
66, *3*	Шпора	83/166	20	19	209	
67, *1*	Стремя	77/689	2	1	118	
67, *2*	Стремя	77/688	2	1	121	
67, *3*	Стремя	77/750	5	1		пласт 3
67, *4*	Стремя	79/47	В			под дерном
68, *1*	Стремя	77/608	5	1	135	
68, *2*	Стремя (фрагмент)	81/308	13	24	291	42/78
68, *3*	Псалий	83/68	16	8	181	77/75
68, *4*	Удило	77/261	5	10	113	
68, *5*	Удило	79/42	6	13	127	
70	Медный сосуд (фрагмент)	82/175	15	5	188	
71, *1*	Писало	83/1	16	21	182	
71, *2*	Писало	82/220	44	20	187	58/28

УКАЗАТЕЛЬ К РИСУНКАМ НА ЦВЕТНЫХ ВКЛЕЙКАХ

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
5	Вислая печать	81/53	12	25	179	185/175
6, *1*	Вислая печать	81/53	12	25	179	185/175
6, *2*	Вислая печать	85/8	35	4	166	9/15
7, *1*	Матрица колта	83/203	20	17	199	109/132
7, *2*	Матрица колта	80/351	17	7	176	30/50
7, *3*	Матрица прорезная	79/44	6	13	108	30/90
7, *4*	Матрица подвески	78/540	Б	30	218	
7, *5*	Льячка	80/11	7	11	59	100/50
8, *1*	Привеска	82/21	9	5	148	
8, *2*	Привеска	78/105	4	23	152	
8, *3*	Привеска	80/167	8	20	129	1/65
8, *4*	Привеска	81/170	12	12	171	108/34
8, *5*	Привеска	77/24	2	17	115	
8, *6*	Цепочка	77/183	1	16	99	
8, *7*	Привеска-ключик	83/48	17	6	189	
8, *8*	Привеска-топорик (?)	83/12	16	25	195	
9, *1*	Крестик металлический	77/329	1	1	103	
9, *2*	Крестик металлический	79/109	1А	20	79	
9, *3*	Крестик металлический	83/312	16	25	218	
9, *4*	Крестик металлический	83/20	16	15	183	
9, *5*	Крестик металлический	84/62	39	19	190	
9, *6*	Крестик металлический	82/19	11	2	152	
9, *7*	Крестик металлический	80/55	34	21	20	
9, *8*	Крестик металлический	80/129	8	8	158	
9, *9*	Крестик металлический	84/177	40	12	214	
9, *10*	Крестик каменный	82/7	15	13		в дерне
9, *11*	Крестик каменный	84/41	39	2	182	
10, *1*	Браслет бронзовый	84/140	40	19	210	
10, *2*	Браслет бронзовый	78/469	Б	13	198	
10, *3*	Браслет бронзовый	79/152	1А	9	73	
10, *4*	Браслет медный	78/673	Б	6	223	
10, *5*	Браслет бронзовый	80/337	9	20	185	
10, *6*	Браслет бронзовый	80/404	9	4	179	
11, *1*	Бусина «минского» типа	82/227	11	1		пласт 3
11, *2*	Привеска криновидная	82/18	11	16		пласт 1
11, *3*	Браслет крученый	85/144	35	5	186	
11, *4*	Перстень витой	82/36	14	16		пласт 1
12, *1*	Бубенчик	85/65	34	13	166	

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
12, *2*	Бубенчик	83/73	16	8	185	
12, *3*	Бубенчик	84/18	39	16	190	
12, *4*	Бубенчик	83/141	20	10	188	
13, *1*	Перстень	79/96	1А	9	31	
13, *2*	Перстень	78/202	4	9	135	
13, *3*	Перстень	78/78	3	5	136	
14, *1*	Браслет стеклянный	80/30	8	10	150	
14, *2*	Браслет стеклянный	77/397				
14, *3*	Браслет стеклянный	78/195	4	22	168	
14, *4*	Браслет стеклянный	79/298				
14, *5*	Браслет стеклянный	78/702	Б	22	171	
14, *6*	Браслет стеклянный	78/448	Б	7	178	
14, *7*	Браслет стеклянный	78/723	А	20	141	
14, *8*	Браслет стеклянный	78/230	4	21	183	
14, *9*	Браслет стеклянный	78/113	4	23	160	
14, *10*	Браслет стеклянный	78/30	3	14	122	
15, *1*	Бусина хрустальная	81/187	10	19	169	
15, *2*	Бусина хрустальная	85/158	35	16	229	
15, *3*	Бусина хрустальная	83/331	21	24	211	
15, *4*	Бусина хрустальная	78/412	Б	23	119	
15, *5*	Бусина стеклянная	84/179	43	20	225	
15, *6*	Бусина стеклянная	82/1	11	11	143	
15, *7*	Бусина стеклянная	80/255	7	23	99	материк
15, *8*	Бусина стеклянная	77/52	2	23	137	
15, *9*	Бусина стеклянная	84/124	43	5	210	
15, *10*	Бусина стеклянная	80/327	9	24	168	70/45
15, *11*	Бусина стеклянная	82/165	11	15	195	50/80
15, *12*	Бусина стеклянная	85/166	35	16	227	
15, *13*	Бусина стеклянная	80/109	8	14	166	90/65
15, *14*	Бусина стеклянная	79/155	6	21	184	
15, *15*	Бусина стеклянная	80/111	14	21	173	5/115
15, *16*	Бусина стеклянная	78/269	4	1	152	
15, *17*	Бусина стеклянная	78/383	Б	15	181	
15, *18*	Бусина стеклянная	78/61	10	23	165	
15, *19*	Бусина стеклянная	83/69	17	24	203	
15, *20*	Бусина стеклянная	79/38	1А	25	67	
15, *21*	Бусина стеклянная	80/302	9	15	157	7/70
15, *22*	Бусина стеклянная	77/35	2	1	110	
15, *23*	Бусина стеклянная	78/212	4	16	154	

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
15, *24*	Бусина стеклянная	78/719	Б	27	285	
15, *25*	Бусина стеклянная	84/167	43	2	223	
15, *26*	Бусина стеклянная	81/31	10	9	151	
15, *27*	Бусина стеклянная	83/40	16	20	165	
15, *28*	Бусина стеклянная	78/243	4	25	178	
15, *29*	Бусина стеклянная	79/13	6	18	122	
15, *30*	Бусина стеклянная	77/499	1	20	136	
15, *31*	Бусина стеклянная	77/6	2	23	122	
15, *32*	Бусина стеклянная	81/217	13	24	128	
15, *33*	Бусина стеклянная	80/109	8	14	166	90/65
15, *34*	Бусина стеклянная	81/204	12	17	165	16/154
15, *35*	Бусина стеклянная	81/68	12	10	163	105/122
15, *36*	Бусина стеклянная	80/65	14	1	173	120/170
15, *37*	Бусина стеклянная	84/210	40	23	228	
16	Пряслице с буквами	82/148	11	20	187	180/140
17, *1*	Пряслице	79/219				
17, *2*	Пряслице	79/7	6	6	88	
17, *3*	Пряслице	80/225				
17, *4*	Пряслице	82/148				
17, *5*	Пряслице	82/406				
17, *6*	Пряслице	78/534	Б	3	194	
17, *7*	Пряслице	79/160	1А	10	82	
17, *8*	Пряслице	79/24	6	6		
18, *1*	Горшок	78/533	4	14	204	
18, *2*	Горшок	81/335а	10	16	186	
18, *3*	Горшок	81/335б	10	16	186	
18, 4	Горшок	80/430	9			из ямы
19, *1*	Горшок	79/169	1А	25	99	
19, *2*	Горшок	81/335в	10	16	186	
19, *3*	Горшок	81/533				
19, *4*	Горшок	84/234	40	1		материк
20, *1*	Глиняная трубка	83/256	20	15	224	112/170
20, *2*	Глиняная трубка	80/417	7	11	65	140/50
21, *1*	Обломок византийской амфоры	81/165	10	17	172	
21, *2*	Обломок византийской амфоры	81/33	10	7	148	
22, *1*	Брусок точильный	77/362	2	6	138	
22, *2*	Брусок точильный	77/388	2	12	144	
22, *3*	Брусок точильный	78/409	Б	6	105	
22, *4*	Брусок точильный	80/138	8	13	163	

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
22, *5*	Брусок точильный	80/343				
22, *6*	Брусок точильный	78/418	Б	15	121	
22, *7*	Брусок точильный	80/258	9	14	149	
22, *8*	Брусок точильный	80/150	8	22	157	
22, *9*	Брусок точильный	82/271	44	5	195	
22, *10*	Брусок точильный	77/294	5	15	129	
22, *11*	Брусок точильный	78/535	4	15	212	
22, *12*	Брусок точильный	78/375	А	32	183	
23, *1*	Топор	80/155	9			
23, *2*	Зубило	77/417	2	18	144	
23, *3*	Мотыга	77/603	5	6	170	
23, *4*	Мотыга	77/746	5	11	255	
25	Глиняная фигурка всадника (увеличено)	77/427	1	14		пласт 3
27, *1*	Перекрестье меча	80/21	8			
27, *2*	Навершие булавы	80/279	9	8	147	105/5
27, *3*	Навершие булавы	78/689	Б	30	253	
27, *4*	Кистень	77/652	2	12		пласт 3
28, *1*	Наконечник сулицы	81/278	12	9	177	
28, *2*	Наконечник копья	77/600	5	6		пласт 3
28, *3*	Наконечник копья	83/150	20	18	204	
28, *4*	Шпора	78/232	4	25	179	
29	Кистень	77/652	2	12		пласт 3
30, *1*	Наконечник стрелы	77/36	1	7	70	
30, *2*	Наконечник стрелы	77/23	1	23	128	
30, *3*	Наконечник стрелы	77/664	1	14	153	
30, *4*	Наконечник стрелы	85/74	34	8	187	
30, *5*	Наконечник стрелы	81/169	13	15	68	
30, *6*	Наконечник стрелы	85/175	34	14	213	
30, *7*	Наконечник стрелы	81/146	13	13	165	
30, *8*	Наконечник стрелы	84/107	40	15	203	
30, *9*	Наконечник стрелы	78/207	4	19	155	
30, *10*	Наконечник стрелы	84/188	43	8	225	
30, *11*	Наконечник стрелы	77/549	5	21	186	
30, *12*	Наконечник стрелы	84/40	43	10	214	
30, *13*	Наконечник стрелы	77/296				
30, *14*	Наконечник стрелы	84/125	43	6	199	
30, *15*	Наконечник стрелы	82/23	11	3	159	
34	Цепочки из колодочек	79/81/16-20	В	Б2		

Номер рисунка	Наименование предмета	Номер коллекционный	Участок	Квадрат	Глубина	Примечание
35, *1*	Колт из желтого металла	79/81/1	В	Б2		
35, *2*	Колт из желтого металла	79/81/2	В	Б2		
36, *1*	Колт звездчатый	79/81/3	В	Б2		
36, *2*	Колт ажурный	79/81/4	В	Б2		
37	Колт (увеличено)	79/81/1	В	Б2		
38, *1*	Шумящая подвеска	79/81/5	В	Б2		
38, *2*	Шумящая подвеска	79/81/6	В	Б2		
39	Конус шумящей подвески (вид с четырех сторон)	79/81/6	В	Б2		
40, *1*	Днище конуса	79/81/5				
40, *2*	Днище конуса	79/81/6				
41	Цепочки с бляшками	79/81/5 и 79/81/6				
42	Конус шумящей подвески	79/81/5				
43, *1*	Криновидная подвеска	79/81/9	В	Б2		
43, *2*	Бусина	79/81/13	В	Б2		
43, *3*	Криновидная подвеска	79/81/10	В	Б2		
43, *4*	Бусина	79/81/14	В	Б2		
43, *5*	Криновидная подвеска	79/81/11	В	Б2		
44	Створчатый браслет	79/81/8	В	Б2		
46	Браслет крученый	79/81/7	В	Б2		
48, *1*	Гривна	79/81/20	В	Б2		
48, *2*	Гривна	79/81/21	В	Б2		
48, *3*	Гривна	79/81/22	В	Б2		
48, *4*	Гривна	79/81/23	В	Б2		
48, *4*	Гривна	79/81/23	В	Б2		
48, *5*	Гривна	79/81/24	В	Б2		
48, *6*	Гривна	79/81/25	В	Б2		
48, *7*	Гривна	79/81/26	В	Б2		
48, *8*	Гривна	79/81/27	В	Б2		
48, *9*	Гривна	79/81/28	В	Б2		
48, *10*	Гривна	79/81/29	В	Б2		
48, *11*	Гривна	79/81/30	В	Б2		
48, *12*	Гривна	79/81/31	В	Б2		
48, *13*	Гривна	79/81/32	В	Б2		
48, *14*	Гривна	79/81/33	В	Б2		
48, *15*	Гривна	79/81/34	В	Б2		
48, *16*	Гривна	79/81/35	В	Б2		
48, *17*	Гривна	79/81/36	В	Б2		
48, *18*	Гривна	79/81/37	В	Б2		

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Загорульский Эдуард Михайлович

ВИЩИНСКИЙ ЗАМОК XII–XIII вв.

Редактор *М. А. Трифоненкова*
Художник обложки *Л. А. Стрижак*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Корректор *Г. М. Добыш*
Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*

Подписано в печать 16.02.2004. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,90 + вкл. 2,58.
Уч.-изд. л. 10,43 + вкл. 2,82. Тираж 1000 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.
Лицензия ЛВ № 315 от 14.07.2003.
220050, Минск, проспект Франциска Скорины, 4.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Лицензия ЛП № 461 от 14.08.2001.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.